

**ВETERАНЫ ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙН
И МИРОТВОРЧЕСКИХ
ОПЕРАЦИЙ
ООН ВСПОМИНАЮТ**

 Memories

Москва
Издатель И. Б. Белый
2010

ББК 63.3 (6)
Т51

Редакторы-составители:
полковник, к.и.н. А.А. Токарев,
к.и.н. Г.В. Шубин

Редактор **О.И. Шартова**

*Издание осуществлено за счёт
средств редакторов-составителей.*

Т51 **Ветераны локальных войн и миротворческих операций ООН вспоминают.** — Москва: Издатель И. Б. Белый, 2010. — 216 с. с илл.

ISBN 978-5-904935-04-7

Читатели этой книги узнают много неизвестного о войнах, которых «не было». О них не принято было говорить в прессе, а участники долгое время были вынуждены молчать... Но это было и это тоже НАША ИСТОРИЯ.

ББК 63.3 (6)

© Институт Африки РАН, 2010
© Коллектив авторов, 2010
© Токарев А. А., составление, 2010
© Шубин Г. В., составление, 2010
© «Мемогies», оформление, 2010
© Издатель И. Б. Белый, 2010

ISBN 978-5-904935-04-7

СОДЕРЖАНИЕ

Сpirкин Анатолий Лаврентьевич, полковник в отставке	4
Николай Александрович Ладомирский, полковник запаса	22
Корендясов Евгений Николаевич посол в отставке	41
Уваров Александр Анатольевич, полковник запаса	43
Сергей Владимирович Шкариненко, майор запаса	68
Грицук Олег Аркадьевич, бывший переводчик 25-й ангольской пехотной бригады Куито-Куанавале.....	89
Маслов Николай Михайлович, полковник в отставке	139
Дацюк Александр Арсентьевич, подполковник	154
Галиев Максим Хайдарович, майор, преподаватель кафедры восточных языков Военного института	170
Михаил Юрьевич Точигин, подполковник	193

Спиркин Анатолий Лаврентьевич, ПОЛКОВНИК В ОТСТАВКЕ *

Ближний Восток (1967-1968 гг.)

Я, **Спиркин Анатолий Лаврентьевич**, родился в 1941 году в Пензенской области. Работал три года на стройке на Урале. В 1961 г. пошёл служить в армию. Отслужил три года в ракетных войсках стратегического назначения на Урале и по направлению командира части приехал в Москву, поступать в Военный Институт иностранных языков (ВИИА). Сдал успешно экзамены в августе 1964 г., и меня зачислили.

При зачислении была собрана комиссия во главе с начальником Военного института генерал-полковником **А.М. Андреевым**, мы заходили по очереди в кабинет, где заседала эта комиссия, и представлялись.

Когда я зашёл и доложил, как положено, генерал-полковник **А.М. Андреев** спросил меня:

– **Спиркин**, какой язык хочешь изучать?

– Испанский.

– А почему испанский?

– А потому что мне нравится испанский язык, и вообще, я хочу поехать в Испанию (*смеётся. – А. Т.*).

– Хорошо, молодец, будешь изучать арабский (*смеётся. – А. Т.*).

---

* Запись произведена 10. 01. 2006 г. к.и.н. полковником **Токаревым Андреем Александровичем**.

Египет, 1967 г.

И с тех пор я, как ни странно, стал изучать арабский язык.

В группе подобрались ребята очень толковые, талантливые, очень способные. Некоторые гениальные даже попались.

И арабский язык нас так захватил, так заполонил, что вся наша жизнь последующая была связана с арабским языком.

Со мной учились **Казаков Владимир Иванович** (ныне — отставной генерал-майор), **Сорокин Алексей Иванович**, **Головко Владимир Николаевич**, **Медведев Сергей Борисович** (он сейчас большой пост занимает где-то в каком-то министерстве).

И когда мы поступили, все старательно учились. Наши учителя, начиная с начальника кафедры **Сергея Акимовича Тимофеева**, твердили, что надо работать, надо хорошо изучать арабский язык, а там видно будет.

И никто не думал, что мы поедем в какую-нибудь командировку.

Ещё у нас старшим преподавателем курсового колллектива был **Куценко Владимир Леонидович**. Толковый преподаватель, очень хорошо знающий арабский язык и великолепный методист.

Работала **Адель Николаевна Акатьева**, **Трегулова Гулия Керимовна** и **Сорокин Лев Маркович**. Вот четыре человека, которые на первом курсе преподавали нам арабский. Но носителей языка среди них не было.

А затем пришли очень интересные и имеющие уже большой опыт языковой работы преподаватели: **Медалёв Павел Васильевич** (ныне покойный), **Тухлинцев Евгений Афанасьевич**, **Марборов Иван Афанасьевич**, которые нам много дали в освоении языка и, вообще, многому научили в жизни. Был также преподаватель языка **Шванёв**, он пришёл на кафедру позже и я его не застал, потому что уехал в командировку, о которой даже не помышлял...

В 1967 году произошла так называемая «шестидневная война» на Ближнем Востоке.

Я заканчивал тогда третий курс. И как только эта война произошла, то, насколько я знаю, правительство Египта обратилось к руководству Советского Союза, с тем, чтобы оно помогло ликвидировать остатки агрессии, восстановить вооружённые силы и направить в Египет советских советников и переводчиков.

И мы с третьего курса, абсолютно не зная египетского диалекта, были туда, я бы так сказал, брошены, катапультированы (*смеётся. — А. Т.*).

Причём на сборы нам дали буквально день-два и вечером (а всё делалось очень-очень тихо) отправили нас со Щёлковского аэродрома в гражданском самолёте.

...Интересно то, что перед отправкой с нами, индивидуально с каждым, беседовали и сам начальник Института, и заместитель начальника ГУКА (Главное управление

кадров) генерал-полковник **Лукашин**, и представитель ЦК КПСС. Беседовали долго, обстоятельно. Спрашивали, к примеру, а вы знаете обстановку? Говорили о том, как нужно вести себя советскому человеку. Особенно запомнилось, как **Лукашин** принимал меня. И самое главное, что он сказал: «Смотри сынок, там по девкам не бегай, там не до этого будет» (*смеётся. — А.Т.*). Нас с этими беседами прокрутили за два дня. Я удивляюсь, что сейчас этого нет.

В нашей группе было всего семь человек — **Сорокин**, я, **Казаков**, **Прокопенко**, **Таровкин**, **Горбатенко**, **Короткин**. Взяли все три языковые группы с нашего курса.

Нашу группу первую бросили в Египет. А остальные приехали позже.

Приказали вечером с чемоданами прибыть к институту. В 10 часов вечера нас ждал автобус. Но когда мы в него сели, ещё не знали, куда нас направляют, хотя догадывались о том, что посылают в Египет. Перед отлётом нам не сказали абсолютно ничего о месте назначения. Мы все прибыли и нас повезли не в Шереметьево, как мы думали, а в Щёлково, на военный аэродром. Мы там прошли таможенный досмотр, который длился две минуты. Посадили в самолёт и — вот мы уже летим... (Когда нас послали, я уже сейчас не помню, — то ли в сентябре, то ли в октябре 1967 года. Это было начало четвёртого курса.)

Когда мы сели в самолёт (**Ил-18**), все были одеты в гражданскую одежду. Даже лётчики все были в форме ГВФ (гражданского воздушного флота). И когда мы полетели, поняли, что движемся на юг. А раз на юг, то, видимо, в Египет.

Кроме нас, переводчиков, летели и военные советники. Я познакомился со своим советником — **Яковом Васильевичем Рыжковым**, когда мы одновременно переодевались на Беговой в гражданское. И он мне советовал,

какой плащ выбрать и так далее. Они сами (советники) тоже не знали, куда летят. Но догадывались.

Он был командиром полка. Его пригласили из Дальневосточного военного округа, из населённого пункта Чкаловское под Магаданом, около сопок, если не ошибаюсь.

Сидели мы в самолёте отдельно от советников, контактов с ними у нас пока что не было.

Мы прилетели и читаем на фронтоне аэровокзала, куда прилетели, на арабском: «Аэропорт Каира». И стало всё понятно. Скрытны все были уж очень. Излишне скрытны. Необоснованно секретно, как нам казалось.

Вероятно, это было оправдано тем временем, в котором мы жили, чтобы избежать волнений или ещё чего-то со стороны западных государств, поэтому такая скрытность была необходима...

Для нас подогнали автобусы и отвезли в офис Главного военного советника, затем разместили в гостиницу. Рядом находилась мечеть и в пять часов утра муэдзин (а может быть, и запись его голоса) разбудил нас.

Пришел нубиец (египетский негр с юга страны) из гостиничной obsługi. Подбирал полотенца, и я узнал, что полотенца называются «башкир». Этого раньше я не знал, точнее, слово знал: у нас в СССР есть жители — этническая группа — башкиры. А тут «башкир» — полотенце. Надо же...

Когда мы побывали в офисе Главного военного советника, генерала **Гусева** (ныне покойного), он сказал всей нашей группе: «Поедете со мной». Но не сказал, куда.

Все — шесть человек и **Гусев** — сели в старый «УАЗик» («козлик», «УАЗ-67»), в котором сидения расположены вдоль бортов.

Советников никаких не было. И мы в первый же день мы заехали из Каира в прифронтовую зону, в Исмалию.

Это замечательный, зелёный, прекрасный, очень красивый город. Одноэтажные красивые белые виллы все в зелени и в цветах.

И когда мы ехали, то во время остановок на КПП (контрольно-пропускных пунктах) генерал **Гусев** открывал дверь и говорил: «Кобур-рус».

А мы — арабисты с трёхгодичным обучением — не понимали, почему он говорит «кобура», и нас пропускают. Причем здесь от пистолета кобура?

И мы стали лихорадочно соображать и искать, как же так можно проезжать через КПП по одному этому слову. Взяли словарь и, помню, что был с нами **Алик Короткин**, который и стал по словарю искать.

В результате кто-то из нас нашёл слово «хубарб» («специалисты»). А наши советники и специалисты переименовали слово «хубара» в «кобура». Вот так и проезжали.

Когда мы приехали в Исмаилию, нас разместили в старом лагере под названием «Джалья». В нём когда-то располагались англичане.

И в этом лагере началась наша жизнь и служба в Египте. Но самое интересное дальше началось: на второй день я уже сидел с советником полковником **Яковом Васильевичем Рыжковым**, а потом стоял с ним и переводил его слова командиру египетской бригады (№ 120) полковнику **Салаху Муссе**. Очень высокий, бледнолицый, русоволосый и похожий на европейца, а вовсе не на араба, египтянин.

И что я там переводил — я, конечно, не помню. Ничего не помню. И какие слова говорил, тоже не помню.

Но потом, приблизительно через три месяца, я уже осознавал, что именно перевожу, и осознавал, что мне говорят для перевода.

А первые три месяца, конечно, были очень-очень сложными, просто тяжёлыми: сначала было знакомство с прифронтовой зоной, а потом с фронтовой.

Советник **Яков Васильевич Рыжков** прошёл Великую Отечественную войну от начала и до конца. И поэтому в боевой обстановке он чувствовал себя как рыба в воде. И, грубо говоря, таскал меня всюду и везде. Был во всех окопах, траншеях. Мы осматривали и передний край. Как и чем он укреплён. Затем проезжали вдоль переднего края на машине с тем, чтобы дать советы и рекомендации местному командованию, как улучшить эту оборонительную линию.

При этом всё бывало. Была и стрельба по нам. Египетский солдат, который вёл машину, очень пугался стрельбы. Его звали, кажется, **Ахмед. Яков Васильевич** чувствовал его страх и сразу же говорил: «Выйди из машины». Садился сам за руль, а солдата сажал рядом. И самое интересное, — проезжали мы все эти места, и нас Бог миловал, не задевала ни одна пуля.

Надо сказать, что мы были одеты в форму египетской армии, у нас были пропуска египетской армии и нас никто не сопровождал, кроме водителя и, видимо, перед водителем стояла задача защищать нас как сможет в каких-либо экстремальных ситуациях.

А **Яков Васильевич** был до мозга костей любителем этой обстановки. Однажды он нашёл место на Суэцком канале, где была небольшая пристань и заброшенный домик лоцмана — и, когда осматривали позицию, **Яков Васильевич** сказал: «Давай-ка, мы здесь искупаемся».

И мы стали купаться в этом канале каждый день в 7–8 часов утра, до тех пор, пока на противоположной стороне канала, который в этих местах имел ширину всего-навсего в 70–80 метров, не появились израильтяне. Причём, вооружённые, какой-то патруль.

Они спустились к воде и стали за нами наблюдать. И в этой ситуации, должен признать, **Яков Васильевич Рыжков** проявил большое мужество и мне преподал урок выдержки и мужества.

Он сказал: «Не надо волноваться, переживать и не надо показывать, что ты боишься их, надо идти уверенно, спокойно: одевайся спокойно, спокойно поднимайся по лестнице». И когда я зашёл за домик лощмана, то почувствовал невероятное облегчение. Думал, если сейчас начнут стрелять, то за понюшку табаку погибнешь.

Яков Васильевич объяснил после этого: «Никогда не надо показывать зверю, что ты боишься его, и не надо показывать тому, кто с ружьём, что ты его боишься». В общем-то, он и прав оказался.

И дальше эта наука — наука мужества — продолжалась каждый день, каждый час. Начались израильские бомбардировки, такие солидные. Воронки от авиабомб громадные получались.

То же самое — в одной из поездок. Когда начался такой интенсивный обстрел, **Яков Васильевич** мне говорит: «Запомни, что снаряд в одну и ту же воронку никогда не попадает дважды, а тем более третий снаряд». И мы прятались в этих воронках. Он говорил: «Не волнуйся, всё пройдет». И точно — всегда всё так и происходило, как он говорил.

Нас никогда не сопровождали арабы, кроме водителя-египтянина. Меня до сих пор поражает видение того, как израильтяне с «**Миражей**» («**Мираж Ф III**») напалмом поливали передний край и мы как раз находились там в этот момент, но не в том батальоне, траншее которого поливал напалмом «**Мираж**».

На одном из египетских солдат загорелось обмундирование, он выбежал из окопа и со страшными, дикими воплями побежал прочь от этой траншеи.

Героически себя повёл в этот момент лейтенант, командир взвода, который догнал его, повалил в песок и как-то потушил этот напалм. Крик был, конечно, страшный.

И стоят перед глазами небольшие танкетки (броневики) «Салах эд Дин» («Саладин»^{*}) – сейчас их уже нет на вооружении, и сегодня их, наверное, никто не знает и не помнит. А когда израильтяне устраивали обстрел, то напалмом сжигали броневые средства (легкобронированную технику) у египтян, и эти бронированные средства из-за бензинового двигателя или слабой брони как спичечные коробки горели, что для меня было удивительно. И я заметил тогда же, что от напалма горит абсолютно всё, даже песок. Это поразительная вещь. Невероятно страшное оружие.

Интересное было событие, когда мы оказались в очередной, скажем так, перестрелке (артиллерийской дуэли). Израильтяне стреляли по египетской территории, но поскольку во фронтовой полосе жителей не было, а были только бездомные собаки, то они подбирались к нашим ногам и даже пытались забраться под наши подошвы.

Так, в обычной обстановке, когда едешь, эта свора бездомных собак выбегала на дорогу, собаки пытались схватить нас за подошвы, лаяли, бежали за машиной (УАЗ-67).

А как только перестрелка начиналась, собаки сразу же стремились спрятаться за человека. А человек-то сам не защищён.

---

* «Саладин Mk2» – броневедомобиль английского производства. Оснащён 76-мм орудием (боекомплект - 43 снаряда) и пулемётом калибра 7,62 мм и зенитным пулемётом калибра 7,62 мм (боекомплект 2750 патронов). На вооружении с 1956 года. Экипаж - 3 человека. Масса – 11,6 тонны. Длина – 4,9 метра. Высота – 2,4 метра. Шестиколёсная формула (3Х3). Мощность карбюраторного двигателя – 129 л.с. Скорость – до 93 километров в час. Угол подъёма – 24 градуса. Высота преодолеваемой стенки – 0,4 метра. Ширина преодолеваемого рва – 1,2 метра. Глубина преодолеваемого брода – 0,9 метра. Запас хода без дозаправки – 300 километров. Состоял или состоит в резерве на вооружении в десятках стран мира. (Прим. ред.-сост.)

Я помню, ко мне подобралась собака, я ногу поднял, она подлезла и забралась мне под ногу (*смеётся*. — А. Т.). А что я могу ещё сделать? Я же её не могу защитить-то.

Интересный был момент, когда я постирал своё обмундирование и надел новое — отглаженное. Только когда одевался, забыл пропуск — то удостоверение, которое нам выдали египтяне. А мы с ребятами поехали посмотреть, что есть в магазинах в Исмаилии. Я не любитель по магазинам ходить, и остался на берегу канала. Там была скамейка, я присел на неё.

У меня были немецкие очки в золотой оправе. И форма была египетская. Я сидел и задумчиво смотрел в сторону здания администрации Суэцкого канала, на воду, задумался и не заметил, как ко мне подошли так называемые дружинники — молодые ребята, вооружённые карабинами (*Ли-Энфилд*) и спрашивают: «Кто ты такой?»

Говорю, мол, я переводчик из такой-то бригады, и так далее.

Они: «Где документы?»

Я раз в карман — а удостоверения нет.

Дружинники карабины со штыками на меня наставили и повели в свой штаб, где меня закрыли в каталажке.

До сих пор помню, как они меня вели. К тому времени я уже месяцев 10 пробыл в Египте, ориентировался и по-арабски свободно объяснялся.

Итак, очки у меня золотые, сам — белый, светлый, для них (а ребята молодые, лет 18-19) я подозрительным показался. И они говорят: «Немецкий шпион!»

Я сказал им всё, что положено: что я переводчик из 120-й бригады (*смеётся*. — А. Т.), и куда им нужно позвонить.

И они долго звонили, а телефоны были старые (*ТАИ-47*), в которых ручку надо было крутить. Долго они

крутили эти ручки, дозванивались. Дозвонились до оперативного дежурного по бригаде, и он подтвердил, что всё так и есть, как я говорил.

Тем временем ребята наши подумали, что я ушёл пешком и уехали. Мне же пришлось идти пешком полтора километра после того, как меня выпустили, и я думал, что если по дороге меня встретят такие же дружинники, то мне уже не миновать какого-нибудь наказания (*смеётся. — А. Т.*).

Пришёл, а ребята говорят: «Где ж ты был?»

Я рассказываю, мол, вот сидел часа два с половиной у египтян. Но что делать — всякое бывает в жизни. Это тоже интересно и запомнилось мне на всю жизнь.

Я, конечно, участвовал и в подготовке операций. Причём, египтяне делали это в большом секрете, но, тем не менее, нам давали карты для того чтобы мы разрабатывали какие-то, так скажем, наступательные действия на территорию Синая (захваченную в 1967 г. Израилем). И много усилий пришлось приложить для того, чтобы всё это показать и рассказать, потом не только перевести карту (понятно, что её можно перевести), потому что на карте — арабские названия. Надо было перевести и легенду, вот с чем мне пришлось столкнуться. Надо было перевести условные обозначения и затем описать эту легенду всю. И когда я описывал легенду, то пришлось очень плотно работать с начальником оперативного отдела бригады, не помню его фамилии. Очень, очень религиозный человек и очень порядочный. Он научил меня каким-то азам правильного использования терминов, как оформлять документы, как писать красиво по-арабски.

У нас в институте не было преподавателей, которые знали бы хорошо арабскую каллиграфию. Он мне показал именно правила арабской каллиграфии. Я ему до сих пор благодарен.

И перевёл я около сотни страниц тактических и оперативных документов, связанных с подготовкой наступления египетских войск на полуостров Синай.

Бывали, конечно, и другие случаи — самые невероятные с точки зрения перевода. Например, случай, когда советник по артиллерии нашей бригады разговаривал с начальником артиллерии 120-й бригады, и они обсуждали один вопрос по баллистике. И начальник артиллерии спросил: «По какой системе вы вычисляете эти координаты?»

Советник показал, по какой системе. Написал прямо на полном листе. Расписал всю последовательность этих вычислений. А начальник артиллерии бригады взял и перевернул лист и говорит презрительно: «Можно и так». Но на перевернутом листе написал свои расчёты этой баллистики.

Наш советник посмотрел и говорит: «Да, можно и так». Я и перевёл теми же словами. Другого перевода не было. А удивительная вещь — коммуникация — состоялась! Потому что разговаривали два профессионала-артиллериста и они знали своё дело очень конкретно, очень точно. И в такой ситуации оказалось, что переводчику надо всего два слова сказать.

У нас была интересная встреча с будущим министром обороны Египта **Ахмедом Исмаилом**. Очень интересный, обаятельный человек. Генерал. Учился когда-то у нас.

И вот я переводил ему оперативную обстановку по 120-й бригаде, которую в общем-то критически оценивал наш советник. Я переводил ему и, конечно, наверное от волнения, где-то что-то перепутал (*смеётся*. — *А.Т.*).

Он мне сказал по-арабски: «Ты не волнуйся, ты будешь переводчиком». Похлопал меня по плечу. И мы расстались. Очень хорошее впечатление оставил. Вскоре он стал министром обороны.

Интересно было и знакомство с техникой (автомат **Калашникова**, пулемёт **Горюнова**, танк **Т-34** и **Т-55**), ко-

торой была вооружена 120-я бригада, приходилось самому стрелять из пулемёта, из автомата, из танка, из зенитного орудия. Стрелять по реальной цели.

Египтяне говорят: «Садитесь, вот летит израильский самолёт. Пробуйте стрелять». А как пробовать? Нужно же знать упреждение, которое предусматривается для того, чтобы попасть.

Естественно, я выпускал кучу снарядов, но, увы, самолёты улетали. Я лично никого не сбил.

Причём наш советник, с которым я работал, не участвовал в стрельбах никогда. Он только советы давал. Я же осваивал технику из любопытства. Мне самому интересно было и потом хотелось попробовать, поэкспериментировать, как это получится.

Потом, когда учения были, то я стрелял из танка (Т-55) и с одним командиром батальона — арабом — поспорил. Вернее, он начал мне доказывать, что я не умею стрелять из автомата, из пулемёта.

Я говорю: «Попробую». И мы попробовали стрелять по мишеням и оказалось, что у меня больше очков, чем у него.

Он пожал мне руку и сказал: «Молодец».

Я больше, конечно, не пытался влезать в это, потому что нашим советникам, специалистам и переводчикам запрещали стрелять.

Мы в основном только советы давали. Очень интересно было наблюдать как зрелище ночные перестрелки, ночные артиллерийские дуэли между египетской и израильской артиллериями.

И те и другие запускали трассирующие снаряды, небо освещалось очень ярко, тем более что в Египте темнеет почти мгновенно, и темнота наступает такая густая, плотная. И вот эти артиллерийские трассирующие снаряды расцвечивали ночное небо просто невероятно. Такая красотища!

Но после того как снаряды падают, где-то что-то рушится, кто-то гибнет, тут уже не до красоты. И всё же красота была невероятная.

Мне понравилось ещё, как наша «**Катюша**» стреляет (**БМ-14**). Такая же красота, когда улетають ввысь с этих направляющих реактивные снаряды и там, где-то далеко мы видим, наблюдаем в бинокль — разрываются. Причём, разрываются — и всё в пыли, всё в дыму, и где и кто есть — непонятно. А стреляли «**Катюши**» по площадям и по опорным пунктам.

Мы когда с **Яковом Васильевичем** обходили позиции 120-й бригады, то в одном местечке возле моста Кобре Ферданм (Кобре — это мост, Ферданм — название моста), была небольшая мечеть и, естественно, минарет. Он выше мечети. У этого минарета был срезан верх **ПТУР-Сами** настолько, что какие-то куски оставались только лишь на металлических прутьях. И такое впечатление, что всё срезали ножом. Но прутья торчали и было видно, что что-то ещё есть наверху.

Израильтяне считали, что там, на минарете, сидит наблюдатель. Поэтому и били по этому минарету.

А **Яков Васильевич** был большой любитель выйти и посчитать людей, которые находятся на противоположном берегу в амбразурах. Он брал бинокль, подходил прямо к берегу Суэцкого канала, я шёл за ним. Он говорил: «Ты ничего не бойся. Мы сейчас их только посчитаем».

Ему нужно было это для того, чтобы определить и определиться, какой здесь район, — может, здесь ротный опорный пункт, или это батальонное расположение израильских войск. Это всё не было бравадой, это всё для дела.

А из израильской амбразуры торчал пулемёт. И не просто пулемёт, а станковый пулемёт, к которому мог любой из израильтян подойти и открыть огонь по нам.

Но **Яков Васильевич** медленно подходил, так же медленно, спокойно разворачивался и говорил: «Не надо бе-

жать». А я-то спиной чувствовал, что за нами пристально наблюдают. И думал: «Дай-ка, быстренько за эту мечеть спрячусь». А советник: «Не надо бежать, иди ровно, спокойно».

Израильтяне, конечно, догадывались, что мы – не египтяне. У них очень хорошо работала разведка. Когда мы прилетели и приехали на Суэцкий канал и все получили египетские фунты, мы приобрели транзисторные радиоприёмники. И когда я впервые включил радиоприёмник и стал искать какую-нибудь радиостанцию, к примеру, Москву, я вдруг слышу голос: «Кол Израиль, мин Ерушалйам». («Говорит Израиль, Иерусалим»).

Я был поражён. И потом сообщение на русском языке: «На этой неделе в Египет прибыла большая группа советских специалистов и переводчиков». Причём израильтяне назвали цифру и специалистов и переводчиков – по 500 человек. Я-то знаю, что их гораздо меньше – примерно всех вместе, может быть, 500 человек.

Позже была уже направлена дивизия ПВО, она прикрывала Каир. И, конечно, наших там было очень много.

Это заявление о 500 человек нас сильно поразило и мы включали каждый вечер эту радиостанцию, чтобы узнать, что о нас говорят.

Каждый раз израильтяне сообщали, к примеру, что вчера была успешная бомбардировка египетских позиций. Разбили то-то... А мы знаем точно, что не разбили.

«Вчера мы попали в здание администрации Суэцкого канала». А мы знали, что они попали в канал. То есть израильтяне всех дезинформировали.

Ну, в определённой степени у них была задача нагонять страх и на нас, и на египтян, что, мол, израильтяне сильны и могут всё и вся поразить.

Но и наши советники, и мы видели, что это совершенно не так.

Конечно, порой они и попадали в какое-либо здание (попадали в угол дома), но попадали, как ни странно, совсем не обязательно в то место, где находились военнослужащие. А поражали они, как правило, пустующий дом.

При мне никого не убило и не ранило никого из наших, но как только мы уехали с Суэцкого канала (это было где-то в сентябре или октябре 1968 года), то ранило советника бригады, которая находилась в Порт-Саиде, подполковника **Капустина**.

А **Яков Васильевич** таскал меня за собой. Грубо говорю, конечно, таскал. Но, отмечу ещё раз, я под его руководством хорошую школу прошёл — и мужеству, и стойкости от него научился.

А один из советников третьей дивизии (впоследствии генерал **Афанасьев Павел Александрович**, был он у нас в ВИЯКЕ потом начальником Западного факультета) доложил главному военному советнику — генералу армии **Лашенко Петру Николаевичу** - о том, что у нас есть такие советники, которые сами лезут в пекло, ещё и переводчиков за собой ташат.

И **Лашенко** приказал никому, когда идёт перестрелка, не вылезать и наблюдать со стороны. А как со стороны наблюдать — никто, конечно, не знает.

Хотя сам **Лашенко** был боевой генерал. Меня поразило, когда он сказал как-то раз на совещании, на которое собирал нас и советников (он не отделял нас, переводчиков, от советников — собирал всегда всех вместе, раза три или четыре проводил различные совещания. И политическую, и военную обстановки в Египте объяснял, растолковывал), что не наша задача в общем-то конкретно вмешиваться в какие-то боевые действия, а наша задача — только лишь советовать.

Вот мы строго следовали этому указанию впоследствии. Хотя, конечно, я понимаю и **Якова Васильевича**

Рыжкова, когда он стремился всё досконально узнать и доложить. Конечно, это было большое подспорье, когда он выдавал какие-то рекомендации и советы.

Командир нашей 120-й бригады **Салах Мусса**, прямо скажем, не очень-то боевой полковник. А иногда даже побаивался докладывать, что египетская артиллерия отвечает на огонь израильтян. Я даже знаю, почему побаивался.

Дело в том, что он, насколько я помню из его разговоров и рассказов, был участником боевых действий на Синае, и его бригада попала в дефиле между гор. Израильтяне сумели застопорить движение головы и хвоста колонны, после чего они стали всех расстреливать. И он был в числе тех, кто сумел выбраться и спастись.

После этой страшной истории, как только какая-то перестрелка, он стал бояться, что израильтяне переправятся через Суэцкий канал и доберутся до его штаба. Мне так казалось.

Очень хороший был начальник штаба нашей бригады, правда, своеобразный. Очень хорошо к нам относился. Да и все в бригаде к нам хорошо относились. А начальник штаба был большой любитель заложить за воротник, несмотря на то, что мусульманин. У них были каждые три недели отпуска на три-четыре дня, и когда он возвращался из отпуска, то голову только на столе держал – не мог её поднять с похмелья.

Спросишь: «Где был?», отвечает: «Да не спрашивай, – казино, игорные дома...». Понятно, что кроме этого ещё кое-что было.

Он был разбитной, интересный человек.

А в принципе, очень хорошая и стоящая наука переводчика на войне. Мы должны были выполнять ту задачу, которая была перед нами поставлена руководством нашей страны, и мы эту задачу выполнили.

Я был в Египте год и после завершения командировки вернулся на тот же курс.

Египтяне нас хорошо проводили, но поскольку мы там находились, скажем так, скрытно, нелегально, поэтому нас провожали, особо не афишируя. Проводы были очень интересные. Подарок от командира бригады я храню до сих пор. Я внёс его фамилию позднее в текст своего учебника арабского языка.

Наши товарищи-советники отправили благодарственное письмо за подписью **Лащенко** на имя начальника **ВИЯКА**, который собрал весь институт и зачитал это письмо перед строем и сказал, чтобы те, кто поедут вслед за нами, точно так же работали и служили и чтобы все слушатели и выпускники выполняли именно так свои задачи.

Ну как получилось — так и получилось.

Но нас не представили к званию младшего лейтенанта, потому что тогда такой практики не было.

Мы после этого в течение одного года закончили четвёртый и пятый курс. То есть шли отдельной группой — нас было 22 человека, и закончили мы **ВИЯК** в течение года. Причём, в последние месяцы мы сдавали практически каждый день и зачёты, и экзамены как ускоренный курс.

И в октябре 1969 года мы уже всё сдали.

К наградам нас представили — к медали «За боевые заслуги», но, видимо, не дошла эта награда до героев (*смеётся*. — *А.Т.*). На каком-то этапе кто-то вычеркнул мою фамилию. Поэтому мои награды — юбилейные медали. Но я не в обиде абсолютно за это. Всякое бывает в жизни.

Я считаюсь ветераном-участником боевых действий. Удостоверение есть. У меня в личном деле и в характеристике записано, что я участвовал в боевых действиях.

Николай Александрович Ладомирский, полковник запаса*

– Николай, скажи, пожалуйста, как ты пришёл в военный институт, в эту профессию?

– Пришёл, как и большинство тех, кто учились в нашем институте – с гражданской скамьи. Я – москвич, окончил школу № 69 в 1970 году.

Если вспомнить то время, когда на экран вышел «Щит и меч» и целый ряд подобных фильмов, воспевавших романтику работы советских людей, в том числе за границей, тогда многие молодые люди стремились стать офицерами. И я поступил в институт (военных переводчиков) в 1970 году. У меня первый язык был бирманский, а второй – английский.

– И какая у тебя была первая работа? С каким языком?

– Ну, если вспомнить эпизод первой практической работы, в частности с бирманским языком, то мы работали на выставке в Москве (на втором–третьем курсе). Но первая очень серьёзная работа, которая отложилась у меня в памяти, была как раз с английским языком – по поводу событий арабо-израильской войны 1973 года.

– Вот об этом можно поподробнее: когда и как это было?

---

* Запись беседы сделана 9 октября 2002 г. ст.н.с. Института Африки РАН, доцентом Военного университета МО РФ полковником **Токаревым Андреем Александровичем.**

— Я сейчас постараюсь всё это вспомнить, но сразу прошу прощения — может быть, я на день-два ошибусь. И всё же, несмотря на то, что прошло уже 30 лет, я довольно чётко помню те события. С пятого-шестого октября 1973 г. по двадцатое состоялась так называемая знаменитая вторая* арабо-израильская война.

— **Фактически, 29 лет назад...**

— Да, фактически 29 лет назад, а воспоминания всплывают и сейчас довольно живо. Я помню это время. Помню шестое октября 1973 года. Мы на занятиях. Я на четвёртом курсе, на факультете восточных языков. Второй язык у меня — английский, и изучаю я язык чуть больше года.

— **Но вам ещё не говорили, что придётся использовать этот язык в ближайшее время?**

— Да нет, всё получилось для нас абсолютно неожиданно. Вообще, о самой войне мы услышали четвёртого или пятого числа. Хотя до этого обстановка на Ближнем Востоке была напряженной и ясно было, что там не обойтись без военных действий. Но мы, конечно, и представить себе не могли, что будем прямыми участниками этих событий.

Так вот, в начале октября (1973 г.) — то ли четвертого, то ли пятого числа началась эта война. Начали её, как сейчас уже известно, арабы, но в то время представляли, что первым начал Израиль. Тогда политикой интересовалось множество людей, и эта новость обошла всех в стране, благодаря телевидению.

Пятого октября мы, как обычно, были на занятиях. В аудиторию вдруг вошёл начальник курса (в то время эту должность занимал майор **Степанов**) и вызвал десять человек с курса. В том числе меня. Я был

---

* Точнее четвёртая арабо-израильская война (1948 г., 1956 г., 1967 г., 1973 г.) — *прим. ред.-сост.*

на восточном факультете — на факультете восточных языков...

— **А по какому принципу отбирали?**

— Отбирали (это я уже сейчас могу понять), видимо, по каким-то качествам, нужным для этой командировки. Подбирал начальник курса, а может быть, начальник факультета (это мне неизвестно).

— **Видимо, знание языка имело превалирующее значение?**

— Возможно. Учился я хорошо, у меня были отличные оценки. Но английский язык был для меня новым языком. До этого в школе я учил немецкий. Поэтому английский я реально изучал — поскольку это был второй язык — не так уж и долго. И в тот момент мы абсолютно не были знакомы с военным переводом. А главное, с бортпереводом — разновидностью военного перевода.

После того как нам сообщили, что мы едем в командировку, можно было догадаться: раз началась война, то это будет Ближний Восток. В какую страну конкретно — предугадать было трудно. Вообще, всё это было в такой спешке...

Нас вызвал начальник курса и сказал, что вы, мол, поедете выполнять ответственное задание Родины, как тогда говорили.

Но ведь у нас не было документов — ни служебного, ни какого-либо другого заграничного паспорта. И, представляешь, все эти документы были приготовлены быстрее, чем за сутки.

Нас первым делом отправили фотографироваться: нашёлся человек, который сразу сделал нам фотографии. И единственное, что нам разрешили, это съездить домой, переодеться в гражданскую одежду и тут же вернуться обратно.

Приехал — родителей не было дома. Так получилось, что я только по телефону сообщил им, что уезжаю. Пере-

оделся, вернулся обратно в институт. Нас срочно отправили в лабораторию технических средств обучения — изучать те двести-триста слов из вокабуляра бортперевода английского языка.

Как сейчас помню, с нами проводил занятия полковник **Васюк**. До этого мы никогда не занимались военным переводом, мы изучали речевую практику.

Так вот, за два-три часа трудно освоить целый курс — довольно большой пласт лексики. Слава богу, что мы взяли с собой учебники из институтской библиотеки.

В общем, спустя три часа, в этот же день нас посадили в автобусы и раздали паспорта, и мы были отправлены в неизвестном направлении...

Я упустил один эпизод. Начальником ВИИЯ тогда был знаменитый **А.М. Андреев**. И он с каждым из нас (из первой группы) перед тем, как мы сели в автобус, лично побеседовал прямо на улице. И сказал ещё: «Ребята, вы будете выполнять очень сложную и ответственную задачу. Берегите честь нашего института, я уверен — вы справитесь с ней хорошо».

Ехали мы из института в Чкаловское, на военный аэродром. По дороге, кстати, наш военный лагерь — знакомое место.

...Мы приехали в Чкаловское. Там была, видимо, неразбериха: долго искали борт, который нас переправит, потому что не только мы одни приехали. Но поскольку у нас было важное задание, в конце концов, нашелся грузовой самолёт **Ан-12**. И полетели мы в Литву, в Паневежис.

Наша группа состояла из двадцати человек. Как потом задним числом оказалось, это была первая группа бортпереводчиков из нашего института. Кроме этого, ГУК (Главное управление кадров) выделил человек десять.

Мы прилетели в Паневежис. Перелёт запомнился тем, что страшно болели уши, потому что мы летели

на высоте около трёх с половиной тысяч метров. А в гражданских самолётах нет системы герметизации, и поэтому уши закладывало страшно. Боль была такой сильной у всех, что когда мы прилетели — это было главным для нас впечатлением, а не то, что дальше с нами будет.

Из Паневежиса нас переправили в Кедайняй — это литовский город, в котором, насколько я понял, дислоцировалась авиационная дивизия. И в Паневежисе, и в Кедайняе были различные полки военно-транспортной авиации.

Я перехожу к более широкому охвату событий: к тому, что стало ясно потом. Теперь-то уже понятно, что нас готовили для работы на воздушном мосту. Тогда возможности у нашего государства были таковы, что мы могли быстро восстановить утерянную технику, прежде всего, авиационную в Египте и Сирии, путём массированных поставок вооружений.

Итак, мы вечером прилетели в Кедайняй. Ночь мы там проночевали, а с утра нас посадили вновь в самолёты **Ан-12** с непонятным для нас заданием: лететь на Ближний Восток. Сложность переговоров для нас, конечно, была очень высокой — нам впервые дали послушать реальные радиосообщения и переговоры.

Когда я первый раз услышал эти радиосообщения, то, как и все остальные, был в страшной растерянности от того, как мы будем осуществлять этот бортперевод, учитывая мизерное количество часов, которые у нас были на изучение слов и подготовку. Кстати, в момент стресса слова запоминаются в десятки раз лучше, чем в обычной ситуации. И около трёхсот терминов я успел за это время выучить, но когда в первый раз мы попали в ситуацию переговоров между членами экипажа и диспетчерами на русском языке, мне было абсолютно непонятно, о чём идет речь. На русском языке!

Я думал: как же я буду разбираться по-английски, если на территории Советского Союза, когда нам дали послушать то, что слышат члены экипажа, — а там звучит многоголосье, — было абсолютно непонятно, кто говорит, кто и что запрашивает...

Во-первых, там на одной частоте работает не только данный самолёт, но и несколько других бортов — бортов шесть-восемь. К кому относится звучащая информация, было абсолютно непонятно.

А задача переводчика, которая перед нами стояла, была в осуществлении, непосредственно бортперевода, поскольку мы летели вместе с военными лётчиками, которые не только не знали английского языка, но и совершали полёт по абсолютно неизвестным для них международным нейтральным трассам.

И на другой день — первый день нашей работы — было направлено только в Сирию сорок бортов!

Борты были военные, военно-транспортной авиации, но перекрашенные, вместо звёздочки — флаг Советского Союза.

Нам говорили: «Запомните сразу — Аэрофлот, такой-то борт, скажем, Зиро сикс найн (069)».

— Вы были уже в форме Гражданской авиации, или одеты кто во что горазд?

— Да, кто во что горазд — в своей одежде.

— Потому что я помню, к нам потом приходили уже переодетые ребята...

— Это дальше уже стали переодевать организованно. В первый день там, конечно, была неразбериха. В то же время, если сравнить с нынешней нашей неразберихой в Вооружённых силах, — это небо и земля. Тогда за нами стояло мощное государство, которое буквально в несколько дней обеспечило поддержку, при которой арабы не проиграли эту войну.

Тогда определили каждому из нас борт. Разумеется,

на один самолёт — один переводчик.

— Как вас напутствовали, когда вы улетали? И кто вас провожал?

— Напутствовали нас люди из Штаба, в том числе из Генштаба (там был представитель, который с нами занимался). А также командир полка военно-транспортной авиации. Ставилась задача (как в то время было принято), говорилось о её высокой сложности, была накачка определённая. Но одновременно всё это было не только доброжелательно, но и просто по-человечески.

Мы вылетели из Кедайня в сторону Юга. И вот, за те два-два с половиной часа, что мы должны были пролететь территорию Советского Союза, перед тем как начать переговоры (бортпервод) на английском языке, надо было окончательно разобраться с тематикой хотя бы по-русски, понять о чём речь!..

Сначала растерянность не проходила, потому что абсолютно не было понятно, о чём говорят: ведь надо было всю информацию о взлёте, и особенно посадке и пролёте определённых регионов, — всё это надо докладывать, потому что от бортпереводчика зависит очень многое, в том числе выживание всего экипажа.

Ведь если неправильно схватить информацию, скажем, о давлении над уровнем моря, уровнем аэродрома, о нижней кромке облаков, или не различить взлётно-посадочную полосу, на которую надо сесть, последствия могут быть плачевными. Но я не буду говорить много о наших трудностях, продолжу о том, что там дальше произошло.

Был это уже второй или третий день войны. Учтывая, что мы переночевали в Кедайняе, и если считать, что нас отправили в первый день, после того как мы услышали по телевидению о начале войны. Итак, на следующее утро после ночёвки в Кедайняе мы получили все ин-

струкции о том, как действовать. Эти инструкции были очень не конкретны именно для переводчиков. Понятно было только одно: маршрут такой-то.

Мы пролетели над территорией Российской Федерации, Украины и, затем, Кавказа. Я чётко до сих пор помню, насколько красивы в первый раз увиденные мною горы – Казбек и Эльбрус, они прекрасно были видны, поскольку мы летели в сторону Армении, а затем должны были выходить на территорию Ирана.

Летели мы в сторону Ирана с тем, чтобы дальше сразу же перелететь через его территорию, территорию Ирака, в сторону Сирии.

– **Уши не болели?**

– Тогда уже, конечно, не болели. К тому же в этом самолёте была герметизация. Ведь мы уже сидели не в грузовом отсеке, как в первом случае (когда летели от Москвы в Кедайняй), а в кабине пилотов.

И, разумеется, за это время я научился каким-то образом распознавать к кому какая информация относится: когда говорит диспетчер, когда говорят люди на вышке в аэропорту.

– **Кто-нибудь помогал из экипажа?**

– Вообще, эти переговоры обычно осуществляет второй пилот, и он мне помогал, объяснял, как работает аппаратура, как и что кто говорит. И я стал понимать: вот бортинженер, а вот командир, это – второй пилот или стрелок-радист. Вот такой был экипаж самолёта, в котором мы летели. Четыре человека экипаж*, а я был пятым.

У всех были парашюты. И, как потом выяснилось, был он и у меня, но я, так же как и другие, не успел получить инструктаж как им пользоваться. Я не знал, что он есть вообще и, оказывается, в частности, под моим сиденьем. Ну, я позднее об этом скажу.

---

* А где же штурман? (Прим. ред.)

И вот мы над городом Ленинакан, одним из крупных городов Армении, который затем подвергся (в 1988 г.) разрушительному землетрясению. Сейчас он называется Гюмри. Мы над ним пролетели и должны были лететь дальше, но неожиданно стали над ним кружить.

Удивились, в чём дело? Потом выяснилось, что нам не даёт пролёт Иран. Оказывается, наши дипломатические службы ещё не успели договориться с Ираном. Сначала наши поднадавили, и те вроде бы разрешили; но когда стали пролетать, Иран не дал «добро» (с подачи, трудно сказать, американцев или кого-то ещё). Короче, не дали нам право пролёта. А это был бы самый короткий путь до Сирии (куда, как потом оказалось, мы летели).

Покружившись над Ленинаканом, мы вынуждены были там сесть. И через два часа (а было это уже вечером) нас развернули в другую сторону — опять через Кавказский хребет, через территорию Украины, и в результате мы оказались в Будапеште.

Там мы получили ещё один короткий инструктаж от представителей, видимо, Генерального штаба, и в том числе от представителей командования Южной группы войск, которая тогда дислоцировалась там. Большой военный городок (мы сели в аэропорту Кекель) и местечко Кешкунланхаза — два места, где мы обычно отдыхали впоследствии, осуществляя челночные перелёты из Сирии и Египта в Венгрию и обратно.

— **Вы прилетели в Венгрию, и когда ты сам начал там работу?**

— Во-первых, эта вторая часть перелёта — из Ленинакана в Венгрию — нам очень помогла подготовиться к переводу. Вот тут, наконец, мы (я говорю не только про себя) полностью освоились с информацией на русском языке в самой краткой форме. Теперь важно было то же самое осуществлять на английском. По крайней мере, пропала неуверенность, когда мы не понимали перего-

воры между членами экипажа и диспетчерами.

После того как мы поели и получили небольшой инструктаж в Венгрии, мы приступили к самой важной части нашего задания — перелёту к территории Сирии. Тут получилось так, что мы сделали крюк. Как сейчас помню, мы летели над Югославией. Там гористый ландшафт, перемежающийся долинами. И мы вновь не знали маршрута — всё было засекречено. И только в самой Венгрии мы узнали, что конечным пунктом первого нашего перелёта будет Сирия.

И нас предупредили, что, начиная с Югославии, обмен информацией с борта нашего самолета будет осуществляться на английском языке, то есть через бортреводчика. Конкретно — через меня.

Разумеется, мы летели не одним самолётом. В первой группе — а я попал в первую группу — семь или восемь самолётов. Кто за кем, мне трудно сказать, но я, по-моему, был вторым или третьим в этой группе самолётов; мы находились друг от друга с разницей в полёте в 10—15 минут.

Так вот, летели мы сначала над территорией Югославии. Конечно, я смотрел тогда в окно иллюминатора: мы вылетели к Средиземному морю, точнее, к одному из морей, наверное, это было Адриатическое море, которое входит в состав Средиземного.

Вылетели мы в районе знаменитого курорта Дубровник. Наступали сумерки. Мы летели в сторону Италии. Место пролёта было на траверзе города Бритези. Летели мы, разумеется, по нейтральным водам Адриатического моря, так как вышли за зону стран социалистического содружества, а там у нас союзников в то время не было: ни в Италии, ни, тем более, над территорией Греции (я об этом расскажу позже).

Итак, стало темно. Летели мы много часов. Если учесть, что в Сирию мы прилетели в районе четырёх-пяти

часов утра, то представляете, какой долгий был перелёт. Всю ночь летели.

И ночью, разумеется, удалось уже нормально осуществлять бортперевод — раз уж мы не разбились, то все прошло, рассуждая задним числом, нормально. Мы в первый раз поговорили — и все переводчики, которые говорили на английском языке с диспетчерами, обрели уверенность и дальше уже каким-то образом нормально осуществляли перевод точек пролёта.

Так вот, повторяю, мы пролетали рядом с территорией Италии. Дальше, по Средиземному морю, мы пролетали над Кипром, в районе Фамагусты. Это я пропускаю уже довольно большой кусок информации, надо вернуться чуть раньше. Сначала мы пролетали над территорией Крита, то есть частью Греции. Греция в то время была для нас недружественной. Там, как тогда говорили, правил режим «чёрных полковников». И эта страна могла блокировать пролёт наших самолётов, потому что мы пролетали рядом с греческими островами, в том числе с Критом — крупнейшим островом Греции. Одно из первых приключений, которое нам пришлось испытать (первый перелёт — ещё неопытные были наши лётчики, и наш штурман ошибся), когда мы вместо того, чтобы пролететь Крит с южной стороны, пролетели с северной, над территорией, которая является внутренними водами Греции.

Если оценивать эту ситуацию юридически, то там довольно большое расстояние между Критом и Грецией и, возможно, там была какая-то международная трасса (коридорчик). Мне сейчас трудно судить. Но, с другой стороны, греки (а они были в военном отношении в то время довольно мощной страной) могли посадить наш самолёт со всеми вытекающими отсюда последствиями, а может быть, и сбить его. К примеру, с тем, чтобы потом констатировать, что мы перевозим не медикаменты

(представлялось, что мы осуществляли перевозки медикаментов, а не военное оборудование).

А везли мы две цистерны авиационного топлива — то, чего не хватало сирийцам: у них не было авиационного чистейшего топлива для реактивных самолётов.

— То есть если бы в вас попали, ваш самолёт превратился бы в факел?

— Да. Цистерны, как сейчас помню, по три тонны в каждой. То есть мы везли шесть тонн авиационного чистейшего топлива*. А топливом мы загружались в Кедайняе.

Дальше наш штурман понял, что мы ошиблись и не с той стороны Крит пролетели, несмотря на предупреждение греческого диспетчера, что мы ошиблись. Разумеется, он говорил на английском языке.

— А вы никак не отреагировали на его предупреждение?

— Конечно, отреагировали, сами понимаете, по-русски — там был сплошной мат со стороны командира: ты что нас тут, мы за военную контрабанду здесь сядем и тому подобное... Это не шло в эфир, точнее, то, что мной воспринималось как единая информация — внутренняя и внешняя связь — на самом деле было внутренней связью с добавлением внешней. А непосредственно диспетчер слышал только часть информации, прежде всего, моей. А внутренние наши переговоры они вряд ли засекали.

Тем не менее, нам удалось пересечь акваторию рядом с островом Крит. И когда мы вылетели за его пределы, у нас волнение временно прошло. К тому же это было ночью, спать хотелось.

— Греки не пожелали счастливого пути?

— Греки, кстати, действовали в отношении нас вполне терпимо. Если бы захотели, они могли нам доставить массу неприятностей. Во-первых, они могли нас сбить.

---

* керосина.

Правда, не уверен, что на этой высоте у них в то время было соответствующее вооружение ПВО. Это сейчас шесть-семь километров несложное для поражения цели расстояние. Второй вариант – посадить нас самолётами, что очень сложно.

Тогда Советский Союз боялись и уважали его. Советский Союз был мощной мировой сверхдержавой.

И мы полетели дальше по нейтральным водам Средиземного моря к Кипру. Там была точка пролёта, которую мне пришлось докладывать, – Фомагуста – один из крупнейших местных городов, который, кстати, после того как произошло разделение острова на греческую и турецкую стороны, достался туркам и, к сожалению, сейчас это безжизненный город, а тогда был одним из самых красивых городов Кипра.

Почему я сейчас говорю об этом? Потому что затем мне пришлось много раз пролетать по этому маршруту, и я сверху видел всю эту красоту.

Кстати, позднее, когда мы уже пролетали с северной стороны Крита, я изучил этот остров так, что до сих пор прекрасно представляю его очертания.

И вот мы пересекли глубокой ночью Кипр и резко пошли в сторону Сирии. Там небольшое расстояние до Сирии – 350 километров. Хотя нам сказали куда лететь, я не был уверен, что летим в Сирию, потому что настолько часто всё менялось. Когда нам не дали пролететь через территорию Турции, Ирана, нам пришлось менять свои планы. Мы думали, что и здесь может что-то измениться.

Но, тем не менее, мы уже пересекли Средиземное море и прилетели на территорию Сирии ночью. Напряжение было страшным: начало войны, и самая частая информация, которую передавали, по-английски звучала так: «Avoid dangerous territory» – совет избегать пролёта над опасными участками территорий.

– **Советовали именно вам, или всем бортам, которые были в воздухе?**

– Я думаю, что всем бортам. Потому что эта команда повторялась десятки раз и всё более настойчиво. Передавали эту команду диспетчеры прежде всего, а может быть, лётчики израильские или сирийские – трудно понять. Предполагаю, что, скорее всего, израильские на английском языке.

Итак, мы на территории Сирии. В этот момент ситуация несколько изменилась: Израиль перешёл к широкомасштабному наступлению на территорию Сирии, имея полное превосходство в воздухе. Израильцы наносили бомбовые удары по городам и основным объектам военного назначения Сирии.

И вот что мне запомнилось. Ночь. Пролетаем мы первый город, Баниас. Внизу этот город похож на большой костёр. Там много мест, полностью сожжённых в результате израильского налёта, который произошёл, видимо, незадолго до нашего полёта.

И вскоре мы поняли, что попали в самый разгар авиационных военных действий. Израильцы наносили мощнейшие бомбовые удары по территории Сирии, и, наверное, также и по самолётам. Но одновременно они опасались (все-таки задним числом это понятно) нанести удары по нам. Ведь они могли элементарно уничтожить наши самолёты в воздухе*.

Пролетели мы этот Баниас и то же самое повторялось много раз. Видно было, что мы пролетаем над территорией, подвергшейся пожару. Дело было уже часа в четыре утра, и мы приближались к месту нашей первой посадки. Это второй по значению город в Сирии – Халеб.

---

* Один из советских военно-транспортных самолетов **Ан-12** был сбит ВВС Израиля над территорией Сирии во время войны 1973 г. (По материалам Интернета.)

Мы подлетали к этому городу и, конечно, страшно волновались, что там нас ждёт, учитывая, что происходит мощнейшая бомбардировка данной территории. Мы прилетели в Халеб и потом с ужасом — ужас не то слово...

— Пожалуйста, расскажи, как вы снижались и как сажались в тех условиях, это интересно...

— Расскажу. Мы вдруг поняли, что нам никто не высветит взлётно-посадочную полосу аэродрома, потому что в тот момент, когда мы должны были приземлиться в аэропорту Халеба — именно в это время, что позже стало ясно, Израиль осуществлял мощнейший авиационный удар по городу. И главная задача Израиля была — уничтожить стратегический аэродром, на который мы собирались сесть.

И вот сирийцы думали, дать ли нам возможность сесть и тогда больше никто бы туда уже не сел, потому что засекали бы израильские пилоты «Миражей» и разбомбили бы полностью взлётно-посадочную полосу. А там она не одна была и сирийцы, видимо, выбрали сначала вариант пожертвовать нами, потому что мы летали и снижались над городом в течение получаса, но никто нам не давал возможности увидеть взлётно-посадочную полосу, куда может сесть самолёт.

Это, прежде всего, было нужно нашему командиру, который осуществлял посадку. Кроме того, для него это был первый вылет в данный город. Он не знал, как в условиях отсутствия видимости сесть. А было это под утро, в начале пятого, и солнце над городом Халебом ещё не появилось. Даже первых лучей не было — абсолютная темнота.

— Ты рассказывал, что вы снижались, и у вас уже топлива кончалось...

— Да, действительно, это так и было. Мне командир говорит: «Ты им скажи, что топлива осталось на полчаса».

Я говорю: «Fuel remaining for thirty minutes». В ответ — никакой реакции.

Через десять минут кружения над Халебом новую информацию передаю: на 20 минут осталось топлива. По-прежнему никто не дает нам возможности сесть. Члены экипажа начинают лихорадочно соображать, где можно сесть на запасном аэродроме. И выясняется, что есть — Расмудана — в 110-ти километрах. Мы вроде бы успеваем долететь. Но потом выясняется, что у командира нет плана посадки на этом аэродроме. А учитывая, что время прошло — мы уже никуда, кроме Халеба, не могли бы сесть.

Наконец уже судорожно командир говорит: «Ты что не понимаешь, что мы погибнем через очень короткое время. Скажи, что у меня топлива осталось ровно на десять минут».

Я передаю эту информацию — и опять молчок. И вдруг неожиданно врывается наш российский голос и говорит на русском языке: «Ребята, сейчас вам дадут возможность посмотреть взлётно-посадочную полосу. Её включают на несколько секунд. После того как вы увидите очертание этой полосы, запомните информацию для командира и садитесь, потому что это будет продолжаться несколько секунд».

Вернусь к тому, что было до этого. Разумеется, командир предпринимал все попытки, чтобы сесть в темноте. Мы уже снизились до высоты метров 300 — так, чтобы очертания этой взлётно-посадочной полосы были ему видны.

И он хотел «втёмную» сесть, без всякой команды, что, конечно, было нарушением всех правил воздушных перевозок.

И снизившись до высоты метров сорока, он увидел, что это, оказывается, шоссе, а на нём стоят машины, в том числе и грузовые, которые были остановлены, для

того чтобы не подвернуться авиационным ударам. То есть мы бы просто погибли, если бы сели на это шоссе.

И вот, после того как мы немножко набрали высоту, выше трёхсот метров, нам, наконец, высветили зону, где находится взлётно-посадочная полоса этого военного аэродрома.

И лётчик (как он потом рассказывал, что за такое секундное время запомнить, куда садиться невозможно), тем не менее запомнил. Форс-мажорные обстоятельства здесь сработали в полной мере. Мы осуществили посадку «втёмную», потому что через несколько секунд опять были выключены все прожекторы, все огни.

И после этого началась массированная бомбардировка данного аэропорта и вообще всего города.

Нас никто не встречал. Мы вырулили в какое-то случайное место (как нам казалось). Затем мощнейшая бомбардировка, может быть, самая мощная, которую я испытал в жизни. Но нам всем казалось, что мы спаслись в этой труднейшей ситуации, в которой оказались.

Вернусь немного назад. Через минут 10 после того как возникла ситуация, когда не было ясно, дадут ли нам право посадки, я смотрю — все члены экипажа надели парашюты. А я без парашюта. А где мой? Мой, как я уже рассказывал, оказался под сидением. Но меня ребята, члены экипажа, успокоили (если это можно так сказать): они объяснили, что всё равно никто в живых не останется, если сейчас прыгнуть, используя эти парашюты, даже опытные парашютисты с 300 метров не смогли бы этого сделать. Поэтому, не беспокойся, мол, расслабься...

Ну, в общем, как потом оказалось, парашюты, слава богу, не потребовались!..

Прошло полчаса, и наступил рассвет.

Это был не первый, а третий или четвёртый авианалёт на этот город. И не первый на этой взлётно-посадочной полосе. Как потом оказалось, она во многих местах была

уже вся в рытвинах после взрывов бомб и, тем не менее, нам чудом удалось сесть, не повредив самолёт.

Спустя где-то час после налёта, к нам подошли сирийцы и наши, выгрузили этот груз, дали возможность перекусить. Провели мы несколько часов в Халебе и — обратно в Венгрию.

А надо сказать, что воздушный мост осуществлялся между Венгрией и Сирией, между Венгрией и Египтом. Причём, в основном посадки были в Сирии — это Дамаск и Халеб, о котором я только что рассказывал. А в Египте так называемый «Каир вэст» — военный аэродром на западе от Каира.

Но приключения этого первого нашего вылета мне ещё помнятся не только ситуацией, о которой я рассказал, — когда мы чудом избежали смерти. Ещё и тем, что когда мы возвращались, мы попали в природный катаклизм: была мощнейшая гроза над Средиземным морем. И поскольку наш самолёт (Ан-12) был с ограниченными техническими возможностями — он мог подниматься не выше семи километров, — то лётчик решил сверху обойти этот опаснейший участок.

Была сильнейшая гроза, о которой потом синоптики сказали, что подобное бывает раз в полгода. Причём, гроза шла на очень большой территории. Мы забрались в самый центр этой грозы. Наблюдать её было страшно: в самолёте обзор практически до 180 градусов.

Во-первых, было чётко видно, что мы летели как в бенгальских огнях, — постоянно световые сполохи были над самолётом.

Во-вторых, лётчики говорят, что в таких случаях самолёт просто полностью разваливается прямо в полёте. Тем не менее, нам удалось осуществить посадку в Дубровнике. Но, по иронии судьбы, когда мы туда прилетели, там было такое чистейшее небо, солнце, прекрасная погода, люди отдыхали, купались и никто не знал, что

мы только что были в условиях войны. Оказалось ещё, что наш самолет был повреждён...

— **Повреждён грозой или бомбардировкой?**

— Скорее всего, и тем и другим. Он, конечно, был повреждён грозой, но до этого (во время авианалёта на аэродром) была масса осколков, которые пробиты самолёт и, видимо, герметизация в нём нарушилась.

Мы провели несколько часов в шикарной гостинице. Это так контрастировало с предыдущей ночью и утром, что запомнилось, конечно, на всю жизнь. Мы провели на этом курорте часов десять.

— **А кроме вас там ещё были другие наши экипажи?**

— Только наш самолет. Дубровник не был предусмотрен как место стоянки. Мы там сели вынужденно. Нам дали возможность сесть, поскольку Югославия — дружественная нам страна. Мы, по причине повреждения самолёта, запросили экстренную посадку. Самолёт был уже без военного груза.

Корендясов Евгений Николаевич,
Чрезвычайный и полномочный посол
в отставке

Я родился в 1936 г., православный. После окончания института был направлен в распоряжение Генштаба, в 1960 г. в качестве переводчика французского языка отправился работать в Сирию, владел ещё итальянским и английским.

Там находился на Голанских высотах с 1960 по 1963 годы. Был лейтенантом (вольнонаёмным). После окончания института, получив звание лейтенанта, я как вольнонаемный работал переводчиком при Штабе танковой бригады, которая дислоцировалась около города Эль-Кунейта (сейчас в израильской оккупации). Перед нашими специалистами стояла задача: обучение офицеров и солдат сирийской армии методам использования танковых соединений в оборонительных боях.

А танки были **Т-54**. Учения проходили 3–4 раза в год. Мы находились всё время в войсках, иногда по 3–4 дня не заходя домой. И даже ночи проводили под открытым небом. Были всякие эпизоды: иногда израильская сторона ночью пропускала трактор на очень небольшом расстоянии от границы, ожидая, что сирийские танковые точки начнут вести огонь, чтобы их расположение засечь. Были сложные времена, когда Сирия объединилась с Египтом — командир бригады был сириец, а начальник штаба — египтянин, и нам приходилось проявлять дипломатичность, чтобы лавировать между ними.

Вертолётов, по-моему, у них не было. Были истребители **МиГ-17** и **МиГ-21**. Иногда израильские самолёты залетали на «нашу» территорию. Однажды мы очень сильно испугались, когда раздался свист, будто летит бомба. Мы испугались, бросились кто куда, кто-то под кровать спрятался. Но оказалось, что просто израильский истребитель сбросил освободившиеся дополнительные топливные баки.

Сирийские военные власти очень хорошо относились к нашим специалистам. Обеспечивали нам и хорошие жилищные условия — отдельные коттеджики на 2—3 семьи, круглосуточная охрана. Снабжение продовольствием. И безопасность была обеспечена. Поездки на экскурсии в Дамаск, хотя там довольно приличное расстояние. В то время в сирийских войсках было много офицеров, получивших образование во Франции и хорошо говоривших по-французски.

После Сирии я стал офицером запаса — старшим лейтенантом. Сейчас — майор запаса. Был приписан к так называемым «диверсионным» воздушно-десантным войскам и каждый год проходил переподготовку. Это было в нашей бригаде около Самарканда, потом в Тульской десантной дивизии. Но это уже совсем другая история. У меня 10 прыжков с парашютом, в том числе один ночной. Я был невысокого роста и весом 56—58 кг, на меня наваливали ещё 60 кг — автомат, гранаты, запас продовольствия на 3 дня, один раз навесили даже радиостанцию. Но её надо было отпускать раньше, чем сам приземляешься. Потому что если с ней — погибнешь.

Я поступил в аспирантуру МГИМО. Затем работал в международном отделе ЦК КПСС. Потом был занят дипломатической работой. А после окончания дипломатической карьеры пришёл в Институт Африки и сейчас заведую Центром российско-африканских отношений.

Уваров Александр Анатольевич,*

ПОЛКОВНИК ЗАПАСА

Сам я из города Орла. Поступил на военную службу в 1975 г., после школы, в институт, который стал позднее называться Военным Краснознаменным институтом Министерства обороны. Поступил на Третий факультет и изучал китайский и английский.

У нас была обычная программа. Но, предвзято дальнейшие вопросы, просто поясню, что в 1979 г. сложилась ситуация, когда и курсантов нашего факультета задействовали для командирования, в частности, в Эфиопию. Практически весь наш курс, набранный в 1975 г., в составе двух языковых групп.

Первая группа языковая (с английским первым языком) убыла в Эфиопию в 1978 году. А нас отправили чуть позднее, в начале 1979 года. Если быть более точным, то 13 января 1979 г. мы прибыли в аэропорт столицы Эфиопии — Аддис-Абебу.

Я тогда учился на четвёртом курсе. Официально — насколько я знаю из документов — нас посылали на один год. А реально получилось, что мы все, курсанты из двух языковых групп, вернулись с разницей буквально в одну-две недели по истечении семи с половиной — восьми месяцев.

Лично я был 1 сентября 1979 г. на территории тогда

---

* Запись произведена в апреле 2005 г. в Институте Африки РАН к.и.н. полковником **Токаревым А.А** и к.и.н. **Шубиным Г.В.**

ещё Советского Союза, если говорить конкретно, то в аэропорту Ташкента.

Летели мы в Эфиопию обычным рейсом «Аэрофлота» на Ту-134, с посадкой в городе Одессе и в городе Кудри.

— Почему посылали в Эфиопию специалистов, владеющих английским языком?

— В тот момент сложилась достаточно острая ситуация с нехваткой квалифицированных военных переводчиков. Хотя в Эфиопии была большая группа наших военных советников и специалистов, среди них не было достаточного количества квалифицированных, дипломированных переводчиков и было принято решение о командировании туда курсантов Военного института. В числе оных оказался и я.

В это время в Эфиопии находилась группа курсантов третьего курса восточного факультета, владеющая амхарским языком. Этой группы было недостаточно, чтобы удовлетворить потребности в переводческой работе. Английский же язык был для многих — по крайней мере, офицеров эфиопской армии в то время — фактически, вторым рабочим языком.

Насколько я знаю из общения с офицерами эфиопской армии, все выпускники средних школ в Эфиопии неплохо владели английским.

А многие офицеры, которые ещё остались от старой императорской армии, прошли обучение или в Соединённых Штатах Америки (в высших военных заведениях), или в Великобритании. Но больше всего — в американских.

— Как Менгисту Хайле Мариам, который учился год в военной академии в США?

— Насчёт Менгисту Хайле Мариам не могу сказать, потому что не был с ним лично знаком. Могу судить о нём в какой-то мере лишь из рассказов бывшего ко-

мандира 75-й пехотной бригады, который учился с ним в военной академии в городе Харар. Это столица провинции Агаден. Причём, **Менгисту Хайле Мариам**, насколько мне помнится, заканчивал факультет тыловых работников где-то в середине 1960-х годов или начале 1970-х. Что же касается его учёбы в США, ничего сказать не могу.

Вернусь к рассказу о работе в Эфиопии. 12 января 1979 г. мы приземлились в Аддис-Абебе. Нас встретили и отвезли на «китайский вариант», что-то типа перевалочной базы. Такое название возникло, как нам сказали, из-за того, что в том районе жили китайские специалисты. Там было несколько двухэтажных вилл, выделенных руководством Эфиопии для советских советников и специалистов, которые приезжали в командировку в Аддис-Абебу.

Охранялись они местной милицией. Первое впечатление: милиция там вся была вооружена автоматами **ППШ-41** советского производства. Для нас это было, конечно, диковинкой (они в СССР были сняты с вооружения с 1951 г.). Видимо, из стратегических наших запасов им сбросили.

В течение нескольких дней мы жили в этом месте. С утра направлялись на организационные мероприятия прямо в штаб, где размещался аппарат главного военного советника (в тот момент эту должность занимал генерал-полковник **Чеплыгин**).

И там с нами было проведено несколько занятий, которые у военных называются учебно-методическими. Нам рассказали об обстановке в стране, в дополнение к тому небольшому инструктажу, который мы получили в «десятке» перед откомандированием и также там, в штабе главного военного советника, было принято решение о дальнейшей нашей судьбе.

Отдел кадров принимал решение конкретно по

каждому человеку. И, насколько я понимаю, в зависимости от заявок, которые присылало командование — северное, восточное или южное, — наши ребята стали разъезжаться.

Также и я через три-четыре дня получил предписание убыть в распоряжение командующего — мы его тогда называли восточным фронтом.

И вот в середине января 1979 г. я, на борту самолёта **Ан-12**, отправился в город Эльдао — именно там был единственный аэропорт на востоке страны.

Что касается самолётов, то в тот период, насколько мне известно, там действовала эскадрилья советских **Ан-12**, которая обслуживала все потребности не только наших военных советников и специалистов, но также и эфиопских вооружённых сил. В 1978 г., если не ошибаюсь — в сентябре, там произошёл очень печальный случай. Один из наших самолётов **Ан-12** в районе Асмары (Эритрея) был сбит (как позднее выяснили, из ПЗРК типа «**Стрела-2М**») при заходе на посадку и при этом погиб бортовой переводчик — один из курсантов нашего военного института, — **Юрий Стокос**.

Причём этот борт не вёз ни боеприпасов, ни военной амуниции: он шёл с чисто гуманитарным грузом, вёз продовольствие и одеяла. Это я знаю из рассказов очевидцев.

Когда мы прилетели, то нас уже встречали и на машине отправили в город Харар — столицу провинции Агаден. Там в течение нескольких дней ожидал приезда советника командира 10-й пехотной дивизии подполковника **Матвеева Павла Степановича**.

До его приезда я жил вместе с нашими переводчиками (там были выделены виллы для офицеров, некоторые из них были с семьями). Переводчики все были холостые ребята, поэтому проблем с размещением не возникло.

Рассказать подробнее о заварушке 1978 г. в Огадене?

— **Вы имеете в виду войну с Сомали?**

— Первый мой командир — подполковник **Павел Степанович Матвеев** — как раз во время войны принимал самое непосредственное участие в боевых действиях и был награжден как минимум двумя боевыми орденами — Красного Знамени и Красной Звезды, которые тогда получить было не так легко и просто в наших советских вооружённых силах.

И второй мой командир — подполковник **Мелешкевич Борис Александрович** — также был награждён двумя, если не тремя орденами за эти события.

Эти люди, в самом деле, боевые, прошедшие все основные этапы по освобождению восточной Эфиопии, в частности, провинции Агаден.

Они не любили особенно рассказывать о своих боевых подвигах, но порой вспоминали интересные эпизоды. И об одном из них рассказал **Борис Александрович Мелешкевич**. Это было под Деридау...

Тогда сомалийские войска фактически уже отбросили фронт Деридау. Там сложилась критическая ситуация и эфиопские войска пытались идти в контрнаступление (они достаточно долго его готовили при нашем непосредственном участии и нашей помощи). И когда реально пошли в наступление на сомалийские войска, захватившие часть территории Эфиопии, это наступление захлебнулось.

И вот в момент, когда эфиопские войска побежали назад, в район расположения 10-й пехотной дивизии на вертолёте прибыл генерал **Петров**, которого наши американские «друзья» прозвали «**Петров Эфиопский**» за его суровый нрав. Генерал, выйдя из вертолёта, перебежками добрался до командного пункта 10-й пехотной дивизии, находящийся на высоком холме, и с его

высоты увидел, как внизу эфиопские войска в панике отступают, причём, отступают беспорядочно, бросая оружие.

Также это увидела группа наших военных советников и военных специалистов. И генерал **Петров** решительно сказал им, что место наших военных советников и военных специалистов отнюдь не на командном пункте, а именно на поле боя.

И группа наших военных советников отправилась в боевые порядки и не только своей силой и властью и своим собственным примером, но и с помощью в первую очередь командования дивизии сумели остановить это бегство с поля боя и изменить ситуацию в благоприятную для эфиопов сторону.

Вернусь к моей командировке. После того как приехали командир подполковник **Матвеев Павел Степанович** и советник комиссара дивизии полковник **Яшкунов Виктор Владимирович**, мы отправились на место моей службы — в город Джиджига, где был штаб 10-й пехотной дивизии.

Этот город находился в 105—110 километрах от столицы провинции Агаден — города Харар (в восточном направлении, через горный перевал Карамарам). По дороге я с неподдельным интересом наблюдал за многочисленными останками боевой техники и автомобилей, я даже пытался сосчитать их. Но техники было порядка тридцати-сорока единиц, и после 20 километров я понял, что считать это бесполезно.

— **Остатки какой техники?**

— В основном там была, честно говоря, наша техника, с опознавательными знаками сомалийской армии.

Это были танки **T-54** и **T-55** (пушка калибра 100 мм), с сомалийскими опознавательными знаками, хотя встречались и американские танки **M-47** (пушка калибра 90 мм) — достаточно устаревшие образцы даже к

тому времени. Встречалась также наша старая техника – типа грузовиков **ЗИЛ-157**.

Считалось, что эта дорога из столицы провинции до Джиджиги официально контролируется правительственными войсками на тот период (повторю, это был 1979 год).

Через каждые несколько километров стояли небольшие регулярные подразделения эфиопской армии. Как сейчас, по опыту Чечни, блокпосты. Хотя там, в Эфиопии, не было никаких бетонных сооружений. Просто в окопчиках сидели наши эфиопские друзья. Вооружены они были в основном старыми автоматами **Калашникова АК-47 (АК)**, причём, советского производства.

Что же касается сомалийцев, то у них было очень много автоматов **Калашникова АК-47** китайского производства, с деревянным и пластмассовым прикладом, с тремя ручками, в том числе одна пластмассовая впереди, но, в основном, без штыка.

Их использовали сомалийцы и шепта (так тогда называли бандформирования по официальной версии). Они боролись за независимость восточного Огадена, как они говорили сами о себе.

Итак, мы ехали по дороге, которая проходила, как я уже сказал, в том числе и через горный перевал. Горы – это понятие там, быть может, относительное, так как практически вся территория Эфиопии – свыше 1500 метров над уровнем моря, а там было, возможно, до 2000 метров. В принципе, это почти не ощущалось, но если попробовать бежать, предположим, даже на 100 метров, то дыхания не хватало.

Прибыли в город Джиджигу. И поселились в старом полуразрушенном местном отеле. Два слова о том, что такое Джиджига. Это уездный центр и его население, по официальным источникам, было тысяч десять, а на

самом деле, думаю, что и во всём уезде не было такого количества населения.

Проживало, всего предположительно, тысяч пять человек. Фактически — большая деревня. Двухэтажных зданий было буквально до десятка. Все прочие здания — одноэтажные.

Так вот именно у северного въезда в эту деревню располагался бывший отель, который при освобождении этой части страны, в том числе и Джиджиги, подвергся артобстрелу, и половина комнат была фактически снесена.

Это было каменное здание, обнесённое забором. Вообще все здания в этой деревне построены по восточному типу (то, что мы называем «дувал»): с одной стороны это был, как в нашем случае, металлический забор и кустарник, а с трёх сторон — это фактически была каменная стена. Все оконца номерах этого отеля были забраны деревянной решёткой и проникнуть в любой дом практически невозможно, не взломав окно каким-либо образом.

А со стороны дороги, где был металлический заборчик — ажурная решётка, там стояла у нас охрана — несколько человек, охранявших группу наших военных советников. Тогда там было три человека. Командир **Пананкин**, замполит и заместитель дивизии по вооружению — полковник **Безик Василий Михайлович**.

Я приехал четвёртым военнослужащим. И две жены советских военных советников. Женщины, насколько я мог понять из разговоров в Генштабе с сектором, были там как бы полулегально, с разрешения советника командующего фронтом **Питко**. Хотя у нас считался район достаточно спокойным, всё же не рекомендовалось там иметь жен. Тем не менее, они там находились. И больше того, у командира там была дочка — ей было тогда пять или шесть лет.

Вот такой был состав нашей небольшой команды. А персональные обязанности на тот период были достаточно просты: каждый из офицеров работал в первую очередь со своим подсоветным.

То есть командир работал с командиром дивизии, с командирами подразделений. Советник комиссара соответственно с комиссаром. Зампотех, соответственно, со своими коллегами в первую очередь. И надо сказать, что больше всего, пожалуй, работы было у зампотеха.

— **Почему?**

— Потому что фактически ежемесячно через нашу Джиджигу проходил конвой дальше на восток. И хотя Джиджига располагалась в 60 километрах от Сомали, то ещё восточнее — поскольку так называемый выступ эфиопской территории треугольником входил в территорию Сомали, дальше нас находились там 11-я и 12-я пехотные дивизии.

Там ситуация была, на мой взгляд, гораздо хуже, в том числе и жизненные условия, потому что у нас ещё кустарники росли, а там уже ничего не росло, это была фактически полупустыня.

Также это место было удалено от основных мест базирования бандформирования — сомалийские наши «друзья» никому не давали спокойно жить.

— **Из чего состояла колонна?**

— Ежемесячно через Джиджигу проходила колонна боевой техники. Точнее, в основном это была автомобильная техника. Везли грузы. И не только боеприпасы, но и продовольствие, снаряжение и другое имущество для обеспечения этих двух пехотных дивизий и также для всех тех местных эфиопских жителей, которые проживали восточнее нас.

Но поскольку местные бандформирования постоянно минировали эту дорогу (она фактически един-

ственная — и была, естественно, не асфальтированная, а гравийная дорога) и постоянно совершали нападения на неё, колонны эти были достаточно большие — до 300, а иногда и до 400 грузовиков.

— **Из каких машин состояла эта колонна?**

— Это были в основном разнотипные машины западного производства — большие грузовики. Но для обеспечения проводки этой колонны использовались, как правило, подразделения нашей 10-й дивизии. Выделялась, как минимум, танковая рота — от четырёх до семи танков **T-55**.

И минимум один-два танка подрывался на mine, хотя у них были противоминные тралы. Трал был обычно рассчитан на один-два подрыва, а потом на следующей mine подрывался сам танк.

И, как правило, посылали четыре танка, потому что если один-два танка подрывались, два других тянули их обратно домой.

Траки меняли на месте, что могли — делали, но не всегда это получалось в полевых условиях и поэтому работа у наших вооруженцев всегда была. То есть постоянно шёл ремонт. Рембат постоянно был, что называется, при деле.

— **Что ещё из нашей техники использовалось?**

— Что касается непосредственно нашей 10-й дивизии, то она состояла из трёх пехотных бригад, танкового батальона, артиллерийского дивизиона.

На вооружении танкового батальона, как я сказал, было 22 танка **T-55** (пушка калибра 100 мм), если мне не изменяет память.

Что же касается артиллерийского дивизиона, это были американские самоходные (гусеничные) гаубицы **M-109** (орудие калибра 155 мм) и американские гусеничные БТРы **M-113**.

— **Дизельные или бензиновые БТРы?**

– Не скажу точно, потому что мы меньше всего общались с артдивизионом.

Далее – разведывательная рота, достаточно большая развёрнутая рота.

Рембат был и автобат – фактически это была рота, имеющая на вооружении только грузовики.

Были ещё у нас «шилочники» – зенитно-артиллерийский дивизион, на вооружении которого стояли наши гусеничные четырёхствольные зенитно-самоходные установки (калибра 23 мм).

Вот это, кстати, одно из подразделений, которое считалось элитным. Мне запомнилось, что в отличие от танкистов или самоходчиков, в «Шилки» никого не допускали даже в ботинках, потому что у них не было сапог и в качестве обмундирования выдавались ботинки. И заходили в «Шилки» только в носках. Внутри этих «Шилок» поддерживалась идеальная чистота: так было установлено нашими ребятами-«шилочниками», которые были там ещё до моего приезда и которые воспитали и, надо сказать, неплохо очень воспитали всех, начиная от командования и кончая личным составом этого дивизиона. Все относились буквально с благоговением к «Шилкам». Потому что у этих боевых машин была двойная функция – они работали отлично не только по воздушным целям, но и по наземным. Эфиопам это очень и очень нравилось.

Медицинские тыловые подразделения.

Основная масса личного состава фактически находилась вне Джиджиги, она была, что называется, на передовых рубежах, то есть выдвинута несколькими гарнизонами ближе к границе с Сомали.

А реально (хотя считалось, что там находится целая дивизия), фактически оставался танковый батальон, артиллерийский дивизион и часть, я подчёркиваю, часть 75-й пехотной бригады.

Нам (в частности, **Безику**) приходилось общаться с танковым батальоном, с ремонтниками. И с разведчиками в определённой степени приходилось общаться, потому что они проводили какие-то разведмероприятия.

Что касается другой техники, то техническое оснащение дивизии было достаточно слабым, если не сказать, очень слабым.

В других боевых частях и соединениях, может быть, было гораздо лучше, но, увы, не у нас.

Надо сказать, что в Джиджиге дислоцировалась и целая танковая бригада кубинских вооружённых сил*. В ней было три танковых батальона. И у них уже были танки **T-62** (пушка калибра 115 мм). И один батальон на **БМП-1**.

У артиллерийской бригады кубинских вооружённых сил были в основном наши старые советские гаубицы типа **M-30** и гораздо более новые **D-30** (обе – калибра 122 мм).

Также там были ещё два кубинских зенитно-ракетных дивизиона (ПВО). У них там были РЛСы (подобные РЛСы стояли и у наших эфиопских друзей) и был создан объединённый командный пункт. Но мы к этому делу отношения не имели, потому что у них там были свои советские специалисты, которые работали именно с эфиопскими ПВОшниками.

Это достаточно мощная была сила. Кубинцы сюда (в Джиджигу) пришли при освобождении города от захвативших его сомалийцев в 1978 г. и пошли дальше – фактически до границы с Сомали.

Потом они были возвращены и дислоцировались именно в городе Джиджиге. Насколько мне известно, это была по боевому составу самая мощная группи-

---

* Кубинские части насчитывали в Эфиопии в 1978 г. 12 000 военнослужащих. (По материалам Интернета.)

ровка на тот период. Потому что всего тогда в Эфиопии дислоцировалось четыре кубинских бригады.

Как я сказал, одна таковая бригада стояла здесь, у нас. Одна мотострелковая бригада была под Аддис-Абебой. Но злые языки утверждали, что уважаемый лидер эфиопской революции **Менгисту Хайле Мариам** решил иметь рядом с собой самый надёжный и самый верный резерв. Там у них, если мне не изменяет память, на вооружении **БМП-1**.

И, соответственно, была зенитно-ракетная бригада, разбросанная по стране. То есть один или два дивизиона стояли под Аддис-Абебой в Виблизете — это главная военно-воздушная база Эфиопии и, как я уже сказал, два зенитно-ракетных дивизиона стояли у нас в Джиджиге.

Это были **С-75** и комплекс «**Печора**». Не новые, но для тех мест вполне пригодные. С ними, между прочим, была интересная история. За период моего пребывания в Джиджиге они дважды делали пуски боевых ракет, причём не по учебным, а по боевым целям. Над территорией Агадена в этот период появлялись некие воздушные цели и — это утверждали не только кубинцы, но и эфиопы (они видели их на локаторах), — они шли с востока, с сопредельной стороны.

Но скорость полёта этих целей была непонятная — меньше, чем у нормального реактивного боевого самолёта, но больше, чем у вертолёта.

Эфиопы считали, что это были разведывательные самолёты или вертолёты. Но попаданий не было. Они безрезультатно дважды делали пуски. Появление этих целей они связали с тем, что в этот период у берегов Сомали находились американские авианосцы, возникло предположение, что оттуда могли запускать какие-то летательные объекты (типа беспилотных).

Эфиопы делали пуски ракет, но так и не могли най-

ти обломков. И было непонятно, произошло поражение воздушных целей или нет. Непонятно, что это было. Причём это не было стаей птиц или чем-то ещё. И не разведывательные воздушные шары — слишком у них для этого была большая скорость.

Это я помню из рассказов и кубинцев, и эфиопов. И наши специалисты, как уже говорилось, там работали. Один капитан и один прапорщик, фамилии которых, к сожалению, я не могу сейчас вспомнить. Они говорили, что там были воздушные цели, по которым нашими кубинскими друзьями были сделаны пуски ракеты дважды, с разницей в месяц-полтора, и ничего не могли понять.

И чтобы закончить разговор об оперативной обстановке, следует отметить, что в целом в нашем секторе ответственности обстановка была достаточно спокойная, по сравнению с теми, вполне активными боевыми действиями, которые велись (Эфиопией) на севере (война с Эритреей).

— **Чем вы там занимались?**

— Мои личные обязанности были очень простыми — помочь установить коммуникативный контакт, то есть попросту донести до местной подсоветной стороны мысли, которые имели наши уважаемые советники.

С утра шли к нашим подсоветным, сообщали реальную ситуацию: что конкретно произошло за сутки в зоне ответственности нашей 10-й дивизии. Затем начинались некие плановые занятия. Это в первую очередь касалось нашего зампотеха (заместителя по вооружению). Или велись какие-то разговоры с нашими командирами подразделений или с политработниками, если наш советник комиссара дивизии брал меня с собой для решения каких-то вопросов.

Начиналась просто обычная рутинная работа. Бывали, конечно, какие-то моменты, когда эта рутинная

работа прерывалась некими событиями, то есть, к примеру, поездками на границу с Сомали с целью проверки гарнизонов, дислоцированных непосредственно на границе.

Но это было скорее исключение из правил.

Однажды приехал легендарный кубинский бригадный генерал **Очоа**. Я его видел первый и единственный раз в 1979 г. Его фамилия в тот момент мне ничего не говорила, но об уважении к нему мы могли судить по тому придыханию и восхищению, которое наблюдалось у кубинцев, когда нас пригласили к ним в штаб танковой бригады (полковник **Перес** тогда ею командовал).

Генерал **Очоа** прибыл туда с инспекцией, и в этот момент поступила информация, что со стороны Сомали некие незаконные вооружённые формирования проникли на территорию Эфиопии.

Эта информация прошла через разведотделение штаба нашей дивизии и дошла, естественно, до кубинцев — у нас был с ними достаточно налаженный контакт, и генерал **Очоа** решил провести рекогносцировку местности и посмотреть в реальности, что там происходит. Он пригласил и нас вместе с собой.

— **На какой технике это все происходило?**

— Мы ехали на машине на тот момент исполняющего обязанности 10-й пехотной дивизии подполковника **Игзао**. А генерал **Очоа** — вместе с кубинцами — я не берусь сейчас точно сказать в какой машине.

Дело в том, что кубинцами была сформирована целая колонна. В основном это была кубинская техника. Две-три бээмпешки (**БМП-1**), два-три БТРа (**БТР-60ПБ**), в том числе радиийная 142 и наш «**Лэндкрауайзер**», где находился исполняющий обязанности командира эфиопской дивизии, советник **Павел Степанович Матвеев**, я и несколько солдат из разведподразделения дивизии. Так мы отправились в этот район.

Это был неординарный случай, а в основном проходила плановая боевая подготовка тех подразделений, которые находились непосредственно в нашем гарнизоне.

Во многом это объясняется тем, что на тот период – период моего пребывания в стране, – действовал (не знаю письменный или устный) приказ главного военного советника генерала **Чеплыгина** – не ввязываться ни в какие боевые действия нашим военным советникам и специалистам.

Им категорически запрещалось принимать непосредственно участие в каких бы то ни было боевых действиях. Только лишь руководить из тыла.

Это объяснялось тем, что накануне, в июне 1978 г., уже после окончания боевых действий с Сомали, в Хараре из состава группы наших военных советников при штабе командования сектором (или фронтом) были захвачены бандформированиями шестеро наших советских военнослужащих. Трое из них были офицерами, трое – рядовыми (один из них, кажется, был сержантом).

– **Что с ними было потом?**

– К сожалению, я ничего подробно рассказать не могу. Это произошло до моего приезда, и я могу судить об этой истории только по рассказам некоторых моих коллег.

В общем-то, это было банальное, но, к сожалению, очень распространённое явление: нарушение приказа.

Военнослужащие решили съездить на охоту. Отправились буквально рядом с Хараре, в ближайший горный массив.

Там был лес, весьма специфический, в отличие от нашего. Деревья, как правило, там не имеют кроны до высоты одного-полутора метров, потом начинается достаточно густая крона. Когда идёшь, то ничего не вид-

но, но если ляжешь, то перспектива просматривается на большое расстояние.

Я, конечно, не был там, но, со слов одного нашего коллеги, он потом вместе с моим командиром (они были в группе поиска) шёл буквально по следам той группы (через три-четыре часа) бандформирования, которая захватила наших в плен, но так и не смогла их найти и отбить. И их увели в Сомали.

Было всё просто (что стало известно уже из рассказов тех, кто принимал участие в их захвате). Они (наши) стреляли горных козлов — пытались заготовить мясо на шашлыки. К ним подошла группа вооружённых лиц без знаков различия, в камуфляже, с автоматами **Калашникова** в руках.

Наши пытались взять оружие на изготовку, но один из группы обратился к ним по-русски: «Ребята, что вы тут делаете?» И они расслабились. А это был один из тех сомалийцев, которые учились у нас в Советском Союзе.

Но, кстати говоря, благодаря ему их не расстреляли после захвата на месте. Он сказал, что мол, надо их вести дальше, в Сомали. Больше того, они сели в «**УАЗик**» (**УАЗ-469**) наших советников и на нём (с ними сидело несколько человек из этой вооружённой группы) отправились вне дорог по пересечённой местности известным только им маршрутом. Но буквально через несколько километров закончился бензин. Наш водитель знал, что там есть рычажок переключения передач на второй бензобак, но смолчал, и они дальше пошли пешком в надежде, что их хватятся и что за ними пойдёт погоня.

Один солдат был в стороне. Между преследовавшими и преследуемым возникла перестрелка. Так как он взял с собой один лишь магазин с патронами, то, расстреляв его буквально в течение нескольких секунд, оказался без патронов, уже не вооружён, и его сумели

легко взять эти ребята, и он через какое-то время был присоединён к этой группе уже захваченных в плен.

И они, все шесть человек, несмотря на все принимаемые меры со стороны нашего руководства — в это время была такая шутка «иду по следу бей **Ловчак**» — это был заместитель главного военного советника, который выехал на это место.

В этот период, ещё раз отмечу, что это был 1978 г., июнь месяц, наши кубинские друзья, то есть те две бригады, о которых я говорил, были подняты по тревоге. Они оседлали всю дорогу между Джиджигой и Хараром — все 110 километров, но найти наших ребят не удалось.

А мой командир, полковник **Павел Степанович Матвеев** и наш парень-курсант **Мирозоев** как раз шли за ними буквально по пятам, но так и не смогли их, к сожалению, найти.

А потом случилось так, что в бытность мою переводчиком в 10-й пехотной дивизии в 1979 г. я столкнулся с перебежчиком из Сомали. Он был сомалиец, старший лейтенант ВВС.

Это отдельная история, как мы с ним столкнулись. Но смысл в том, что когда мы с ним сели за чай, то он стал рассказывать о своей жизни и между делом рассказывал, что он сидел в военной тюрьме в Хардесе.

Хардесе — это уездный центр, почти напротив нас, километрах в 100 от Джиджиги. Там стояла сомалийская группировка и там же находился ее штаб.

И именно в Хардесе, как утверждал этот перебежчик, и находились все шесть наших ребят и там же находились, как он говорил, пять или шесть кубинских военнопленных, которые были захвачены во время войны за Огаден в 1978 году.

Я не могу оценивать достоверность этого рассказа, но, по крайней мере, он такую информацию выдал.

С моей точки зрения, особого смысла держать пленных рядом с границей, наверное, не было. Но он сказал, что видел их через год после их захвата ещё живыми, хотя они были в сложном положении, так как содержались в плохих условиях. Тюрьма там типа зиндана (восточный вариант) — яма, сверху крышка. Бросали им туда сверху какую-то еду, но в сверхминимальном количестве и так далее, увы...

Дальнейшая судьба этих ребят мне, к сожалению, неизвестна.*

Но именно из-за того, что произошло такое печальное событие, наше руководство всячески пыталось не повторить этого негативного опыта и оградить наших военных советников и специалистов от непосредственного участия в боевых действиях (хотя, конечно, в каких-то ситуациях дело не обходилось без этого).

Особенно это касалось северного фронта, северного командования. Но и на западном фронте, в районе озера Тамен, произошли печальные события, когда одну из сомалийских бригад, в том числе вместе с нашими подсоветными, очень здорово потрепали местные сепаратисты и было там очень непросто. наших советников и специалистов эвакуировали вертолётами. Но это я знаю больше из рассказов и не хочу переживать.

У нас в тот период положение было достаточно спокойное, если только это можно так назвать: постоянное минирование, непрекращающиеся обстрелы конвоев, ночные обстрелы пунктов дислокации, — всё это имело место быть, но вот каких бы то ни было крупных мероприятий со стороны шепты не проводилось.

Ситуация изменилась буквально на следующий,

---

* С конца 1977 по конец 1979 гг. при освобождении Огадена погибли 33 советских военнослужащих и 160 кубинских военных. (По материалам Интернета.)

1980-й год. Я это знаю от наших ребят, которые были там же, в этом районе. И когда они стали рассказывать, что там происходило, в тех военных районах, которые в нашу бытность считались совершенно спокойными, в том числе и на дороге, которая вела в столицу провинции — город Харар, это вызвало у меня удивление, потому что при нас это были спокойные районы.

— Почему там началась заварушка?

— Вы понимаете, насколько я могу судить, исходя из разговоров, которые мы вели с местным населением, — главная проблема заключалась в том, что территория провинции Огаден была исторически спорной между Сомали и Эфиопией. Судя по национальному составу и по религиозным убеждениям, это были, в общем-то, не амхары, считавшиеся коренной нацией в Эфиопии, и являвшиеся, как вы знаете, ортодоксальными христианами (коптская церковь и т.д.).

У нас в Джиджиге был наглядный пример: если ехать из столицы — правая половина считалась христианской, а левая была мусульманской (там мечети и всё как положено).

В Эфиопии различные народности и много родоплеменных особенностей и отношения между ними мне, тогда молодому курсанту-переводчику, тем более не владеющему амхарским языком, было очень трудно понять. А из тех бесед, которые я пытался вести с местными офицерами, в той или иной степени владевшими английским языком, было очевидно, что всё непросто.

Местное население жило в ужасающей бедности. Это была не просто беднота в нашем российском представлении, а это было то, о чём мы раньше читали в книгах.

Когда я первый раз увидел вне деревни населённые пункты — настоящие хижины, где и люди и скот (козы, куры) живут вместе, я был потрясён. Эти хижины — де-

ревянные шесты, обложенные какими-то шкурами животных.

Это не экзотика! Это вопиющая нищета! Слов нет. И это конец XX века!

И речи не было ни о каких телевизорах, магнитофонах и ещё чем-то подобном. Это был фактически родоплеменной строй. Женщины ходили в мешковине, переброшенной через плечо.

Обуви фактически никто не носил. Для нас это был шок, когда мы увидели, как люди ходили по каменистой почве без всякой обуви. У них были совершенно задубевшие подошвы ног.

Мужчины в юбках. Сомалийцы – и мужчины и женщины – высокие. Им, как и любому нормальному человеку, было важно иметь какой-то кров, хлеб насущный, одежду. Им какие-то там идеи коммунизма, капитализма были чужды.

А в это время со стороны официального руководства проводился эксперимент (наверное, несколько насильственный и носивший искусственный характер) по привитию идеалов социализма или коммунистических идей.

И местным населением это воспринималось, очевидно, не самым лучшим образом. Ко всему прочему, религиозное родство с сомалийцами поддерживалось не просто морально, но, надо полагать, и материально.

Была надёжная информация, что деятельность всех этих бандформирований или фронта освобождения западного Сомали велась по следующей схеме.

На территорию Эфиопии засылалась группа военнослужащих регулярной сомалийской армии, которая составляла костяк какого-либо отряда.

Костяк этот был очень небольшой – буквально 10–20 человек хорошо подготовленных людей, которые знали местные языки и наречия. И именно эти люди находили приют в каких-либо поселениях.

Им удавалось, как правило, без особых проблем создавать вооружённые отряды. Оружие караванами забрасывалось как с территории Сомали, так и находили остатки оружия на территории Эфиопии.

Но именно со стороны Сомали это были в основном «Калашниковы» китайского или румынского производства.

И было самое различное оружие. Для меня это было, конечно, удивительно — я таких винтовок и ружей не видел. Это были, может, даже до Первой мировой и периода Первой мировой войны ружья. Было всё, что угодно.

То оружие, что я видел изъятым в местной службе безопасности, было в основном итальянское*, поскольку итальянское присутствие было ещё с 1930-х годов. И оружие сохранилось ещё с тех времён. Но это же кочевники — люди, для которых оружие было, как для нас с вами авторучка. Были, конечно, автоматы **Калашникова** в большом количестве, частично и советского производства, но больше, естественно, китайского и румынского.

Были там и гранатомёты, правда, меньше, чем прочего оружия, и пулемёты. Гранатомёты очень древние, даже по тем временам, **РПГ-2** (как советские, так и китайские).

Пулемёты были в основном **Калашникова** — **РПК**.

Тяжёлых пулемётов я не видел. И не думаю, что сомалийцы были вооружены тяжёлым оружием, потому что для них главной была мобильность.

И тактика их действий была очень проста. Эти лица, которые пришли с территории Сомали, сформировали

---

* Вероятнее всего, имелись в виду итальянские винтовки **Mannlicher-Carcano (Манлихер-Каркано)** (под патрон 6,5 x 50 мм, под патрон 6,5 x 56 мм и под патрон 7,35 x 51 мм). (Прим. ред.-сост.)

свои отряды вооружённой оппозиции (или как угодно их можно назвать — бандформирования, как мы говорили тогда) и какую-то подготовку они с ними проводили.

Но их главное оружие (конкретно в нашем секторе) — это мины. Нашего производства — противотанковые переносные мины **ТМ-57**. Лёгкие. Они не причиняли значительных повреждений танкам, а лишь разбивали траки и гусеницы.

Бандиты устанавливали их на дороге, пытаясь их замаскировать, и устраивали засады, особенно в горной местности. Обстреливали колонны и быстренько уходили.

После чего весь отряд расходился по местным деревням, основной костяк уходил куда-то в саванну или в горы, если это было в горах.

Таким образом, за счёт мобильности и подвижности они были фактически неуловимы. Их пытались находить местные правительственные войска, когда проводили то, что у нас называется «зачисткой» (начинали раздевать мужское население и смотреть — на правом плече, как правило, оставался след от ремня. Это было уже всё апробировано).

По поводу «коробочки» (ухода от переносных зенитных ракет), которую еще в Эфиопии, до Афганистана, отрабатывали на **Ил-76** и **Ан-12**.

Вопрос в том, что в Асмаре, хотя я там не был, но из рассказов ребят знаю, что аэропорт расположен в долине, между горами и, естественно, с гор было очень удобно обстреливать самолёты, заходящие на посадку или взлетающие оттуда.

И в этих условиях, ещё до ввода наших войск в Афганистан, наши лётчики получили пусть вынужденную, но тренировку по совершению взлёта и посадки в условиях максимально приближенных к боевым, когда

постоянно была угроза обстрела со стороны бандформирований.

Как правило, они стреляли с гор, но и как в районе Диригау, могли стрелять и с равнинной местности, а могли запустить ракету из переносного зенитного комплекса «**Стрела-2М**».

Поэтому были требования по защите этих аэродромов, должна была быть охрана на удалении нескольких километров. Но реально эта охрана не всегда чётко выполняла свои функции, так как большую часть вооружённых сил Эфиопии составляли так называемые милицейские подразделения – в общем-то зачастую насильственно мобилизованные в ряды вооружённых сил и мало обученные.

Они носили не оружие, а сборную солянку, в том числе и **ППШ-41**. Совсем молодёжь. Они не являли собой пример хорошей подготовки, хотя у нас там был учебный центр в Хатаке, где готовились регулярные части и посылались на фронт. И там работало очень много наших советников и переводчиков.

Но охрану таких – хотя и важных, но второстепенных объектов, давали именно милиции. И милиция не всегда проявляла себя с лучшей стороны. Вспомню ещё раз случай, когда был сбит наш **Ан-12** в октябре 1978 года. Самолёт при заходе на посадку оказался в зоне досягаемости бандформирований, подошедших достаточно близко к аэродрому и запустивших в самолёт ракету из ПЗРК «**Стрела-2М**». Ракета попала в один из двигателей и самолёт загорелся, сдетонировало горючее, раздался ещё взрыв и, как я говорил, хотя самолёт не вёз боеприпасов, а вёз продовольствие, тем не менее, самолёт рассыпался, взорвавшись в воздухе.

– **Ваша последующая служба?**

– По окончании командировки в Эфиопию мы вернулись домой. Мы летели спецрейсом на борту **Ил-76**

через Аден—Исламабад—Ташкент. В Ташкенте нас пересаживали на другой борт, который летел из Афганистана. Тогда мы впервые услышали более подробно о том, что там происходит ещё до ввода наших войск.

А потом я вернулся в институт. Закончил его в 1980 г. и после этого проходил службу в рядах вооружённых сил на различных должностях. Первые десять лет служил в Забайкальском военном округе. Затем в 1990 г. вернулся в Москву, а потом, в 1992 г. уволился в запас после заграничной командировки. На этот раз — в качестве военного наблюдателя ООН на границе Ирака и Кувейта (служил там незадолго до войны в Персидском заливе). Но это другая история.

Уволился в запас после 27 календарных лет службы (29 лет льготных).

И сейчас — мирный советский гражданин, впрочем, и раньше был не менее мирный.

Сергей Владимирович Шкариненко,

майор запаса *

– **Когда вы были в Анголе?**

– В Анголе я был два раза (1979–1981 гг. и 1985–1987 гг.) как военный переводчик.

– **Сколько лет вы учились?**

– Как обычно: ускоренный курс 1 год (1978–1979 гг.), в течение которого вбивали 3-х годовичную программу по (португальскому) языку. В 1979 г. нас на два года послали в Анголу.

– **А до этого вы служили в армии?**

– Да, я отслужил полностью срочную два года, закончил младшим сержантом в ракетном центре.

– **Когда вы приехали в Анголу?**

– В сентябре 1979 года.

– **Какое впечатление на вас произвела Луанда?**

– Тогда всё казалось очень интересным, потому что это было впервые – пальмы, Африка... Всё, что в детстве мы по «Доктору Айболиту» знали, а своими глазами не видели. Для нас город был полоевропейский, поскольку большую часть зданий строили португальцы. Вообще архитектура интересная. Но порядка в то время там было ещё мало, чистота оставляла желать лучшего.

По первой командировке у меня был 5-й военный округ – Лубанго (юг страны).

---

* Запись сделана в октябре 2009 г. к.и.н. Шубиным Геннадием Владимировичем.

– **А в 1979 году служили где?**

– Месяца три в Луанде занимался переводом техдокументации по поставляемым истребителям, работал с медиками, с военным дирижёром оркестра Президентского полка, с тыловиками – на подхвате, как новичок, а после Нового года (1980 г.) старший переводчик миссии (тогда был майор **Клюкин Юрий**) послал меня на замену в Лубанго.

1980 г. мне запомнился как первый Новый год в Африке. Ёлку привезли из Москвы – была большая радость для нас всех. Вместо снега выскребали морозильники холодильников, лепили снежки, друг другу пытались натирать лица и т.д. Водку в таких условиях пить нельзя – очень жарко. Вот мне так и запомнился этот Новый год: ёлка, страшная жара, и народ пытается по-русски встретить Новый год. Ребята – курсанты с основного курса (помню испанистов – **Юру Бахарева** и **Архиереева Сергея**), организовали даже музгруппу и играли на импровизированной сцене.

Если про Лубанго говорить: про природу рассказывать не буду – места там прекрасные. А по событиям: около полутора лет спокойно прошли более или менее, а уже под конец командировки (ситуация стала накаляться где-то с марта 1981-го) мы ожидали уже удара (со стороны ЮАР), потому что информация шла. Они интенсивно вели разведку, авиаразведку, прежде всего, участились случаи засад на отрезках дороги Лубанго – Каама – Шангонго – Нжива

– **Какими самолётами?**

– Разведывательные самолёты у них – **Мираж**, **Импала** – посылали постоянно над бригадами. В то время как раз родилась идея, что нужно срочно укрепить оборонительные районы 11 бригады в Нживе, 19 бригады в Шангонго и 2 мотопехотной бригады в Каама фортификационными сооружениями, поставить туда сильные

ПВО, для того чтобы затруднить юаровцам действия по поддержке формирований **УНИТА** и укрепить оборону на случай рейдов ЮАР непосредственно против подразделений **ФАПЛА**.

Ангольцы, надо отметить, отнеслись к этому вопросу достаточно серьёзно (командующим **5ВО** тогда был подполковник **Нгонго**)*, оперативно мобилизовали необходимую строительную технику, завезли строительные материалы и даже успели кое-что сделать из намеченного — в Онживе построили блиндажи, забетонировали окопы.

В Шангонго техника мало успела поработать (там комбригом был капитан **Кибегу**) а в Кааме успели только прорубить просеки для контратак, построить запасной КП (командный пункт) (насыпь на перекрытия бульдозером делали уже под налётами авиации), построить ложные и запасные позиции для артиллерии (комбригом был бесстрашный майор **Фаррушко**, бывший португальский командос. Впоследствии он был директором учебного центра под Луандой, а затем дослужился до генерала и занимал должность начальника гарнизона Луанды).

Когда юаровцы увидели, что это действительно серьёзно, что это может перекрыть им каналы поддержки **УНИТА**, они запланировали наступательную операцию под предлогом борьбы со **СВАПО** и стали интенсивно вести разведку районов расположения бригад **ФАПЛА**, отслеживать логистику (тыловое обеспечение) **СВАПО** (**СВАПО** находилось в южных районах), организовывать засады на перегонах между Лубанго — Каама, Шангонго — Нжива. Стали забрасывать диверсионно-разведывательные группы, минировали дороги в местах засад, уничтожать проходившие по трассе машины, причём, как военные **ФАПЛА** и **СВАПО**, так и гражданские.

---

* Ныне — генерал армии, министр внутренних дел Анголы. (Прим. ред.-сост.)

Одновременно участились налёты юаровской авиации не только по маршрутам логистики, но и обстрелы НУР-Сами (неуправляемыми реактивными снарядами непосредственно районов расположения подразделений **ФАПЛА**.

Перед операцией 1981 г. мы ездили как в округ на совещания, так и из округа по бригадам. Уже в то время юаровцы не давали проезжать спокойно. Мы ехали по ночам с выключенными фарами, на наших машинах: **уазик (УАЗ-469)**, **Волга (ГАЗ-24)**, **Рафик (РАФ-2203)**, у кого что было. Они и по ночам тоже летали. Ночная разведка самая эффективная: по огням видно, где что есть. Можно увидеть то, чего днём не увидишь. Кстати, насчёт живности. Ехали однажды, вдруг удар с левой стороны, но стекло не разбилось. Я думаю, что это какая-то дикая кошка была.

Что запомнилось по той операции ЮАР августа 1981-го? Каама (2Мпбр), воскресное утро, время около 9. Мы не ожидали, что то, что могло произойти уже давно, случится именно сегодня. Но тут внезапно прибегает посыльный, нас на связь вызывают... Вторым, по моему, начальник штаба оставался, комбрига не было. Не успел советник начальника штаба бригады принять информацию о том, что в Шангонго, по-видимому, начались боевые действия, как начался налёт авиации юаровцев на нас.

Мы ещё разговариваем в рубке (радиорубке), уже пошли разрывы бомб. Мы такого не ожидали. Первая реакция была своеобразная: советник комбрига сразу в блиндаж, а я, как молодой и неопытный, я просто вышел, сел на ступеньки и сижу, смотрю, что происходит. Ну, естественно, тут все бегают, осколки летят. Потом посмотрели, что они раздолбили этим первым ударом — они по радиолокационной станции ударили, ослепили ПВО и обезопасили свою авиацию от быстрой возмож-

ной реакции истребителей **ФАПЛА** и кубинцев с авиабазы в Лубанго. Этот радар стоял недалеко от линии домов. В то время когда они бомбили Шангонго и Ндживу (это самая южная точка), они одновременно блокировали нашу бригаду в Кааме с воздуха, чтобы не допустить контрудара с нашей стороны (а это и было предусмотрено в наших планах на случай возможной агрессии ЮАР) по вторгнувшимся войскам ЮАР.

Другие ангольские бригады были лёгкие пехотные, а у нас моторизованная (у нас и танки были, и артиллерия очень сильная – **Д-30** (122 мм), 130 мм – пушки дальнобойные (**М-46**), кроме этого, 2 из 3-х машин РСЗО **БМ-21**. Одна из установок находилась на операции против **УНИТА** и, когда юаровцы разбили Шангонго и стали выдвигаться в направлении Каамы против нас, в это время та часть нашей бригады, которая была на операции, стала возвращаться. Они её перехватили, и одну **БМ-21** мы потеряли (юаровцы её не то захватили, не то сожгли).

По артиллерии. Мы готовились, что юаровцы могут ударить. Был очень умный хороший советник по артиллерии у нас **Петрович** (фамилию не помню, знаю, что после этого он поехал (служить) на артиллерийские курсы в Ленинград). И был анголец (по-моему, **Анга** звали) – молодой парнишка, очень быстро всё впитывал. Он был не главный артиллерист, не начальник артиллерии, но исполнял обязанности начальника артиллерии бригады. Мы начинаем разрабатывать план, как перекрыть подходы к бригаде. Соответственно, оборонительный район, направление танковых ударов наметили, заминировали всё, что не прикрывается артиллерийским огнём. Запланировали артиллерию тремя слоями, чтобы дальнобойная перекрывала точки, куда не доставала недалнобойная и в то же время наметили рубежи, по которым можно было нанести массированный огонь всеми видами имевшейся у нас дальнобойной артиллерии (пушки, гаубицы

и РСЗО). Для этого засылали группы артиллеристов-корректировщиков, чтобы они отрабатывали рубежи, на которых можно будет накрывать выдвигающихся юаровцев. Эта система уже была отработана. Заранее пристреливали направления, то есть в этом плане мы были готовы. У нас была одна попытка выдвижения (юаровцев) с юга, якобы видели огни, туда ударили, они пропали. Позднее (по откликам ребят, которые были в Кааме позднее), когда в 1983-м юаровцы в очередной раз попытались ударить по Кааме, то всё, что мы и предшествующие поколения наших спецов подготовили, очень помогло отразить наступление войск ЮАР.

— **То есть была какая-то колонна? Из чего вы по ней ударили?**

— Колонна, или чисто разведка, шла юаровцев. Ударили дальнобойной артиллерией (по ним). В том направлении у нас и минные поля были, и танковые удары подготовлены. Больше боялись с основной дороги от Шангонго до Камы — на этом участке.

Как только начались удары по Шангонго, юаровцы блокировали бригаду с воздуха полностью. А у нас в то время стояли только **ЗУ-23** (калибра 23 мм) и югославские какие-то «трёшки» (трёхствольные скорострельные орудия югославского производства **M55A2** калибра 20 мм). Больше ничего серьёзного не было. А перед этим регулярно облётывали бригаду, бригада открывала огонь, особенно по ночам, они, соответственно, все эти точки отметили. Радар они сразу вывели из строя. ПВошки стреляли, конечно, но они (юаровские самолёты) встали (летали) на (высоте) 4–5 км.

— **А переносных «Стрел» у вас не было тогда?**

— «**Стрелы-2М**» были, но они высоту до 1 800 м брали тогда. То есть в своих действиях с воздуха юаровцы были полностью свободны. Мы днём двигаться практически не могли: каждые 15–20 минут 1–2 самолёта висело над

нами. Мы засекали: 15–20 мин — эти ушли, следующие пришли. Барражирование. А там в это время бомбили Шангонго, а нас блокировали с воздуха. Это продолжалось 7–10 дней. После этого мы ждали тех из наших, кому удалось выйти из Шангонго и Нживы.

Юаровцы не прекращали барражирование. Когда они раздолбили радиолокационное оборудование, мы быстренько сели на **уазик** и проехали по рубежам, посмотрели готовность, а наш запасной командный пункт ещё не был достроен. Стенки поставили, крышу успели (сделать), но песком не успели засыпать. Одновременно с этим быстро перебросили единственный бульдозер (у ангольцев, в основном, японская техника была, если не ошибаюсь), накидали сверху песка, лёгкую маскировку. И переместились туда. Любое движение в бригаде (где-то стекло блеснуло, ещё что-то), они тут же туда кидали пачку ракет, вылавливали машины одинокие, т.е. двигаться они нам не давали. Кушать готовили только по ночам, причём, затыкали все дырки в блиндажах, чтобы не было видно света. Замазали зеркала и стёкла на машинах, чтоб не отсвечивали.

Когда мы переместились туда, они ещё раз ударили по Кааме. Там, в самом начале, слева шло здание штаба, палатки медсанчасти, комбрига, потом, домов через 5 — советника комбрига, начальника штаба, потом наш дом. Вещи мы вытащить не успели. Второй налёт был по левой стороне Каамы. Они разбили сначала медсанчасть, по дому комбрига ударили, наш дом, когда я туда пришёл, тоже: крыши не было, всё это свалилось вниз. Чемоданы вытаскивал из грязи, пыли, чтобы хоть какие-то вещи достать. Потом они по правой стороне прошлись.

Перед тем как они ударили по правой стороне, где был дом муниципального комиссара и общежитие офицеров бригады **ФАПЛА**, мы выехали в район обороны и на обратном пути, когда мы возвращались из района

обороны по полевой дороге, проходившей по оврагу параллельно главной, и были напротив линии домов, свист летящих самолётов заставил нас резко свернуть под деревья и кусты, мы спрыгиваем и вжимаемся в землю: над головой вой пронёсшихся самолетов и тут же земля затряслась от разрывов, свист осколков, а через какое-то мгновение и шлепки о землю более крупных осколков, которые падали уже сверху, по другой траектории.

Есть, как говорят, шестое чувство, и объясню, почему это похоже на правду — сначала я спрыгнул и залёг там, где упал, а затем что-то меня подтолкнуло переползти метра на два в сторону. Так вот, когда начали падать большие осколки сверху, то как раз в то место, откуда я переполз, в землю вонзился большой, сантиметров 20, зазубренный осколок бомбы. Я на него посмотрел и внутри как-то неприятно похолодело от мысли, что он сейчас торчал бы уже из моей спины, если бы не тот внутренний толчок, заставивший меня отползти в сторону.

Через день или два, когда мы уже находились на заглублённом запасном командном пункте, а у юаровцев, конечно, были все координаты, они попытались ударить по командному пункту. Но попали в хранилище боеприпасов, в танк, а в командный пункт не попали. Только одному человеку осколок через амбразуру влетел. Никого из наших не задело. Мы решили: «Так дело не пойдёт, раз они уже все точки знают». Мы выкопали себе отдельную яму метрах в 100 в стороне, накрыли её железным листом и там ночевали: один дежурит, двое спят.

— **А сколько вас всего там было?**

— Насколько я помню, копали мы втроем и ночевали там тоже втроем (советник НШ бригады и, по-моему, **Петрович**, советник нач. артиллерии). Советники комбатов тоже были, но они ночевали, наверное, в батальонах. С нами их не было.

Вот юаровцы попытались накрыть наш командный

пункт заглублённый, но не получилось у них. А потом ещё момент интересный: перехват разговора одновременно шёл, когда мы на заглублённом пункте были. На русском языке, лёгкий акцент. Переговариваются двое: они пытались вычислить, куда идут линии связи с нашего заглублённого командного пункта. Вычисляли, где находится тыл. Это говорит о том, что были русскоязычные у юаровцев, которые были засланы в наш район обороны и занимались разведкой.

Первая мысль была — израильтяне. Я потом через сайт пытался выяснить у юаровцев: они говорили, что у них были поляки, но это был явно не польский акцент. Это были наши, родненькие. Но они не сознались, кто это, откуда. Какие-то эмигранты наши или инструкторы-наёмники. А район тыла после перехвата этого разговора всё же интенсивно пробомбили, разбили несколько складов, сдетонировали артбоеприпасы и раненые были тоже, но, в общем, потери были несерьёзные, так как тыловой район заблаговременно готовили и маскировали.

Что мы ещё сделали. Артиллерист наш, как я уже говорил, был толковый. Мы заранее приготовили ложные позиции, запасные позиции. Выкладывали из бревен эмуляции 130-мм пушек **М-46** и т.д. В результате, сколько наши ни стреляли, юаровцы ни разу не вычислили позиций батареи.

А пушки не засекали, потому что мы их перемещали сразу после нанесения артудара — отстрелялись, и сразу же сменили позиции. В то время движения каких-либо колонн юаровцев мы не заметили, били превентивно (упреждающе). Даже если они с воздуха засекали пушки при пристрелочных выстрелах, когда прилетали бомбардировщики уже было поздно, они их не находили.

— **Бомбардировщики Буканиры, или истребители-бомбардировщики Миражи, или штурмовики Импалы?**

— Скорее всего, **Импалы. Миражи** тоже проходили.

— **А разведывательные, маленькие самолёты?**

— Таких мы не видели.

Когда готовилась операция, юаровцы стали выставлять засады между бригадами и на дороге между Лубанго и Каамой, спецподразделения посылались и из 32-го батальона тоже. Но по спецподразделениям юаровцы ничего не говорят. Там один был момент: от Каамы (южнее) они сделали засаду, а мы вычислили, что там могут поставить, приготовили мобильную группу на **БТР-152** с соответствующим вооружением. Как я уже говорил до этого, комбриг очень умный был — майор **Фаррушко**, из бывших португальских войск, в спецназе служил, потом в **МПЛА**. Очень толковый, нас уважал, всегда очень внимательно выслушивал, и споров, разногласий у нас с ним не было. Поэтому легко было работать в этой бригаде.

— **И что с этой группой сделали, с засадой?**

— **Фаррушко** поддерживал очень тесные контакты со старейшинами, иногда помогал продовольствием (когда совсем туго было) и поэтому местное население его уважало и помогало нам тоже. У него была конкретная договорённость: если что-то увидели, услышали, посадку самолёта или вертолёта, увидели людей чужих или следы и т.д. — сразу сообщать ему. Не помню, как они сообщили, но когда вертолёт сел южнее Каамы с группой, пока они выходили на место засады, наши уже выдвинулись туда. Юаровцы успели две машины всё-таки «хлопнуть» по дороге, сожгли. Один грузовик с горючим, вторая — уже не помню чем была гружёная. Когда мы потом приехали: людей нет, следы крови на кабинах, горит. Пассажиров они с собой, как правило, забирали для выбивания информации, и что было с ними потом — можно только догадываться*.

---

* Пленных ангольцев юаровские спецназовцы убивали, хотя до сих пор не признаются в этом. (*Прим. Сергея Шкаренко.*)

Наши (ангольцы) уже выдвинулись, **БТР-152** приехал и юаровцы не ожидали этого момента. **БТР** с ходу стал стрелять по засаде. Лёгкий был **БТР**, старого типа, древняя машина, 6-ти колёсная (3x3), открытый верх. Сидела пехота и, по-моему, ручки у них только были. **РПК** (ручные пулемёты **Калашникова**). Тяжёлых пулемётов у ангольцев не было. Они начали лупить по месту засады, юаровцы не ожидали такого поворота, сами удрасть-то они удрали, всё что должно было взорваться (они заминировали обочину с двух сторон, поставили противопехотные, связанные вместе американские мины **Клеймор** и противотанковые мины) и одного убитого своего бросили (ранение в живот). Впопыхах не успели его забрать с собой, как обычно они это делали.

Я потом пытался выяснить, что у него был за автомат. По-моему, это была бесшумка (бесшумный автомат). Старый **Стерлинг** (автомат **Стерлинг**) (патрон 9x19 мм) с очень длинной насадкой (глушителем на стволе). То есть это был именно спецназ армии ЮАР. Поэтому, когда я связывался с ними (юаровцами) на сайте впоследствии, они про это ничего не сказали, и не признались, кто это был. Внимательно выслушали, пообсуждали, но не признались. Называли более поздние факты засад с участием 32-го батальона, но про эту засаду и убитого информацию так и не дали.

— **Дальше юаровцы полезли к вам?**

— Там был интересный момент. Мы думали, что полезут. Когда уже разбили Шангонго и Кааму и наши люди вышли к нам, нас на несколько дней вывели в Лубанго, ангольцы остались там, потом мы обратно поехали в Кааму через день или два. Понятно, зачем это сделали: чтобы людей не потерять, потому что следующий удар ожидали напрямую на Кааму, так как с Шангонго и Нживой уже было покончено.

— **А ФАПЛА ?**

— Да нет, ангольская бригада как сидела (в Кааме), так и сидит. Вывели советников. И одновременно с этим из округа подтягивались дополнительные силы. Кубинцев, насколько я помню, организовали. У нас километрах в 30 в тылу по дороге на Лубанго сидела на горе батарея 130-мм пушек (М-46). Забыл, как место называется, по-моему Вирьямбунду. В общем, в район этой горы подтягивали (не доезжая до Каамы, огромная гора) дополнительные силы, в случае, если Каама не сможет удержаться, чтобы прикрывать направление на Лубанго. Нас на 2–3 дня вывезли, потом мы вернулись. Это был сентябрь. Пока это всё происходило, о том, что надо вернуться учиться к первому сентября в военный университет и не вспоминали. Я вернулся 12 октября. И то только после того, как мы напомнили, что мы вообще есть.

— **Вы уже были лейтенантами к тому времени?**

— Младшими лейтенантами.

— **После этого вы ещё 4 года доучивались?**

— Да. Четыре года доучивались, и потом ещё раз у меня была командировка.

— **Вы закончили институт старшим лейтенантом? Это какой был год?**

— Это был 1985 год. Осенью 1985 г. нас ещё раз отправили в Луанду, оттуда я попал в Менонге. Потом перелёты Менонге—Куито—Куанавале. Я был старшим в Менонге, заменял кого-то на время. Недолго... Мы в то время часто меняли друг друга между Менонге и Куито-Канавале. Это был октябрь—ноябрь 1985 г. В тот момент, когда наши (ангольские) две бригады были заблокированы (УНИТА), когда вертолётами пытались им сбрасывать вооружение и продовольствие, в этот момент я был в Куито-Куанавале.

— Когда две бригады дошли до реки (по-моему — Ломба), упёрлись в неё. А УНИТА, она как вода, расступалась и смыкалась после прохода наших бригад. В результате,

эти две бригады оказались в кольце. **УНИТА** сзади перекрыла все пути подвоза, еда кончилась, воду тоже набирать было сложно, потому что подходы к реке были пристреляны противником. С боеприпасами стало плохо. Стали принимать срочные меры – разработали воздушную операцию. Вертолётов шесть выгнали туда. **Ми-8** и **Ми-17**. Вертолёт **Алуэтт** один был, на котором летал португальский летчик. Мулат. Очень опытный. Мы его очень уважали все, потому что, когда посылали, он летел – не боялся. Получилось так, что когда сделали первый вылет, набивали бочки продовольствием, боеприпасами и сбрасывали. Конечно, лётчикам говорили, чтобы делали это как можно с меньшей высоты, но не получалось, потому что обстреливали. В бригаде говорили, что патроны зачастую сминались. Что-то доходило, что-то нет. Ну и юаровцы не дремали: они своими радиолокационными станциями отслеживали, поднимали свои истребители и на обратном пути сбивали наши «вертушки».

Потом на интернетовском сайте дали сноску: наши вертолёты в прицелах юаровских истребителей, фото сожжённых и т.д. Если не ошибаюсь, около шести вертолётов они сожгли, и мы от этого пути отказались. А вот как выходили эти бригады я, честно говоря, не помню.

– **После Куито-Куанавале, где вы были?**

– Потом в Уамбо, в 4ВО, работал со старшим советником 4ВО. В Менонге в 6ВО старшим был полковник **Фарфилов Владимир Иванович**. Очень опытный человек. Он меня с собой забрал в Уамбо. Старшим переводчиком. Там тоже много было интересных событий. Был такой район Куэмба, туда мы постоянно вылетали. Это 1986–1987 гг. Это был передовой район, откуда мы страховали направление удара, если юаровцы и **УНИТА** пойдут с юга, если Куито-Куанавале не удержится. В районе 50–70 км шли пути подвоза **УНИТА** на север, в центральную часть страны. Задача была отслеживать эти пути,

базы разведывать и, соответственно, проводить операции. Была ещё такая точка Муньянго – передовая, туда выделена была одна или две бригады. Но УНИТА их заблокировала, пути подвоза перекрыли, вертолётами мы пытались – стали жечь вертолёты. Но каким-то образом нужно было туда добраться, хотя бы узнать положение дел, что там творится, вывезти раненых и т.д. Оттуда они не могли послать за продовольствием, вывезти раненых, которых уже много было. Сделали так: вылетели в Луэну (ЗВО), затем, под видом, что мы летим в какую-то бригаду совершенно в другом направлении, мы вылетели в Муньянго, информация, соответственно, не прошла, что мы туда летим, и нам удалось сесть в эту бригаду. Но в моменты прилёта и улёта они всё равно нас засекали. При разрывах (мин) садились и взлетали. Но минут 40 мы там пробыли, сколько могли раненых погрузили и успешно улетели. Эта операция у нас получилась, а до этого всех сжигали. Позже помощь всё же туда пробилась с конвоем, на **КраЗах**.

КраЗы (КраЗ-255) наши дизельные были очень хороши. Даже если наезжает на противотанковую мину, люди остаются живы: как правило, отрывает колесо только. А для **Урала** (грузовика **УРАЛ-375**) это всё. Бензиновый двигатель сразу горит*.

Ещё расскажу, как нас сбили на вертолёте. Это был обычный вылет для проверки бригад в район Шингуар–Кuito, мы должны были лететь из Уамбо. Старший группы 4ВО округа полковник **Владимир Иванович Фарфилов** был, подполковник **Володя Филиппенко** (советник начальника разведки 4ВО, сейчас до генерала дослужился – у него был опыт Афганистана, что нам очень помогло тогда выжить). Был майор **Пена** (командующий 4ВО),

---

* Поэтому с 1987(?) г. в Анголу стали поставлять грузовик **УРАЛ-4320** с дизельным двигателем.

много ангольских офицеров. Везли ещё деньги для бригад. Там есть характерный П-образный изгиб дороги между Уамбо и Шингуаром. Я думаю, наша ошибка была в том, что у нас на картах были нанесены базы УНИТА, а вот были ли они у кубинских лётчиков, я не уверен. Это и подвело. В тот момент, когда пошёл этот изгиб дороги, смотрю на карту — как раз база УНИТА в середине этого изгиба, и мы идём туда (вроде как бы скашиваем изгиб), вместо того чтобы идти вдоль дороги. Я только старшему успел показать, что кубинцы напрямую пошли, буквально через 3—4 минуты вертолёт резко виляет, и — удар по хвосту. Потом мы узнали, что это был касательный удар ракетой.

— Это Стрела была?

— Или Стрела, или Стингер. Потом, когда я уже это всё обсуждал с юаровцами, узнал, что как раз в то время подогнали американские Стингеры. Ну вот. Скользящий удар по хвосту — кубинцы успели увидеть и вильнуть. Успели. Я стоял около дверей слева, ближе к кабине, Владимир Иванович Фарфилов сидел справа от двери, рядом с баком топливным, командующий-анголец сидел на приступке у кабины и всё пытался закрыть дверь, чтобы не сквозило. Володя Филиппенко мне говорит: «Скажи ему, чтобы дверь не закрывал, потому что если ракета попадёт в двигатель, то её от перекоса тут же заклинит». Я перевёл майору Пена, он ничего не сказал, но, видимо, понял, и ушёл в кабину к лётчикам и дверь закрыл за собой. Дверь фюзеляжа ещё оставалась закрытой. Я остался слева от двери. В это время второе попадание идёт. В двигатель. Хлопок, вонь, гарь и горящие капли — через потолок начало капать горящее масло на топливный бак. Почувствовал только, что что-то вдруг шёлкнуло по голове и засадило в левой ноге. Володя Филиппенко это увидел, схватил свою куртку и стал затыкать расползавшуюся горящую дыру в потолке, затем с нас всех

снял куртки и накрыл топливный бак. А высота где-то 800–1000 м. Не успели бы долететь до земли, если бы не он. И, как **Володя** и предупредил, — от удара ракетой дверь заклинило. Откуда у меня взялись силы — не знаю. Но я пальцем оборвал контровку замка сброса двери, коленом выбил дверь (потом колено недели три болело), дверь слетела вниз. С одной стороны от этого стало лучше, с другой — хуже. Если бы знать, её надо было вышибать ближе к земле. Потому что сквозняк усилил горение и языки пламени с рёвом стали гулять по салону. Можно было только полусидя, закрываясь от пламени, там находиться. Когда уже не получалось сбить пламя (пламя от потолка било как из газовой горелки), люди начали гореть, ангольцы трое-четверо мимо меня пробежали и выбросились в открытую дверь. Разбились насмерть.

Но кубинцы-вертолётчики — молодцы, они сумели так «плюхнуть» вертолёт на авторотации, что он не перевернулся. Самое страшное, когда он переворачивается. Я ожидал удара и знал, что в момент удара надо выпрыгнуть. Я так и сделал: в момент касания прыгнул, а дальше... лёгкий провал в памяти (врачам я об этом не сказал, чтобы не отправили в Союз). Когда очухался от удара, смотрю: один ботинок на ноге, второй, у вертолётки — метров в десяти, автомата нет, пистолет **Макарова** только на боку (**ПМ**), запас патронов только для автомата. Когда все повыскакивали, мы насчитали только 2–3 автомата **АКМ** на 15–17 человек, остальные **ПМки**. Если бы у нас был опыт наших десантников, то автоматы остались бы при нас, а так — кто в момент удара потерял, кто — когда выпрыгивал. Вертолёт сгорел, но мы успели всё же от него отойти подальше, когда начали взрываться боеприпасы в салоне, бак, а затем **НУРСы** на подвесках. Лётчики-кубинцы с трудом выбрались из кабины, но выжили: один переломал ноги рычагами управления, кубинцы несли его на себе. **Унитовцы** же рядом — носилки

делать некогда было. У **Владимира Ивановича** осколком раздробило лопатку. Он сначала какое-то время шёл, потом всё хуже, говорит: «Посмотри, что там у меня — сильно болит». Я глянул. Ну, кое-как успокоил его, чтобы как-то поддержать. А потом и сам говорить не смог — у меня язык распух, потому что я машинально прикусил его сильно при ударе. Поэтому потом я уже писал на бумаге, чтобы перевести, и руками показывал.

Вот урок на будущее всем: при выполнении каких-либо миссий или заданий на вертолётe необходимо предупредить личный состав: дверь в салон вертолётa должна быть открыта, автоматы должны быть на теле;* если бак топливный в салоне, его нужно чем-то защищать, чтобы из двигателя горящее масло не лилось на него в случае чего и т.д. Такие нюансы очень важны. Аптечки никакой тоже не было серьёзной. Лёгкие пакетики какие-то. Перевязочные. Когда стали считать оставшихся, то оказалось, что не все успели выскочить — были люди, сгоревшие в вертолётe (ангольцы). Мы гуськом выстроились (понимали, что **унитовцы** за нами пошлют погоню), посмотрели, где ближайшее подразделение **фапловское** и двинулись в ту сторону. Посылали сообщения, но нас нашли только на второй день. **УНИТА** до нас не добралась. Моему командиру осколок ракеты разбил лопатку и ему пришлось долго лечиться после этого, меня мелочёвкой нашпиговало (один осколок до сих пор ещё в голове сидит). Потом врачи всё допрашивали, что я помню, чего не помню и был ли провал в памяти при ударе. Наш командир — полковник **Владимир Иванович Фарфилов**, несмотря на разбитую осколком лопатку, держался очень мужественно. Впоследствии он дослу-

---

* Именно после этого случая всех советских военных специалистов, советников и переводчиков в Анголе, стали предупреждать: автоматы в вертолётe с себя не снимать. (*Прим. ред. -сост.*)

жился до генерала и военкома в Саратове, и я очень его уважаю как военного специалиста, знающего своё дело, и как человека. То же самое могу сказать и о подполковнике **Володе Филиппенко** (ныне — генерале в отставке). Я, кстати, так и шлёпал километров около десяти, наверно, в одном ботинке. Второй остался у вертолётá, его нельзя было взять, вертолёт тут же взорвался.

Потом нас вывезли, в госпитале (в Уамбо) стали просвечивать. Мелочёвку (мелкие осколки) из меня в основном побытаскивали...

Интересно с наградами у нас было в Анголе, что в 1979—1981, что 1985—1987. Если мне правильно говорили — два раза на «**Красную Звезду**» мне представление посылали и два раза на медаль «**За боевые заслуги**». В результате, я прилетаю после второй командировки в Москву, и мне, с небольшим перерывом, вручают две медали «**За боевые заслуги**» (насколько я знаю, две медали за «**БЗ**» не положено давать вообще). Командир, вроде, посылал на «**Красную Звезду**» (орден «**Красной Звезды**»), но в Луанде, как обычно, списки подправили, и я, кажется, даже знаю, кто её получил после «правки» списков. Ну да пусть ему это пойдёт во благо...

— **Может быть, что-то забавное вспомните?**

— Ребята (не помню их имён) с севера на юг на **БТР-60 ПБ** прошли всю Анголу. У них с собой была обезьянка. Так вот она спасала их во время обстрелов несколько раз: она слышала звук выстрела из миномёта намного быстрее, чем человек. Поэтому, как только она «ныряла» в **БТР**, они сразу делали так же. Потом, в Менонге, эту обезьянку и ещё одну (самца) привязывали на длинной верёвке там, где стоял столик, за которым мы играли по вечерам в домино. Так обезьяны знали всех, кто играл в домино. Если появлялся новый человек (кто-нибудь из командированных из Луанды, например), то самец, как только позволяло расстояние, прыгал ему на спину, на-

чинал дико орать, гримасничать, и... писать на спину. Это случалось не всегда, но мы этого момента с интересом ждали.

Ещё про животных. Собаки. Как только они связали в голове звук подлетающего самолёта и разрывы бомб, они стали при первых звуках прятаться в блиндаж. И мы уже знали: летят. Только потом слышали звук самолёта. Так что животных надо держать в таких ситуациях рядом с собой. Полезно. И может спасти жизнь.

— **А по поводу местных «зверюшек»?**

— Это да, не всегда приятно было. Когда огромный местный таракан («кукарача») забирается вдруг под комарник и пробегает по тебе колючими холодными лапами, вскакиваешь, не можешь понять, в чём дело. Это неприятно. Сколопендры всякие, тысяченожки огромных размеров.

Я три раза переболел там малярией. Два раза легко, один раз тяжело. Лёгкая форма проявляется в том, что очень сильная слабость, понос. Для того чтобы подняться по лестнице, а туалет в Менонге (моим соседом был майор **Алексей Михайлович Яцко**, замечательный человек и наш преподаватель — не даст соврать) на втором, как ни странно, этаже, так вот, подняться туда стоило немалых трудов, приходилось помогать ногам, держать коленки руками. Тяжёлая эта лихорадка, очень сильный озноб. Меня эвакуировали в Луанду, не долечившись, улетел в отпуск. Я приехал с ней домой. Сначала старался не показывать, потом, когда начало трясти, то мама пыталась меня лечить хинином. Но ничего не помогло. А когда вернулся в Анголу, то меня моментально поставили на ноги кубинцы. Они знают схему, как лечить тропические болезни.

Да, ещё эта «мушка». Пробежала один раз по мне. Смотрю: на внутренней стороне бедра, чуть выше колена, небольшое пятнышко. Лёгкое покраснение, но го-

ловки не видно. Потом дай, думаю, попробую надавить. Даванул — глядь, червяк вылез и качается, извивается. Не чувствуешь, как они в тебя внедряются. Кубинцы прекрасно знали, как с ними бороться. Наши, не зная, часто вскрывали скальпелем и получали заражение крови. А кубинцы делали просто: к этому месту приставляли пробирку, по пробирке ударил, червяк в пробирку вылетает. Не надо резать ничего. Всё очень просто.

— **А случалось видеть, как ангольцы охотятся?**

— Один раз ездил на охоту в Каааме. На **уазике** ездили. Посмотрел, как в козу попали, подранили. Потом ещё раз видел, как добивали антилопу. Это неприятно: она на тебя смотрит такими глазами!.. Больше никогда на охоту не ходил и не пойду. Для меня во врага, когда ты знаешь, что это враг и — или он тебя, или ты его — проще выстрелить...

— **А как ангольцы справлялись, когда не хватало еды?**

— У них своя система: они знают, что где растёт, и что можно кушать. Часто посылали группы глубинной разведки ангольцев на большие расстояния, дней на 10. Наш паёк на 10 дней ещё надо утащить. А они гороховую кашу варили, сушили из неё брикеты и с собой брали. Когда надо, размачивали и ели. Сгрызть её, конечно, трудно, она, как камень, но питаться этим можно. К тому же знали, что вокруг можно собирать. Как обычно, у местных в любой местности выжить шансов значительно больше.

— **По возвращению из командировки ещё сколько времени вы служили в армии?**

— До 1996 г., до звания майора. Я попал в третье сокращение армии. Из 52 человек у нас осталось 6 или 7. Я дослуживал в городе Краснодаре. Это было лёгкое училище. Должностей не было. За штатом сидел до самого конца. Поэтому военная пенсия минимальная. Но у многих было намного хуже, их «уходили» без пенсии вообще, а многих, и без жилья...

– **Когда вы занялись бизнесом?**

– В 1996 г. мне друзья помогли. Снял сапоги (ушёл с военной службы) и тут же пошёл в бизнес, иначе было не выжить. Хуже было в 92-м, когда детей кормить было нечем, а денежного довольствия не выплачивали по три месяца и более – пришлось, хоть и стыдно было, на базар нести обувь и одежду, из которых дети повыврастали, да отрезы шинельные... А там, наверху, им было не до нас – власть делили...

Грицук Олег Аркадьевич,
бывший переводчик 25-й ангольской
пехотной бригады Куито-Куанавале*

– **Какой институт вы окончили?**

– В 1986 г. я окончил МГПИЯ** в Минске. Основной язык – испанский, второй – английский. Написал рапорт на военную кафедру, и меня распределили в Анголу. На два года, лейтенантом. В Анголу прилетел в 1986 г., в ноябре или октябре. Летели на **Ил-62М**, с посадкой в Будапеште.

– **Какое впечатление произвела Луанда?**

– Честно говоря, мы её не видели. Через неделю я уже был в Куито-Куанавале. Встретили в аэропорту, привезли в миссию. Нас летело очень много. Советники и переводчики летали Аэрофлотом. А технические специалисты – какими-то иностранными компаниями.

Португальского языка я не знал, до этого работал с испанским. Привезли группу в Москву, распределили кого в Никарагуа, кого в Мозамбик, а мне сказали: «Вьучишь португальский язык по ходу дела».

– **Сколько с вами летело переводчиков?**

– Со мной в Анголу летели человек пять-шесть, окончивших институт, но в основном летели с ускорен-

---

* Запись сделана в сентябре – октябре 2009 г. к.и.н. **Шубиным Геннадием Владимировичем.**

** Минский государственный педагогический институт иностранных языков. (*Прим. ред.-сост.*)

ных курсов португальского языка. Очень быстро их готовили и отправляли работать. Никакого инструктажа толком не проводили в «десятке». Нам такого понарасказывали, что мы везли с собой огромные чемоданы с сахаром, гречкой — с продуктами. Что в итоге оказалось не нужно. Привезли в миссию в Луанде. В миссии я был дней пять. Ждал назначения.

— **Получили назначение в 25-ю бригаду?**

— Мне это ни о чём не говорило, я только знал, что это воюющий округ. Это было в конце октября — начале ноября 1986 г. Я долго отбивался, предупреждал, что работать переводчиком один не смогу. Меня поэтому распределили сначала в отдельную бригаду ПВО (ОСА-АК). Там по штату положено было два переводчика. Один был опытный уже, а меня к нему как на стажировку определили.

Они ездили на работу, меня брали с собой, хотя я в португальском тогда ещё ничего не соображал, ничего не мог перевести, но я ездил с нашими специалистами, советниками на работу в эту бригаду ПВО. ОСА-АК располагалась примерно в 5–7 километрах, может, в десяти от Куито-Куанавале, в сторону Менонге. Находилась она, естественно, не на шоссе: мы съезжали в сторону, там замаскированные эти ракеты стояли.

— **ОСА-АК работала в связке со стационарной Печорой?**

— Я в ПВО только 1,5–2 месяца проработал, поэтому тонкостей не знаю. Потом меня переправили в 25-ю пехотную бригаду, где я отработал два года. Это была рейдовая пехотная бригада. Единственная ангольская бригада стояла в обороне Куито-Куанавале — 13-я бригада.

— **Разница была в вооружениях этих ангольских бригад?**

— Разница заключалась в том, что там (в 13-й бри-

гаде) пара танков была и грузовики. А в нашей (в 25-й бригаде) танки **Т-55** — штук пять или шесть, три-четыре **БТР-60ПБ**, не считая нашего **БТРа** (для советников) и 10–15 грузовых автомобилей. Сначала использовались дизельные гэдэровские грузовики **ИФА (IFAW50)**, потом ангольцы закупили бразильские грузовики **Энжеза**. Очень плохие. Странный контракт был заключен между Анголой и Бразилией. Они (бразильцы) потом приехали, собрали все сломанные грузовики **Энжеза** и вывезли. Они очень слабенькие, на плохие дороги не рассчитаны. Эти машины сначала предполагалось использовать в наступательной операции, придуманной нашим Главным военным советником (генералом **Гусевым**).

До неё мы спокойно ходили полгода на операции, в рейды. 25-я бригада **ФАПЛА** была единственная рейдовая бригада. Задачи ставились по уничтожению якобы партизанских банд. Точку на карте отмечают, мол там банда **унитовская**. И мы недели две ходим по саванне. Ни разу не было за всё мое время там, чтобы наша бригада окружила какую-нибудь базу и уничтожила **унитовское** подразделение. Вся война заключалась в том, что день бригада ползёт двумя колоннами — впереди танки до рогу пробивают и за ними — грузовая техника...

— **А КраЗов у вас не было?**

— Нет. У нас были несколько бензиновых **Уралов (Урал-375)***.

— **То есть вы просто ходили, а вас обстреливали?**

— Ну да, вся война нашей бригады заключалась

---

* По другим сведениям, перед операцией «Навстречу Октябрю» (1987 г.) наступающие ангольские бригады получили новые грузовики **«Урал-4320»** с дизельным двигателем. **«Урал-4320»** и **«Урал-375»** внешне похожи, но имеют разные двигатели: один — дизельный, другой — бензиновый. **«Урал-4320»** использовали во время операции для прохода через саванну. (Прим. ред.-сост.)

в том, что выходишь с линии обороны от Куито-Куанавале (наша бригада располагалась на берегу реки, на фотографии видны домики, где мы жили, а бригада на обороне – на другой стороне реки) – надо было пройти мост, который потом юаровцы взрывали три раза.

На работу мы ездили ежедневно в бригаду, а один-два раза в месяц ставили задачу – уничтожить партизан. Мы собирали боеприпасы, продовольствие, грузились и выходили в саванну искать партизан **УНИТА**. Партизаны устраивали засаду, потому что бригада, когда идёт, там шум от техники слышен за десятки километров. Скрытных действий никаких быть не может. Бригада подходит, они обстреляют из миномётов, пулемётов, бывало, из безоткатки (безоткатного орудия **М40**). Минут 20–30 как бы бой. Наши разворачиваются, и всё что есть в наличии, стреляет в сторону предполагаемой засады. Из **БМ-21**, танков **Т-55**.

– **БМ-21 сколько у вас было?**

– Если мне память не изменяет, две штуки было у нас **БМ-21**. Совсем старые РСЗО **БМ-14** были в Куито в какой-то бригаде. У нас их не было. Танки **Т-34** ещё были в Куито-Куанавале. Интересно – здесь (в СССР) только на памятниках их видел, а там действующие, в боевом состоянии.

– **То есть стандартное советское вооружение: пулеметы Калашникова, БТР-60ПБ, танки Т-55 и сравнительно новый БМП-1, бразильские грузовики ЭНЖЕЗЫ и наш грузовик Урал-375?**

– Ну да. Наш **Урал** – машина, приспособленная для этих действий. Боеприпасы ангольцы возили на **Уралах**, потому что те выдерживали большой перегруз. Грузоподъёмность их я не помню, но возили они обычно раза в 2 больше. **Урал** спокойно ехал по бездорожью. Ничего там особо не ломалось, если не считать поломок и по-

вреждений от обстрелов. У них большой запас прочности в отличие от **Энжеза** и **ИФА**.

Когда идёт война, каждый командир, которому ставят задачу, старается побольше нагрузить боеприпасов и продовольствия с троекратным запасом. Эти машины (**Энжеза** и **ИФА**) не выдерживали перегруз. У **Энжез** вырывало задние мосты и т.д. А **Уралы-375** и **Зилы-131** наши тянули. Сколько ни загрузишь — он едет. Скорость передвижения там километров пять в час. Подкачка шин автоматическая (у **Уралов** и **ЗиЛов**); если небольшие дырки, да, это помогало, но если дырки с кулак, да все с одной стороны, то тут уж подкачка не поможет. Машины (грузовики) останавливались во время движения в основном из-за того, что радиатор им пробивало. Если обстрел, мины рвутся, или **Валькирия** юаровская (**РСЗО** калибра 127 мм), (шарики шрапнели) радиатор пробивает, и машина стоит часа 2–3, пока заменят радиатор или заклеивают шины.

— **А фамилию ангольского командира 25-й бригады не помните?**

— **Валерьяно** его звали. Очень грамотный был офицер, много воевал. Пять лет воевал по всем ангольским округам. Наша бригада в основном состояла из выходцев северных районов Анголы, они более грамотные. Как человек неплохой был — никогда ни в чём не откажет, если надо поможет. Да и начальник штаба, **Донго**, молодой, 25 лет ему было, тоже грамотный. И насчёт воевать, они не прятались за кусты, и в атаку ходил наш **Валерьяно**. Потом его ранило во время атаки в ногу. Круто разворотило. Но в госпитале подлечили, и он вернулся. У него мечта была попасть на учёбу в Советский Союз. Не знаю, получилось или нет.

Бригада 25-я всё время в первый год, когда ещё активных военных действий не было, только в рейды ходила (якобы уничтожали базы **УНИТА**). Обычно шла

двумя колоннами: впереди танки, а сзади — грузовые машины, гружёные боеприпасами, продовольствием, питьевой водой. **Урал** практически как танк в этой саванне: там деревьев больших не встречалось, тонкие, поэтому он давил их легко. Если обстрел, засада, сразу начинают отвечать из всех видов оружия, а танки **T-55** сразу движутся в сторону нападающих **унитовцев**. А **Уралы** становятся во главе колонны.

— **А самоделки (самоделные бронемашины) ангольцы тогда еще не использовали? Типа обшитого бронёй грузовика?**

— Нет, ничего такого не помню. У нас максимум что делали в 25-й бригаде — для предохранения радиатора навязывали ветви деревьев толщиной в полруки спереди, чтобы мелкие осколки не пробивали. Это болезнь была — пробивается радиатор, и машина стоит мишенью в течение полутора часов, пока не починят. Из-за этого и темп передвижения очень медленный: 25—30 км за день реально, если ни обстрелов, ни поломок техники. А так, обычно, 10—15 км в день или ещё меньше. Потому что если обстрел — два часа стоим, чинимся, ещё чуть проехали, опять обстрел, опять стоим.

Не знаю, каких партизан они думали поймать в этих рейдах, если шум колонны слышен в округе на 20 километров. Но задача ставилась: «Найти и уничтожить базу **УНИТА**. База там-то, по данным нашей разведки». А разведки там никогда не было. Не знаю как воздушной, а наземной точно не было никакой, пока кубинцы не пришли. Разведзводы комбриг отправлял пинками каждую ночь разведывать ну, допустим, в радиусе 10 км от бригады. Они довольно охотно уходили «на разведку», потому что разведротам полагался сухой паёк: галеты, сок (для нас это тогда в диковинку было). Но они отходили максимум на километр от бригады, ночевали там, а потом приходили, докладывали, что никого в ра-

диусе 10 километров нет. Но бывали такие случаи: что бригада отходила на 2 км от места ночлега и попадала в засаду, в то время как час назад разведгруппы докладывали, что они там всё обшарили и никого нет.

— **В бригаде РПК не использовали?**

— Были пулемётчики. На вооружении в основном были **АКМ** и **РПК**.

— **А Зу-23-2?**

— В 1987 г., была такая история, как нам потом сказали: «**УНИТА** попыталась захватить Куито-Куанавале». Была какая-то операция, всю ночь стрельба стояла. Бой был довольно приличный. Как оказалось, **унитовцы**, со стороны 13-й бригады, по какой-то тропинке между минных полей пытались просочиться ночью. Когда тревогу подняли, у кого-то из чёрных офицеров ума хватило, и всех **унитовцев** положили из **Зу-23-2**.

— **Вы как-то говорили, что очень плохой паёк был ежедневный у ангольского солдата?**

— Да, очень. Я не знаю, честно говоря, если в нашей армии сделать такой паек, то она умерла бы месяца через два. Там рацион очень скудный, мизерный: точно не помню, но, приблизительно, 100—200 граммов риса на день, банка сардин (60 г), 20 граммов сгущённого молока утром, пара галет... Основной едой рис был... Про мясо там вообще никто не заикался, такого и понятия не было. Иногда привозили на базу мясные консервы: всё, что осталось с мясокомбината — потроха, остатки костей, жир — всё перерабатывается, перемалывается, заливается каким-то соусом. Такая гадость — ужас. Мы попробовали один раз (банки-то у них за границей красивые), но как открываешь, сразу запах такой!!! У нас это никто не ел. Ну, может, 1—2 человека. А ангольцы ели, переваривали мясные консервы — охота попробовать мяса-то.

— **Кто изображён на фотографии?**

– Крайний слева на фотографии – **Володя Ильин**, прапорщик. Нашим водителем он считался и техническим специалистом. Затем подполковник **Харюшин Борис Иванович**, советник командира бригады, наш старший.

Он был начальником штаба полка (не помню какого) в Советском Союзе и потом попал в Анголу. Это – **Борис Матвеевич** (фамилию не помню), украинец. Он был советником командира артиллерии. Классный мужик, весёлый. Это – я. Мы голову брили постоянно, чтоб не мыть часто – там грязь, пыль. Справа внизу на фотографии – это кто-то из пэвэошников в гости приходил.

– **Что-нибудь веселое помните?**

– Весёлого было очень много, честно говоря. Самый весёлый случай был, наверное, когда первый раз при мне нашу бригаду 25-ю отправили воевать с партизанами (**УНИТА**), в 1986 году. Мы все в нашей бригаде, советники и специалисты, так получилось, приехали практически одновременно. Никто до этого не воевал, нигде в боях не участвовал, не знал специфики (войны в саванне). Вот нашу бригаду отправляют: надо 40 км пройти в какую-то точку от Куито-Куанавале. Мы на **БТРе (БТР-60ПБ)** выезжаем в этот рейд. Жара, солнце, безоблачное небо. А **Борис Иванович Харюшин**, старший нас, – мужик хороший, никогда нас не строил, по натуре был слишком осторожный.

Вот мы выезжаем на операцию: **Борис Иванович** на башне **БТР**, в натовской форме, в чёрных очках, в кепке спецназовской – короче, словно фильм про наёмников в Африке. Он сидит прямо на башне, пулемёт между ногами. Я – в люке. У нас водитель был чёрный (анголец). Внутри **Иван Матвеевич** лежал на матрасах (мы матрасы брали с собой, чтобы мягче было). Короче, целый день проехали – ни выстрела, ни разрыва. Всё спокойно.

Часов в 5 вечера стали на ночлег располагаться, отогнали **БТР** под дерево. У меня была обязанность как у переводчика, выходить на связь с нашими три раза в день и координаты сообщать: как дела, стычки были — не были и т.д. Ну, я радиостанцию (**Р-40** (или **Р-140**) — гроб огромный, неудобная страшно) — ставлю на башню **БТРа**, начинаю антенну разворачивать, чтобы выходить на связь. А целый день жарко очень, **БТР-60ПБ** раскаляется, как консервная банка. Все наши матрасы вытащили и метрах в десяти от **БТРа** под деревом отдыхают, ждут, когда солдаты ужин приготовят. Я только эту радиостанцию развернул, передал пару цифр. У нас были шифровальные блокноты, мы кодировали текст в цифры. Мне **Борис Иванович Харюшин** составлял радиограмму, и я должен был её зашифровать и цифрами передать. А у нас был **Женя**-срочник (солдат срочной службы), он сидел на связи, что-то расшифровывал. И вот **БТР** стоит, люки все раскрыты...

И тут начинается обстрел. Причём, такой грохот, что мне тогда казалось: всё, живым не останется никто. Пулемёты стреляют, танки лупят в ответ, миномёты*. Короче, я сразу в **БТР**. Я же никогда выстрела не слышал до этого. Тут начинается война — пушки стреляют, танки ревут, все бегают. Я заскочил в **БТР**, рацию оставил на башне, люки все задраил — ну страшно! А все остальные-то мои остались на улице. А они тоже первый раз попали в такую переделку. Я сижу в **БТРе**, думаю, когда кончится эта война. Выглядываю, кто где, — никого нет.

Тут вдруг такой грохот, боковой удар: «Открывай,

---

* Стреляли по нам миномёты калибра 81 или 82 мм. Крупный калибр миномётов 120 мм — редко по нам бил, **Валькирии** (южноафриканские **РСЗО калибра 127 мм**) тоже встречались. (*Прим. Олега Грицука.*)

сука!». Я приоткрыл верхний люк, там крик: «Ты нас всех бросил, нас сейчас всех убьют, открывай, скотина!» Я в ответ: «Какой люк открывать, боковой?» А с земли же надо встать, чтобы влезть в **БТР**, а страшно, мало ли – ранение и т.д. Открыл верхний люк, кричу: «Залезай-те!». **Борис Иванович Харюшин** первый ныряет, причём, головой вниз. Когда прыгают в **БТР**, часто сильно разбивают колено о броню. А он прыгает головой вниз и застревает в этом люке: голова внизу, а задница и ноги наверху. Он кричит: «Тащи меня, я ранен!» Я понять не могу, куда ранили: голова тут, туловище тут. Втащили. Это был первый день – самый запоминающийся.

На второй день обстрел прошёл, всё улеглось. Я пошёл к командиру бригады уточнить, какие потери. Было двое раненых, по-моему. А такой грохот стоял минут 40, я думал, половины (нашей 25-й) бригады уже нет в живых... Всего двое раненых. Партизаны (**УНИТА**) обстреляли и ушли.

Наутро проснулись, собрались, выезжаем. Первый приказ нашего старшего: люки **БТРа** задраить наглухо. Задраили, что делать. Едем. Солнышко припекло. Разделись до трусов. Майку выжимаешь от пота – течёт. Стали просить: «**Борис Иванович**, давайте откроем люки». «Ни за что», – отвечает.

Попробовали включить принудительную вентиляцию (есть такая в **БТРе** на случай атомной войны). От неё вой стоял такой, что невозможно – уши отваливаются. Выключили. Едем, едем. **Иван Матвеевич** вспомнил, что когда в **БТРе** люки наглухо закрыты, если на mine подорвёшься, то всё – размажет (всех, кто внутри) по стенкам. Ну он **Борису Ивановичу** это и преподнёс. После этого **Борис Иванович** разрешил нам открыть эти люки на защёлки. У меня над головой был люк (я ездил все время на переднем сидении, на командирском, **Борис Иванович** не хотел, он лежал сзади на матрацах) и у

Володи Ильина — он тоже сидел спереди. Мы эти люки открывали на защёлки — ну, более или менее: дуновение ветерка иногда донесётся до тебя.

Борис Иванович Харюшин осторожный был. Остальные наши советники тоже боялись: когда обстрел или засада всем, конечно, становится страшно. Но он боялся больше всех. Нас всего четверо было в 25-й бригаде — замполита не было у нас. Нам его пытались потом «впихнуть», наш старший отбивался очень долго, его нам так и не прислали в итоге. А вообще замполит был в каждой ангольской бригаде.

Так вот, когда на операции ходили, нам выдавали патроны, бронежилеты. Они были в голубых парусиновых сумках и сами, по-моему, голубого цвета. Мы сразу надели, попробовали. Они весили около 10 кг. Жара, невозможно в них находиться. Мы их практически не надевали. А **Борис Иванович** в БТР один бронежилет расстелет на матрасе и сверху ещё на себя положит 1—2 бронежилета. Так мы ездили на эти операции. Если удачно — обстрела нет, техника не ломается, — он целый день проводил таким образом.

— **Во время рейдов ночевали на улице?**

— **Борис Иванович** и **Иван Матвеевич** обычно в БТРе спали. Мы с **Володей Ильиным** под БТРом, на песке. Плащ-палатки расстилаешь, укутываешься одеялом и спокойно спишь ночь.

— **Малярия и другие болезни донимали?**

— Я два раза переболел за два года. **Борис Иванович** очень тяжело переболел малярией, но он сам виноват был. Со спиртным было очень тяжело, нигде было не купить. Мы выходили из положения: на склады ангольской армии приходило спиртное — офицерам, на праздники и т.д. Я, когда освоился, начал ходить по этим складам и выменивать у них это спиртное. Потому что стресс снять надо было иногда. Не каждый день, а раз

в неделю сесть, выпить виски или вина сухого — португальского белого или красного, им привозили в таких 5-литровых плетёных бутылках.

Я приспособился так: фотоаппарат **Зенит** у меня был. Единственное, чем можно было взять этих чёрных, они очень любили фотографироваться. Очень. Хлебом не корми, только сфотографируй. А если ещё подаришь ему фотографию, то ты — лучший друг. Вот иду к кладовщику на склад — мне надо ящик виски, ящик вина, даже шампанское иногда привозили. Он: а что взамен? Ну вот, хочешь, сфотографирую? Аппарат у меня — плёнки нету, давно кончилась. Вот ты его час пощёлкал во всех позах и ракурсах, и с пулемётом, и с автоматом, и около зенитки...

В это время какой-то праздник был у ангольцев, я выпросил две коробки виски (по 6 бутылок). А **Борис Иванович Харюшин** заболел малярией. Малярия — это температура под 40, озноб колотит. Лекарства у нас были очень хорошие, какие-то американские, если не ошибаюсь. Три таблетки в день — курс лечения. За два-три дня убивает малярию. Но при этом категорически запрещено спиртное. Мы нормально проскакивали. Не в тяжёлой форме, по-моему, каждый из нас хоть по разу, но переболел.

Ну вот, **Борис Иванович** болел малярией, как раз когда я виски раздобыл. Ну, сели втроём: я, **Иван Матвеевич**, **Володя**. Мы все жили в одной комнате в Куито-Куанавале. **Борис Иванович** лежит на кровати — болеет. Всё спиртное по-честному разделили на четверых. Отлили ему, говорим: «**Борис Иванович**, выздоровеешь, вот твоя доля». Сидим, выпиваем, разговариваем. **Борис Иванович** крутился, крутился на кровати: «Мужики, без меня не пейте». Ну как без него не пить, — не известно, когда ты выздоровеешь. Он сидел, сидел, потом рукой махнул: «Наливай». Выпил он буквально грамм 150.

Еле его откачали к утру. Думали вызывать самолёт или вертолёт — везти его в Луанду. Сердце начало останавливаться, давление, температура за 40. Врач наш прибежал, как-то сбил ему температуру...

— **Под Куито-Куанавале вы жили в коттеджике португальском?**

— Ну, там не коттеджи — домик небольшой. При португальцах в этом домике было всё — ванная, туалет, свет, горячая вода. Когда португальцы ушли, наши чёрные друзья почему-то всё там взорвали. Водонапорную башню, электростанцию... Всё было разломано, ничего не работало. У нас свой генератор был дизельный, который включали вечером на несколько часов, когда стемнеет. До 10 вечера лампочки горели. Ни воды не было, ни канализации. Остались одни домики, но тоже уже изношенные. Не знаю, из какого материала сделаны. Тепло они впитывали днём и потом, часов до 12 ночи, в этом доме ещё было очень жарко.

— **Вернёмся к мосту через Куито-Куанавале. Вы говорите, три раза его подрывали?**

— Да, на моей памяти, за два года. Первый раз ещё до всяких боевых действий, когда в обороне стояли. Наша 25-я бригада возвращалась с какой-то операции. Как обычно нас отправили. Кстати, очень кровавой операции, очень много было погибших. «Начистили нам пятак» **унитовцы** безоткатными орудиями. На «**Лендроверах**»* была у них такая безоткатка (американское безоткатное орудие **М-40** калибра 106,7 мм)...

— **Это май 1987 г. примерно?..**

— Да. Мы возвращались, операция была очень тяжёлая, много убитых было в бригаде, около ста раненых. Попали в засаду. Дня два с утра до вечера нас из безот-

---

* Вездеходы **Land Rover-109** и **Land Rover 110** английского производства.

каток долбили. Большие очень потери были*.

— **Не из чего было отвечать на обстрел?**

— Ну, отвечать было некуда. Насколько я понял, унитовская батарея передвижная: пять-шесть **лендрроверов**, в кузове просто стоит безоткатка. Позицию заняли, отстрелялись и поехали, заняли другую позицию. Их накрыть невозможно.

Танками, **БМ-21** могли отвечать. Юаровцы, **унитовцы** очень боялись огня **БМок (БМ-21)**. Другой вопрос — куда попасть. Где координаты? Хотя, когда была операция последняя, самая кровавая для нашей бригады, потрепали тогда больше всего, — я случайно заметил, на радиосвязи (у меня обязанности там были и связиста, и фельдшера, и переводчика) во время этой операции шарил по волне и на **унитовского** корректировщика с этой батареи **лендрроверов** наткнулся.

Я не особо военный человек; как мне объяснили — корректировщик передаёт координаты, и можно их как-то обратно переложить и вычислить координаты этой батареи. Тогда был бы шанс их накрыть, но пока кончился обстрел, пока я добежал до начальника штаба, они уже снялись и с другого места нас обстреливали. Я по связи попробовал вычислить, связался по радио с ангольцами, но они не поняли ничего. Я пытался объяснить: передайте начальнику штаба, комбригу, вот такие координаты на связи поймал.

Вот когда мы возвращались с этой операции, прибыли вечером уже на место дислокации в обороне нашей бригады и решили на ночь на свою сторону не двигаться, переночевать в бригаде. В эту ночь первый раз взорвали этот мост через реку Куито. Якобы местные

---

* Такое впечатление, что по нам били из безоткаток не унитовцы, а юаровцы или наёмники — очень точно стреляли. (*Прим Олега Грицука*).

партизаны привезли мешок динамита и подорвали возле берега первую сваю моста. Но его быстро восстановили с помощью наших инженеров. А второй раз уже взорвали диверсанты юаровские*. Пловцы под сваи на 6-метровой глубине заложили заряды. Мост полностью (центральные пролеты) подняли на воздух.

Сделали временный мост, наши что-то там пытались делать, латать. Но технику переправлять пришлось на понтонах, а так там уже ничего не ездило, можно было по взорванному мосту только пешком пройти, ну кое-что на плечах перенести.

Мост в Куито-Кунавале стратегически очень важный был. Там же обычно реки заболоченные, буквально пара мест была, где можно переправиться на другую сторону. Вот одним из таких мест был этот мост. Потом, когда его более-менее восстановили, ходили разговоры, что южноафриканский беспилотник** прилетел и в третий раз его взорвал, и при мне его уже никто не пытался восстанавливать. Натянули какие-то канаты, кто-то упал в воду. Ну, кто хотел пешком переползти, можно было переползти, а так — мы на самоходных парамах переправлялись. И технику перевозили.

— **Вы говорили, что попали раз в переделку, когда все ангольцы убежали?**

— Ну не то чтобы переделка, там паника начинается — все разбегаются, а никто и не наступал. Там был даже

---

* Выше по течению реки стояла металлическая сетка. В лунную ночь часовые-фапловцы увидели южноафриканских диверсантов-аквалангистов, одетых в чёрные прорезиненные костюмы, перелезающих через эту сетку, приняли их «за водных чертей» или за водных демонов, и огонь не открыли. Дикае люди! (*Прим. Олега Грицука.*)

** Остатки частично восстановленного моста в Куито-Кунавале были уничтожены летающей бомбой **Н-2**, запущенной с южноафриканского бомбардировщика **Буканир**. (*Прим. ред.-сост.*)

такой момент, что мы бежали быстрее нашей бригады. Сидели в блиндаже, обстрел шёл сильный, забежал к нам какой-то офицер чёрный: «Что вы тут сидите, бригада уже разбежалась»...

— **Это была временная землянка?**

— Если останавливались ненадолго, вырывалась яма и один накат брёвен. Делался блиндаж. Если бы прямое попадание снаряда, то, конечно, пробило бы этот накат. Ну, а если на неделю где-то останавливались, то уж старались для себя три наката более или менее надёжно сделать.

Техника бросалась ангольцами сразу вся, если наступали юаровцы. Насколько я помню, им (ангольцам) проще было в саванне скрыться. Некоторые с оружием убегали, а некоторые и автоматы бросали. Ещё ходили разговоры, что если их (**фапловцев**) ловили **унитовцы** без оружия, то просто отпускали. Давали подзатыльник и отпускали. А вот если с оружием, — то ли в плен брали, то ли расстреливали. Точно не знаю, врать не буду.

Когда брали пленных **унитовцев** ангольские правительственные войска — они друг другу сразу друзья. У них не было особой вражды между собой. Там особист в бригаде был, придёт, допрос якобы проведёт, тот (пленный) ничего не знает, по карте не понимает. Его покормят и отпустят. А пленный кричит: «Не пойду, оружие дайте, тогда пойду. Меня расстреляют за потерю оружия». Было пару раз такое.

В основном, служили дети 14—15 лет. Насколько я помню, набор, что в правительственные войска, что к партизанам, производился одинаково: окружается деревня, загребаются все 14—15-летние в рекруты. Потом их как-то обучают. Просто в правительственной армии в то время никаких наказаний не было. Солдат по дороге в Куито-Куанавале мог десять раз сбежать. Его просто ловят и обратно направляют. Он опять бежит. А в

Куито-Куанавале уже бежать было некуда: одна дорога — на Менонге. Бежать только к партизанам (к УНИТА), а к партизанам они бежать не хотели, потому что там надо было воевать. Там дисциплина была жесточайшая, заставляли воевать. По рассказам пленных, могли расстрелять за потерю оружия перед строем, за невыполнение задачи и пр.

А партизаны набирали солдат точно так же: окружается деревня, собираются все юноши «призывного» возраста; но их сразу предупреждали: если ты сбежал, то вырезается вся твоя семья. Вот так. Всё в УНИТА на страхе держалось*. А в правительственных войсках за потерю оружия — максимум по морде схлопочет от командира, на следующий день получит новый автомат.

У партизан **унитовских** все было очень жёстко — по рассказам пленных. Бригада идёт, скучно — я сидел несколько раз на допросах пленных. Сидишь, слушаешь, сам спросишь у солдата этого: «За что воюешь?» — «Не знаю».

Так можно было и у правительственного солдата спросить, за что он воюет, он тоже ответит: «Не знаю: поймали, пригнали, дали автомат, научили стрелять, вот и воюю». С одной стороны, наши там пихали оружие и т.д., с другой стороны — американцы делили сферы влияния. А в итоге страдал простой народ. За годы гражданской войны в Анголе сколько народа на минах подорвалось! Наверное, и сейчас ещё рвутся.

— **Сколько времени шла подготовка к операции «Навстречу Октябрю» или, как там — разные есть переводы...**

---

* УНИТовцы не боялись (по словам пленных) танков Т-54Б и Т-55, но очень боялись РСЗО БМ-21 (Прим. Олега Грицука.) Унитовцы боялись огня Зу-23-2 (калибра 23 мм) и огня Шилок (четыре скорострельных орудия калибра 23 мм) и огня тяжёлых пулемётов КПВТ (калибра 14,5 мм). (Прим. ред.-сост.)

— Несколько месяцев они (ангольцы) готовились. Месяца четыре точно. Пока горючее начали завозить, они специально (для нас было большое удивление) купили в Испании фуры (бензозаправщики) такие большие.

Ангольцы закупили испанские грузовики для создания запасов топлива, построили (в Куито-Куанавале) большое бетонное хранилище. И боеприпасы завозили. Из Менонге привозили горючее и боеприпасы. До этого были (использовались для перевозки топлива и боеприпасов из Менонге в Куито-Куанавале) в бригадах старые грузовики **Вольво** 1970-х годов, очень надёжные. Потом они закупили наливники (бензозаправщики), и эти, испанские, грузовики **Пегасо**, кажется, назывались, раздали во все бригады. И нам пришли. Мы там полазали — в кабинах магнитолы стоят, сидения с подогревом. Эти фуры до сих пор ходят — хорошие грузовые машины. Правда, не знаю, сколько они там (в Анголе) ездили — они что-то быстро исчезли. Завезли они топливо — потом их перебросили куда-то... Их сразу начинают «раскурочивать» местные, потому что двери водительские снимаются сразу со всех грузовых автомобилей — если обстрел или засада, или подрыв на mine, чтобы водитель успел выскочить, любая машина — без дверей. У **Пегасов** — тоже с дверей начали. На моей памяти, месяца четыре прошло, пока завозили боеприпасы для предстоящей операции.

Возили очень много и на грузовых самолётах **Ил-76** — технику, боеприпасы. **БТРы-60ПБ** возили самолётами, возили и **БМП-1**. **Ил-76** делали по три-четыре рейса каждый день*. Плюс колоннами привозили из Менон-

---

* **Олег Грицук** также рассказывал, как перед самым началом наступления «Приветствуем Октябрь» в 1987 г. в Куито-Куанавале прилетел на **Ан-26** главный военный советник (ГВС) генерал-лейтенант

ге, в основном, топливо. Даже топливо **илами** завозили, в бочках по 200 литров. Не много, но было.

Собрали дополнительно силы. До операции «Навстречу Октябрю» в Куито-Куанавале стояло четыре ангольских бригады. Одна, 8-я, ходила из Менонге, колонны выводила, охраняла, наша (25-я) ходила в рейды, 13-я – стояла в обороне и, по-моему, была ещё 21-я. наших советников и специалистов, и переводчиков (в бригадах и в Куито-Куанавале) было человек 30. А во время операции «Навстречу Октябрю» («Приветствуем Октябрь») туда передислоцировали ещё несколько бригад из других округов.

Но получилось так, что операция только началась, только они ушли (бригады очень медленно наступали – 100 км прошли за 1,5-2 месяца), а наша бригада как была рейдовая, так и осталась, мы в операции не участвовали, ну, лишь подвозили боеприпасы. Задачу поставили нашей бригаде не партизан **унитовских** искать, а подвозить боеприпасы наступающим бригадам. Топливо и т.д.

Отправляли её раза 3–4 в месяц. По необходимости. Когда наступление отошло в сторону Намибии, туда, к главной базе **УНИТА**, пытались эту базу уничтожить. Точно количество ангольских бригад, участвующих в наступлении, не скажу. В глобальные планы я не был посвящён.

– **Когда вы узнали, что юаровцы туда (на юг Анголы) влезли?**

– Получилось так, что переводчик **Олег Снитко** (кото-

Гусев. А вместе с ним прилетел и военно-транспортный **Ил-76** с одними зелёными **Жигулями 6-й модели («шестёркой»)** на борту, на которых **Гусев** и проехал от аэропорта до Куито-Куанавале (расстояние примерно километр) для инструктажа советников и потом обратно, и какое неприятное впечатление это барство произвело на наших офицеров. (*Прим. ред.-сост.*)

рый погиб — мой сменщик в 25-й бригаде), прилетел мне на замену, я его видел на аэродроме буквально 15 минут. Наша бригада пришла, боеприпасы отвезла (конец августа 1987 г.), мы вернулись в Куито-Куанавале, и нам задачу поставили: через 3 дня опять уходим — повезем боеприпасы, воду и т.д. А у меня уже выходили сроки отпуска. Я когда прилетел, мне главный военный переводчик сказал, что в отпуск поеду примерно в августе. Я уже начал дёргать своего старшего переводчика: мне время подходит, позвоните в Луанду. А отпуска в это время уже были отменены у всех советников, специалистов, кроме переводчиков. У переводчиков всё шло по плану: и отпуска были, и замена прилетала. Старший позвонил в Луанду, говорит: «Вроде обещают тебе замену». Я сидел, ждал. Тут объявляют: «Ваша бригада завтра утром уходит обратно». Ну, мы собрались, настроились, что опять идём на операцию, повезём боеприпасы и так далее. И тут прилетают два борта **Ил-76**. Я и на аэродром не поехал (обычно мы встречали), потому что мне сказали, что замены мне нет. Я сидел спокойно в домике своём. Тут кто-то на **уазике** прилетает: ты чего сидишь, тебе замена приехала, собирайся в отпуск. Я похватал чемоданы... И буквально на взлётной полосе с этим **Олегом Снитко** — моей заменой — мы познакомились. Но он буквально через две недели после этого погиб.

Он сменил меня в 25-й бригаде. Я улетел в отпуск. А потом (мне рассказывали, когда я вернулся из отпуска) юаровцы атаковали и ангольцы побежали в Куито-Куанавале. Просто побежали. Он с нашей бригадой уехал в рейд. А в это время в 21-й бригаде заболел переводчик, и его (**Олега Снитко**) перекинули туда. А там, говорят, были чётко установлены свои места для каждого во время обедов и т.д. И он, якобы по незнанию, сел не на свое место, а на место советника командира бригады (подполковника **Хромова?**). И когда южноафриканский снаряд в кроне дерева, под которым они сидели, разо-

рвался, все осколки ему достались. Советник-командир хотел его одёрнуть, пересадить, да передумал — ну, молоденький, ничего не знает, не понимает. Он молодой совсем был, где-то 21 год. После ускоренных курсов португальского языка. Отслужил срочную службу в ВДВ, окончил ускоренные курсы (португальского языка) и прилетел. Он прослужил совсем немного, буквально около двух недель, когда это произошло.

— **Вы когда вернулись из отпуска?**

— 45 суток отпуск — в октябре 1987 г. вернулся. Я вернулся назад в Куито-Куанавале. У переводчиков была такая схема, что если первый год отработал в воюющей бригаде, то второй год — мог выбирать любое место. Хорошие места, курортные — где ни войны, ничего. Но я захотел обратно, в свою 25-ю бригаду. Мне никто не препятствовал. Старший переводчик в Луанде говорил, что я могу выбрать спокойное место, но я человек привычки — в бригаде всё своё, всё знакомое. К этой войне я уже привык. По молодости особенно сильного страха не было. Вернулся в свою бригаду.

Ангольцы уже к тому времени добежали (назад) до Куито-Куанавале. Они уже стали в оборону. И всё шло к тому, что ЮАР эту оборону с ходу проломит, потому что у нас уже был разработан план эвакуации наших советников по дороге на Менонге. Самолёты уже не садились в Куито-Куанавале, потому что взлётную полосу южноафриканцы долбили из дальнобойных гаубиц **G-5** постоянно. Там не надо было никакой разведки — включаешь «Голос Америки» в 6 часов вечера, и тебе передают сколько снарядов упало на взлётную полосу Куито-Куанавале, сколько потерь в какой ангольской бригаде...

Но 25-я бригада ещё ходила в рейды. Ангольцы уже отступали, когда я вернулся, но ещё не добежали до Куито-Куанавале. Мы ещё возили отступающим ангольским бригадам боеприпасы. В нашем домике никого не было,

когда я приехал из отпуска — бригада была в рейде. Я вещи разобрал и стал ждать, когда мои вернутся, а на моём месте другой переводчик работал. Его должны были перебросить, когда меня отправляли. А у нас с советником командующего округом, полковником, вышел разговор (не помню как звали, он тоже был белорус). Он, как мой земляк, отправил меня в 13-ю бригаду, которая стояла в обороне. И не слушал никаких возражений. Я там (в 13-й бригаде) месяца три или четыре работал.

— **Там ставили минные поля и готовились к обороне?**

— Никто ничего не ставил. Минные поля уже стояли. И пока кубинцы не пришли, никто из ангольцев ни к чему не готовился. Там панические очень настроения были. Миномёт поставят **унитовцы** или юаровцы, и он всю ночь твякает. Он не прицельно бьёт, а так. Придёшь к командиру бригады: ну у тебя же есть **БМка (БМ-21)**, шугани в ответ, спать не дает. Сразу ответ: нет, если мы начнём отвечать, нас сразу засекут и юаровская авиация нас накроет. Боялись так, что даже не отвечали на обстрелы. А когда кубинцы пришли — всё изменилось.

— **Мне рассказывали, что южноафриканская авиация уже к тому времени не работала по ангольским бригадам, потому что её накрывала ПВО Печора, расположенная в Куито-Куанавале?**

— Она и не работала, но старшие ангольские офицеры были так напуганы, пока кубинцы не пришли*. Они пришли** где-то до нового (1988) года. Я запомнил, как

---

* Пока южноафриканцы наступали, то у ангольских лётчиков на 8-ми **МиГ-23** сразу появились «болезни» и они перестали совсем вылетать из Куито-Куанавале на поддержку своих частей. Юаровцы повредили самолёты артиллерийским огнём дальнобойных **G-5** на земле. Их пришлось чинить и эвакуировать в Менонге. (Прим. *Олега Грицука.*)

** В ноябре 1987 г.

они вошли, потому что они сразу сбили два «**Миража**». Через день, наверно, как втянулась кубинская колонна туда, попробовали их обстрелять с воздуха юаровцы. И кубинцы **Шилкой** сбили два южноафриканских «**Миража**». У них (кубинцев) считалось, что пока осколки (обломки) самолёта не найдены, то самолёт не считается сбитым. Они нашли осколки. Громкая была история. Там опытный был лётчик юаровский в звании майора*, кубинцы показывали документы, полётные карты.

Разведка юаровская работала хорошо, и предателей среди ангольцев было много — информация уходила как вода через решето. А кубинцы ни с кем не контактировали — ни с чёрными (ангольцами), ни нам никакой информации не давали. И минные поля кубинцы ставили, нам не говорили где.

Кубинцы, когда пришли, буквально за две недели поставили минные поля. Порядка 10000 мин. И противопехотные, и противотанковые. И эту информацию никому не передали. Даже нашим военным не предоставили.

— **Может быть, поэтому юаровцы на бронетехнике на мины и напоролись?**

— Ну, там всё вместе, танки юаровские подорвались на минных полях потом, когда наступление было... На другом берегу реки наступают танки «**Элефанты**», бронетранспортеры «**Рател**»... Видно было невооружённым глазом. Кубинцы выгоняли **БМ-21** с этой стороны реки, ставили на прямую наводку (обычно стволы у **БМ-21** задраны вверх, а здесь даже вниз, т.к. она находилась на возвышенности), очень быстро дают полный залп (40 ракет), видно, как всё это рвётся там, между южноафриканскими танками. Машина (РСЗО **БМ-21**) уез-

---

* По южноафриканским данным, это произошло 20 февраля 1988 г. и «**Мираж**» был сбит ракетой. (Прим. автора.)

жает на зарядку, и в следующем месте тут же выезжает (для стрельбы) следующая. И так целый день.

— **А БМ-14 не использовали при отражении наступления армии ЮАР?**

— Они были у нас в батарее в Куито-Куанавале, но использовали или нет, сказать не могу. **БМ-21** постоянно стреляла прямой наводкой

— **Горели ли южноафриканские танки?**

— Там пыль столбом стояла от взрывов, ничего не видно было. Ведь не только **бээмки (БМ-21)** били, но и артиллерийские орудия. Гаубица 122 мм стояла (**Д-30**).

— **А М-46 калибра 130 мм были?**

— Не видел*, врать не буду. **Д-30** стояли точно. Несколько батарей (по 4 орудия) были. И пехота юаровская шла в наступление за танками. Над полем стояла клубами пыль, ничего не видно, что горит, что там происходит. Такое впечатление, что живого ничего нет, когда с другого берега смотришь. Потому что **БМка** прямо рядом с нами стреляла, кубинцы в основном стреляли с аэропорта, с взлётной полосы. Там высокое место. И взлётная полоса обкопана была. Вот они на эти возвышенности выгоняли **БМ-21** и били прямой наводкой. Это было точно целый день.

— **Это февральское или мартовское (1988 года) наступление?**

— Это сразу как они (ангольцы) бежали. Очень серьёзное первое (14 февраля?) наступление. Второе наступление южноафриканцев было чуть позже и не такого масштаба. Они с ходу хотели взять Куито-Куанавале, проломить оборону, опрокинуть, и тогда ангольцы

---

* **М-46** калибра 130 мм применялась при отражении нескольких наступлений южноафриканских войск на Куито-Куанавале. (Прим. ред.-сост.)

бежали бы до Луанды*. Если бы кубинцев не было, так точно до Луанды бы бежали. Всю войну выиграли кубинцы. Кубинцы недаром говорили: «Как у вас оборона Сталинграда, так у нас Куито-Куанавале». Это у них очень знаменитое сражение.

— **А правильно ли говорить, что у них (кубинцев) было уже столько сил, что они могли начать наступление из Куито.**

— Не совсем так. В 5-й округ (южнее)** кубинцы собрали 700 танков***. Насколько я понял потом уже суть этой операции — пока кубинцы здесь, у нас, под Куито-Куанавале сдержали это наступление ЮАР, как выражались тогда у нас «перемалывали живую силу и технику противника», в 5-м округе они собрали танковый ударный кулак. Разведка сработала у юаровцев, они попробовали бомбить, обстреливать. Нам рассказывали кубинцы, которые у нас были.

В каждую бригаду ангольскую у Куито-Куанавале кубинцы ввели 40 человек своих, кроме (нескольких) наших советников. Как только вошли, сразу начали вводить свои группы в ангольские бригады.

---

* Вряд ли кубинцы стояли сепернее Куито-Куанавале и могли сравнительно легко остановить юаровцев. Другое дело, что войска ЮАР смогли бы тогда использовать взлётно-посадочную полосу аэродрома у Куито-Куанавале для действий своей военной авиации. (Прим. ред.-сост.)

** Кубинцами командовал генерал **Фриас (Frias)**. Он же подготовил наступление на юге Анголы (40 000 кубинцев и 30 000 бойцов **ФАПЛА**) и в июне 1988 г. кубинская танковая армада уже подходила к границе Анголы и Намибии. Войсками в Куито-Куанавале командовал в частности кубинский генерал **Очоа (Ochoa)**. (Прим. ред.-сост.)

*** По различным источникам — от 600 до 1000 танков (в основном **T-55**). Скорее всего, кубинских танков в 5-м округе было до 800 единиц. (Прим. ред.-сост.)

Во время юаровского наступления на Куито-Куанавале, кубинцы уже в бой вступали, уже и в рукопашную ходили. Чёрные (ангольцы) разбежались сразу, а у этих был приказ не отступать. Не помню в какой ангольской бригаде было: у кубинцев выполз один раненый, а остальные 39 бойцов... никто не знает, куда они делись. Все 39, скорее всего, погибли, потому что доходило с юаровцами до рукопашной. Это было, когда кубинцы вошли, но ангольцы ещё до Куито-Куанавале не добежали. Километрах в 30–40 от Куито-Куанавале это происходило.

Кубинцы ввели в каждую бригаду взвод охраны спецназа и десять человек офицеров. То есть к каждому ангольскому офицеру был приставлен кубинский офицер. В каждой ангольской бригаде. Когда ангольцы разбежались, кубинцы стояли до конца. Кстати, армия у них (кубинцев) была очень сильная и очень хорошо обучена воевать. Без них бы там, в Анголе, не было бы ни этого режима, ни самой Анголы бы не было*. Всё держалось на кубинцах. Они отбили это наступление юаровцев на Куито-Куанавале дня за 2–3.

– А среди кубинцев были в основном чёрные и мулаты?

– Очень много было чёрных. Очень интересно было со стороны послушать их обращение (к ангольцам?): «Эй ты, чёрная свинья!» – сам кубинец чёрный, как сапог. Они нормально обращались. Но если кто из ангольцев не выполнил команду... Я сам видел, уже в своей (25-й) бригаде. Меня к тому времени перевели в мою бригаду. После 4 месяцев вернулся, наконец (после службы в 13-й бригаде). Я сам видел – приходит, предположим,

---

* Более 300 000 кубинцев служили в Анголе в 1974–1989 гг. По меньшей мере, 2077 из них погибли или умерли от ран (в это число входят и небоевые потери). (Прим. ред.-сост.)

кубинец, отдаёт приказание ангольскому офицеру, к примеру, отправить разведгруппу завтра. У них (ангольцев) как обычно: того нет, сего нет, разведгруппа не отправлена. Кубинский офицер приходит – приказание не выполнено, и бьёт в морду ангольскому офицеру, да и говорит: не сделаешь, будет тебе «капут» (застрелю). Тот воспринимает как должное, зато через 5 минут всё начинает делаться. Ну, расстрелов, конечно, никаких не было. Но иначе там никто из ангольцев ничего не хотел делать. Только под страхом угрозы смерти, расстрела и т.д. Но, конечно, смешно становится, когда чёрный кубинец кричит чёрному ангольцу: «чёрная свинья и т.д.». Белых у них (у кубинцев) очень мало было.

Самолёты в Куито-Куанавале перестали летать, когда начались дальнобойные обстрелы (из южноафриканских **G-5**), тогда уже никакие самолёты не прилетали. Редко, в виде исключения, военные борта – **Ан-12** с ангольскими экипажами. До этого **Ил-76** летали. Я ещё когда в отпуск улетал, смена моя прилетела, улетел на **Ил-76**. А возвращался из отпуска, уже там ничего не летало. Я летел через Менонге на вертолёте (кубинском) **Ми-24**. С кубинцами. Они забросили меня и ещё несколько человек. После этого я год ещё пробыл в Куито-Куанавале – самолёты не летали.

– **Когда кубинцы отбили атаки южноафриканцев, артобстрелы всё равно продолжались?**

– Да они постоянно были. Когда второе наступление – оно было не такое интенсивное, как первое, отбили, артобстрелы (южноафриканских **G-5**) резко уменьшились в количестве. Намного меньше их стало, всё затихло. Постоянно где-то сидели корректировщики, я думаю так потому, что очень точно стреляли их (южноафриканские) дальнобойные орудия. На расстоянии в 40 км могли попасть в движущуюся машину грузовую, которая едет по асфальту со скоростью 80 км/час, со

второго-третьего выстрела. Обстрелы эти практически уже прекратились, единственное, они могли обстрелять кучно, если собралось много народу (например, ангольцы решили поиграть в футбол). Ну, наступление отбили, вроде всё тихо-мирно, собрали футбольную команду. Я почему-то не пошёл с ними играть, они побегали минут пятнадцать, и тут резко всех накрыло артобстрелом. Корректировщик увидел, вероятно, что собралось много человек. Потери были небольшие — один-два убитых и несколько раненых.

— **Почему такие небольшие потери были у ангольцев после точного артобстрела южноафриканцами толпы футболистов?**

— У них (ангольцев) интуиция развита, наверное, на уровне первобытнообщинных племён. Я видел своими глазами, когда идет бригада в рейде, не знаю чем объяснить — они чувствуют, что в следующий момент машина взорвётся на mine. Вот грузовая машина едет, они, как все нормальные люди, стараются пешком не идти, а подъехать на машине. На грузовики набиваются. Вот он едет, полный кузов набит ангольскими солдатами — человек 20—30 сидит. Грузовик подрывается на mine. На него смотришь со стороны, и такое ощущение, что взрыва ещё нет, а они уже выскочили все из кузова, потом взрыв. И потерь практически нет, страдает один водитель, а они — ни одной царапины. У машины обычно вырывает передний мост, передние колеса — всё-таки мина на танк рассчитана.

— **А восстанавливают машину после этого?**

— Нет*. Очень много кладбищ боевой техники

---

* Тяжёлые советские грузовики **КрАЗ-255Б**, использовавшиеся для прохода бригады по саванне, после подрыва на mine восстанавливали в полевых условиях, и машина продолжала движение. (Прим. ред.-сост.)

около Куито-Куанавале. Там можно было озолотиться, сдавая в металлолом подорванные танки, **БТРы**... Поначалу, когда ещё не завязались воевать (с юаровцами), растаскивали кое-что, снимали запчасти, вооружение.

Свалка огромная была: и грузовые машины наши, и танки, и **БТР-60ПБ**, **БРДМ-2**. Там даже стоял танк **Т-55** совершенно целый. Единственное, вот такая дырочка с мизинец толщиной в башне — влетела граната (от кумулятивного гранатомёта) в башню, экипаж погиб — люки были закрыты, никто не уцелел. В этот танк больше никто не сел. Ангольцы его (танк **Т-55**) тупо разобрали на запчасти.

Техники нашей брошенной очень много стояло. Ангольцы относились к нашей технике вообще наплевательски. Когда воевали с юаровцами: начинается обстрел, начинается паника. Они (ангольцы) бросают всё. Вот была бригада, 1000 человек, полчаса — и никого нет. Все разбежались, стоят брошенные танки **Т-55**, **БРДМ-2**. Это я видел сам один раз, когда вернулся уже после отпуска. До Куито-Куанавале они ещё не откатились, но паника уже у ангольцев была масштабная. Юаровцы наступали, они — бежали: боялись юаровцев катастрофически. Ангольцы боялись на обстрел отвечать. Кончилось тем, что юаровцы обнаглели до такой степени (до того, как с кубинцами столкнулись в бою), что даже пехоту не разворачивали в боевой порядок, наступали колоннами, как немцы в СССР 1941 году. Колонна южноафриканских **БТР «Рател»**, пехота не спешивается, сидит сверху. Обстреливают сверху, с брони, а ангольцы до того были запуганы, что начинают разбегаться. Никто из ангольцев не стреляет. Были, конечно, офицеры ангольские храбрые, но их было мало. Основная масса бежит. Возвращаясь к тому, о чём я рассказывал выше — тогда кубинцев погибло почти 40 человек, именно по-

тому, что вся чёрная ангольская бригада разбежалась, а кубинцы остались одни*.

— **А кубинцев сколько пришло не помните, — несколько бригад?**

— Ну, насколько я помню, где-то 2000 человек. Плюс при этом дорогу на Менонге они блокировали сразу — ни одного партизана (УНИТА) там больше не было. Как только кубинцы вошли — они выгнали сразу ангольскую охрану и, как мне рассказывали, через каждые 500 метров опорный пункт стоял с пулемётами вдоль дороги. Колонна выходила из Менонге утром и приходила к нам вечером. А до этого было, что неделю шла эта колонна, хотя там 200 км всего. Но до того как кубинцы вошли — то взрыв, то обстрел. И, как мне рассказывал из 21-й бригады **Анатолий Павлович**, они даже вдвоём на **уазике** ездили в Менонге, с ветерком. Когда там уже юаровцев отбили, успокоилось более или менее. Там асфальт был, но воронки от мин, пару раз и ангольские танки раскалывались. Ещё до прихода кубинцев в этих колоннах, когда в охранении танки шли, было один раз, что **унитовцы** заложили под асфальтом мешок динамита и мину. И танк **Т-55**, как мне рассказывали (от взрыва и детонации боеприпасов), раскололся пополам. Но это ещё до кубинцев.

Помню, узнал про контратаку, когда семь кубинских танков сгорело. Какой-то подполковник повёл танки **Т-55** в контратаку против юаровцев. Шесть или семь танков сгорело. Это был какой-то критический момент

---

* Был другой случай — после того как ангольцы разбежались при виде южноафриканцев, командир 40 кубинцев принял решение тоже отступить перед южноафриканскими танками ввиду неравенства сил. Всех кубинцев за отступление без приказа разжаловали в рядовые (с них перед строем сорвали погоны) и отправили на Кубу под трибунал. Что с ними было дальше я не знаю. (*Прим. Олега Грицука.*)

в обороне, ангольцы, по-моему, бежали. Он возглавил контратаку. И сам погиб (был ранен)*.

— **В обороне тоже их разбили? Пишут, что стояли в обороне шесть кубинских танков в капонирах и юаровцы их разбили.**

— Не знаю, может быть, это пишут про одно и то же, но я слышал, что в контратаку они пошли и сожгли эти все танки. Они стояли в обороне, наступали юаровцы, и наступил какой-то критический момент в обороне, что вот-вот дрогнет, все побегут. В этот момент он организовал контратаку, этот подполковник. Они просто расстреляли эти танки, но момент для юаровцев был уже упущен. Стабилизировалась обстановка. Это, по разговорам, у нас ходила такая информация. А как там реально было, не могу сказать, я там не был.

Я южноафриканские БТРы вблизи не видел, честно говоря. А вот на **Элефанте (Олифанте)** захваченном даже ездили. Кубинцы его отремонтировали: гусеницы, траки поменяли.

— **Кубинцы и капитан Валентин Мозолев захвачен-**

---

* Это был кубинский подполковник **Эктор**. Он не погиб, а получил два тяжёлых ранения, одно из которых — в область рта, так что, впоследствии, с трудом мог говорить. В кубинском фильме про Куито-Куанавале есть материал о нём, и он там сам выступает. В газете «Красная Звезда» за тот год была статья про него и про его атаку. Естественно, в той статье не было сказано, что кубинскую контратаку возглавил советский майор **Вихров** на своём **БТРе**. Через некоторое время в его **БТР** попал юаровский снаряд, советские советники чудом остались живы. После этого они выскочили из **БТРа** и вынуждены были уходить от юаровцев по минному полю. Как они его пробежали, одному Богу известно, поскольку очень много ангольцев, бежавших вместе с ними, подорвались на минах. В той контратаке было подбито семь кубинских танков, остался один с подполковником **Эктором**, дважды раненым, но юаровцы потерпели жестокое поражение, потерь, по кубинским данным, 10 танков «**Олифант**». (Прим. *Олега Грицука.*)

ный танк Элефант отремонтировали? Он писал, что один из танков, пригнанных кубинцами, отремонтировал.

— Может быть, и он отремонтировал. **Мозолев** — единственный такой пахарь был в **Куито-Куанавале**. Технарь от Бога. На него жалко было смотреть, он работал там больше всех этих ангольских офицеров.

— **Говорили, что чуть-ли не половина бронетехники на ходу в ангольских бригадах была его заслугой.**

— Я бы на месте нашего командования наградил такого человека только за то, что он работал там с утра до ночи. Если рабочий день был у всех до обеда, потом приезжали из бригад в **Куито-Куанавале**, то он раньше 7—8 вечера не возвращался с работы никогда. А то и ночью работал, если надо было срочно что-то отремонтировать. Вся бронетехника держалась на нём (на **Валентине Мозолеве**). В моей бригаде был **Ильин Володя**, технический специалист. Он мог отремонтировать что-то в грузовике, в **БТРе**. Но человек, скажем так, не рвался помогать... Ведь по своей службе он всё содержал в порядке, не было отказов техники. Наши грузовые машины тоже. А тот (**Мозолев**) своими руками сам восстанавливал технику.

— **Вы говорили, что были стычки с южноафриканцами уже после второго наступления... Потом собирали оружие и униформу...**

— Я предполагаю, что эти стычки — прощупывание обороны кубинской, когда кубинцы уже встали у **Куито-Куанавале**. Разведка боем. Там несколько было таких. Наши ходили, ангольцы. После этих стычек приносили нам трофеи: фонарики, ножи-стилеты, плащ-палатки, панамы...*

---

* Возможно, что речь идёт о небольших боях в промежутке между двумя наступлениями южноафриканцев на **Куито-Куанавале**. Так, по южноафриканским данным, до 23 марта 1988 г. (последнего се-

– **Белые тоже были среди убитых южноафриканцев?**

– По крайней мере, документы приносили. 2–3 документа принадлежали белым: солдат юаровской армии, рядовой, сержант. Кубинцы организовали в Куито-Куанавале выставку захваченного оружия и документы эти там выложили. Журналисты приезжали – западные, советские. Нам говорили, что несколько человек из журналистов даже попали под обстрел тяжёлых южноафриканских дальнебойных гаубиц **G-5**, 1–2 человека были ранены. По-моему, французские журналисты.

– **О ВВП в Куито-Куанавале...**

– У нас взлётная полоса была в Куито-Куанавале, рассчитанная на легкомоторную авиацию: привезти почту и т.д. Её никто не переделывал, единственно – прислали какую-то организацию, японская техника была у них, грамотные рабочие, они в конце полосы нарастили подушку* (я точно терминов не знаю) – когда летит реактивный самолёт, он включает форсаж в конце взлётной полосы. Чтобы не плавился асфальт от форсажа, они положили бетон.

– **По поводу расизма по отношению к ангольцам...**

– Когда мы туда ехали, мы были убежденными интернационалистами. Нас так воспитывали в Советском Союзе. Я когда ехал, убеждён был, что мы будем помогать строить социализм ангольскому народу.

Но когда побыл там месяца два-три, посмотрел, по-

рьёзного наступления) южноафриканцы пытались атаковать Куито-Куанавале 25 февраля, 1 марта и 21 марта 1988 г. (*Прим. ред.-сост.*)

* По другим сведениям, не только нарастили бетонную подушку, но и удлинили взлётно-посадочную полосу на 300 метров для приёма военно-транспортных самолётов **С-130**, **Ан-12** и **Ил-76**. (*Прим. ред.-сост.*)

общался с ангольским народом, в основном с солдатами... Да, офицеры некоторые у них были очень грамотные, с хорошим образованием, толковые. Но это единицы, 1–2%. Остальные — рядовые солдаты. Они, как народ, очень неплохие. В Анголе племена очень дружелюбные, но... ленивые, — это не рассказать. Заставить их что-то сделать можно было только под угрозой смерти. Я не придумываю — так было на самом деле.

У нас к каждой бригаде был придан взвод, который якобы охранял нас (советских советников, специалистов и переводчиков), ночью в караулы становились, продукты привозили.

Никто, конечно, ничего нам не привозил. Готовили пищу на кострах. Если утром ты не построил этот взвод и не пригрозил расстрелять каждого второго (у нас практиковались такие угрозы), можешь быть уверен, что ни воды, ни дров они не привезут в этот день. Они просто куда-то все испарятся: по деревням ближайшим, по племенам, по женщинам, и «забьют» на эту всю работу. Когда припугнёшь, дня 3–4 они выполняют свои обязанности — дров привезти, караулы выставить, воду привезти.

Вот так 3 месяца подряд ему вдалбливаешь, какие у него обязанности, а он делает вид, что не понимает, ну, тут ты становишься конкретным расистом. Доходит до того, что ловишь себя на том, что ты его ненавидишь. Не конкретного человека, а негра как такового. Вот погулять, поплясать у костра, побить в тамтамы или с радиоприёмником у уха поплясать, — они готовы сутками это делать. Что касается работы — не заставить.

Недаром же португальцы когда были, они просто заставляли ангольцев работать, тогда там было что-то в Анголе нормальное — и дороги построили хорошие. У нас, когда была дорога из Менонге в Куито-Куанавале, — отменного качества асфальт лежал — танки по нему

ходили, жара постоянно +40 градусов, и ничего, асфальт лежит — ни трещин, ни ям, как у нас в Москве — ничего там такого нет. Лет двадцать, пятнадцать асфальт лежит, и техника тяжёлая вся по нему ходит.

— **Как жили ангольцы и, в частности, почему в таком подчинённом положении их женщины находились...**

— Ну, это не подчинённое положение, я думаю, а стиль жизни. Там ещё племенами живут. Вокруг Куито-Куанавале несколько племён жили. Они живут своими отдельными деревнями, хуторами, не знаю, как называть. В каждой деревне свой диалект. Чтобы с ними разговаривать я брал с собой солдат чёрных. Они были переводчиками с местного на португальский. Если надо было что-то выменять.

Женщины у них делают всё. Мужчины (насколько я с ними разговаривал) могут быть воинами, ремесленниками, рыбаками, охотниками (четверо работающих на всю деревню). А всё остальное делают женщины — от приготовления пищи до возделывания полей. С утра до вечера — сбор урожая, изготовление муки... Женщина идёт, на ней один или два ребёнка висят — один спереди, другой сзади, на голове — то кастрюля, то котёл. Причём, идёт она очень ровно, и этот груз никак не поддерживает. Идёт на поле, берёт мотыгу, и целый день обрабатывает поле. При этом дети грудные так у неё на спине, груди и висят. Мы как-то подходили к ним, когда они собирали эти зёрна (не знаю, что за злак, что-то вроде сорго). Потом надо смолоть муку. В этом племени (деревне) несколько ступ стоит (у нас в деревнях было нечто похожее) из какого-то металла (не думаю, что медь), пестик весом килограммов, наверное, 10 (тоже металлический). Я один раз попробовал из интереса помолоть муку, так через 2—3 минуты руки уже отваливаются, а женщина может полдня стоять и дробить эти зёрна. Мужики

собираются под деревом самым тенистым (типа «со-вещание»), кто сидит, кто лежит, и обсуждают свои какие-то вопросы. Ну, кроме тех, кто не охотник, не рыбак, не воин и не ремесленник.

Ангольские женщины очень быстро стареют, потому что детей рожают, кормят молоком до тех пор, пока молоко не пропадёт. Я видел женщин лет 20–22-х, у которых и груди уже нет, висят полоски кожи. Как мне объяснили, это от того, что кормит по 5–6 детей одновременно, пока молоко не кончится. А ничем другим и нечем кормить. Поэтому к 20 годам они уже истощённые, худые, как старухи.

– **Солдаты ангольские, вы говорили, часто ходили к женщинам, чуть ли не с разрешения их мужей?**

– Ну да, солдаты молодые, им женщина нужна. Если женщина сама, без разрешения мужа, что называется «загуляла», то... ну, убивать, не видел, чтоб убивали, но изобьёт до полусмерти с одобрения всей деревни. А если солдат придёт сразу к мужу, то у него есть шанс договориться за какую-то определённую мзду. Такса была: два часа — банка сардин, на ночь — кусок мыла хозяйственного португальского. Оно очень плохого качества, кстати, почти не мылится. Наше хозяйственное мыло и то лучше.

– **Вы говорили, что колеса не знали?**

– Ну да. По крайней мере, в деревне, которая рядом с нами стояла, ближе к берегу реки. Хижины тростниковые. В хижине топчан, табуретка. Вещей практически никаких нет. Первобытно-общинный строй. Колеса не знают. Нам это даже в голову не приходило. А у них, если надо перевезти там хворост, например, в лодку запрягают волов и погоняют. Они тянут эту лодку с хворостом — так перемещают. Когда были португальцы, я так понимаю, они что-то выращивали. Обломки стояли даже наших тракторов «Беларусь», разобранные, конечно.

Этого никто не использовал, даже оставшиеся колёса (полуспущенные) — ни диски, ни обода.

— **По поводу инструктажа. Советники наши свои обязанности выполняли — советовали ангольцам?**

— Не знаю, как в других бригадах было, мне некоторые переводчики рассказывали, что да, что-то советовали, заставляли нерадивых ангольцев работать, выполнять свои непосредственные обязанности.

У нас в бригаде была масса попыток инструктировать ангольцев, командира бригады. Но, честно говоря, частенько ездили в эту бригаду просто время провести, потому что нас заставляли работать, когда войны не было, мы должны были в 9 часов или в 8.30 ехать на работу и чему-то учить ангольских офицеров. Пару раз какие-то лекции комбриг попросил организовать типа «Наступление бригады в условиях какой-то местности», мой шеф скинул мне советский боевой устав, велел перевести страницы три: наступление танкового батальона. Ну, примерно, я не помню уже точно. Я перевёл письменно, он зачитал, все посмотрели, мило поулыбались. Все ж понимают, какое «наступление танкового батальона» (свыше 30 танков), когда там всего по 3—4 танка в каждой ангольской бригаде. Какое там может быть обучение в таких условиях! Артиллерист наш **Иван Матвеевич** пару раз организовывал стрельбы миномётные...

Специалисты ПВО очень старательно относились к обучению ангольцев.

Но были и такие в бригадах, которые в большинстве своём всё спустя рукава делали.

Я, конечно, не судья им по части компетенции. Тем более, ангольские условия боевых действий для наших советников и специалистов тоже были в новинку. Их этому не учили: воевать в условиях саванны и в условиях бригады. У нас в Союзе таких подразделений не

было, а у них бригада — основная боевая единица.

В нашей бригаде из советников никого не было с боевым опытом — все приехали из Союза. А вот когда меня перевели в 13-ю бригаду, через несколько месяцев приехал человек на замену на должность советника командующего бригады по артиллерии. Он до этого служил в Афганистане, не помню, как его звали. Он был очень грамотный. Сразу начал «гонять» ангольских миномётчиков, организовывать учения, стрельбы...

— **Рыбу часто ловили? Или «сапёрной удочкой»?**

— Сапёрной удочкой — это мы отличились. За это нас ругали часто потом. Там была у реки отмель, где постоянно мыли посуду. Глубина небольшая, полметра-метр. Смотришь, там рыба плавает огромная, кругами ходит, подбирает остатки пищи. Наши заядлые рыбаки пытались ловить что-то удочкой, спиннинги привозили из Союза. Один раз на спиннинг поймали какую-то красную рыбу, у нее зубищи... Мы даже не знали, можно её есть или нет. Ангольцы сказали, что можно.

А мы с **Сашей Коланом** решили попробовать ручными гранатами **Ф1 (лимонка)** глушить рыбу. Мы очень редко ели свежее мясо, рыбу, а тут плавает под ногами, а не поймаешь. Вот нам захотелось попробовать наловить. Я своему повару в бригаде выволок мешок риса из кладовки, велел отварить полмешка риса к вечеру. Он наварил огромный котёл. Мы с **Сашей**-переводчиком, часов в 6, уже темнело, отварной рис высыпали на эту отмель, чтобы собрать рыбы побольше. На следующий день встали в 5 утра, пешком прошли, чтобы никто не заметил. И на рассвете на этой отмели просто кишит рыба.

Гранаты бросал я. **Саше** велел спрятаться за деревом недалеко. Первую бросил, раздался взрыв, ни одной рыбы не всплыло. Думали, думали. Потом догадались, что граната в воду падает, и рыба шарахается в стороны.

Тогда мы решили чеку отпустить, просчитать до 1–2 и потом бросить. Рыбы всплыло видимо-невидимо. А мы взяли с собой солдата, чтобы он эту рыбу вылавливал, поставили его ниже по течению. Он успел поймать, наверное, ведро. Мы принесли ведро на кухню, нормально поели.

На следующий день моего шефа вызвал наш советник командующего округом и выдал по полной программе. Оказывается, чёрные пожаловались своему старшему, а тот — уже нашему. Он сильно жаловался, говорил, что мы взорвали всю рыбу в этой реке, что его племени теперь нечем будет питаться. Но они конкретно не смогли сказать, кто это сделал. Поэтому нас не вычислили. Шеф потом узнал, конечно, кто рыбу ел, но нас не выдал. Просто сказал, чтобы больше этого не было.

— А в основном питались консервами из Европы?

— Система питания там была построена просто: мы числились на довольствии в 25-й бригаде. То есть мы получали в кладовой этой бригады рис в основном (года три потом не мог на него смотреть, когда приехал домой). Рис или китайский, или американский. Мука, точно помню, была американская. Потом эта бригада получала на довольствие сгущённое молоко очень много (Франция, Дания). Большие банки по 3 л, по 1 л. Нам тоже давали. Самогонку из сгущёнки мы не пробовали делать. Но один раз я выменял у местного населения такую самогонку. Называлась она у них «капороте».

— А в какие деревни вы ездили? Около Куито-Куанавале?

— Да, рядом. Самое большее отъезжали мы километров на 15. Там небольшие такие деревни. Поросят выменивали на сахар. Хотелось же мяса поесть свежего. За 5 килограммов можно было выменять поросёнка. Свиньи у них небольшие, до 100 кг. Свиньи эти бегали там

как дикие, никто их не откармливал (они сами искали себе пропитание), небольшие — 70–80 кг, максимум 90 кг. Сначала можно было выменять свинью килограмм за 10 сахара. А потом, не знаю уж, кто их (ангольцев) научил, стала ставка — килограмм на килограмм. Мешок сахара отдаёшь, тебе выделяют свинью килограммов на 60 максимум.

Ну вот, за этой «капороте» один раз меня отправили, выменял уж не помню на что. Привёз. Скажу честно, спиртного за свою жизнь много перепробовал, но такой гадости — ещё надо поискать. Крепость нормальная, градусов 50 точно было. Но вид у неё бледного белого цвета. Разлили, все выпили, одновременно схватились за горло, чтоб она обратно не пошла. Такое ощущение, что она не успела ещё опустить в желудок — обратно идёт. Гадость ужасная. Очень неприятная. Столько лет прошло, до сих пор помню этот вкус. Больше мы её не употребляли. Когда я попал в 13-ю бригаду, к нам приехал замполит из Бреста, — он такой умелец был, мастер — золотые руки (не помню, как его звали)! Вот он из двух снарядных гильз сделал самогонный аппарат. И у нас началась затяжная попойка.

— **А из чего делали самогон?**

— Ох, чего там только не было! Просо какое-то проращивали, пшеницу проращивали. Я не специалист в этом. Этими делами у нас занимался замполит. Втихаря, конечно. Аппарат постоянно стоял, булькал, пока старший не допился до белой горячки. У меня не было такой тяги. Ну выпить, посидеть, пообщаться... А вот старший наш (в 13-й бригаде), полковник **Юрий Ильич Полякин**, десантник бывший из Тулы, — мощный такой был, высокий, немолодой уже. Вот он и дошёл до «белочки». Чуть друг друга не перестреляли...

Могу рассказать. В 13-й бригаде, когда самогонный аппарат сделали, у нас несколько дней подряд была

пьянка. Утром встали, сели выпили, поспали, встали, выпили. На третий день замполит **Анатолий Павлович** (который этот аппарат сделал) мне говорит: «Я пить уже не могу», — да и я не особо любитель выпить. — «Давай машину возьмём, воды привезём, возьмём ангольцев для охраны». Пошли к старшему (**Юрию Ильичу Полякину**): «Можно мы машину возьмём, воды привезём, хлеба». Он разрешил. Мы поехали с этим **Анатолием Павловичем**, он за рулём, я сбоку в кабине грузовика. Оружие с собой. Чёрных в кузов посадили. Часа три нас не было. Приезжаем назад. А грузовая машина у нас стояла в капонире с маскировочной сеткой. Стали туда загонять машину, тут выходит наш **Юрий Ильич**, голый по пояс, в руке автомат. Останавливается, не даёт нам поставить машину в капонир. Мне глаза его не понравились, я вижу, они остановившиеся такие. Мы сначала подумали — шутит. Тут он передёргивает затвор автомата и дурным голосом орёт: «Кто без приказа командора угнал эсминец из Гааги (?)». Мы с замполитом смотрим друг на друга и не можем понять — шутка или нет... Потом он подскочил к кабине грузовика и попытался ударить по лицу замполита. Тот говорит: «Вы же сами разрешили, мы спрашивали». А тот своё: «Приказ командора нарушили, флотилию не угонять»... и всё такое. Ну, тут я понимаю, что это «белочка» — белая горячка. А у него (**Юрия Ильича**) автомат в руках. Тут он отвлёкся от замполита, смотрит на меня, а у меня на коленях автомат лежал. А мне оставалось уже совсем немного до окончания службы, и было всё равно — командир, не командир, — я затвор автомата передёрнул, смотрю на него и говорю: «Только попробуй ударить — я выстрелю». И вот эта фраза и движение привели его в чувство — он спрыгнул с подножки и ушёл спать. На этом пьянка и закончилась.

После этого мы посоветовались с **Анатолием Павловичем** (замполитом) и этот самогонный аппарат разо-

брали, отвезли в сторону и закопали. А потом, когда переводили 13-ю бригаду на другое место в обороне, туда пришли кубинцы.

Анатолий Павлович мне как-то говорит, поехали, аппарат выкопаем. Приехали. Стали копать, тут понабежали кубинцы, человек наверное 10. Меня поразило, что когда мы его выкопали, кубинец-солдат вдруг говорит: «Что это? Самогонный аппарат?» Они узнали его сразу: «Эх, если бы мы знали, что тут закопано...». Хотя у кубинцев проблем с этим не было. Им выдавали ром. Они часто нас угощали. И всё равно: «Как же мы не знали, месяц почти стоим, мы бы откопали...»

— **У кубинцев вооружение было то же самое, что и у ангольцев?**

— Да, но поновее немножко. Если у нас танк **Т-55** был, то у них уже танки **Т-62** проскакивали. Не много, но были уже. Утверждать не буду, я не специалист. Но техника поновее. Авиация, если у ангольцев был **МиГ-21 (МиГ-21 БИС)** был, то у кубинцев **МиГ-23**. Но вооружение всё полностью советское.

— **На охоту не ездили?**

— Нет. Чего не было, того не было. Однажды во время рейда бригады видел: подняли дикую козу. Небольшая такая, типа антилопы. Они когда слышат опасность, залегают в какую-нибудь ямку и стараются опасность пропустить. Вот она залегла, но видно нервы не выдержали у неё, и получилось, что она выскочила посередине бригады, начала метаться. Так какой-то ангольский рядовой сбил её сапёрной лопаткой на бегу. Никто не стрелял, потому что кругом люди. А он сапёрной лопаткой метнул и сбил её с ног. Потом нам принесли по куску мяса.

А так, там дичь вся разбежалась. А при португальцах, нам рассказывали, там специально был устроен национальный парк для сафари. Охотники со всего мира приезжали поохотиться. А потом — боевые действия по-

стоянные, обстрелы, снаряды. Животные разбежались. Ну, видели обезьян на деревьях, пару раз зайцев. Слонов ни разу не видели, даже издалека, только помёт. Один раз вдалеке леопард пробежал.

– **С куревом проблемы были?**

– Да. Были три месяца, когда с куревом очень большие проблемы были. Что-то вроде блокады случилось: колонны к нам не приходили, самолёты не прилетали. Это уже было, когда ангольцы бежали, а кубинцы ещё в Куито-Куанавале не вошли. Юаровцы наступали. Партизаны **УНИТА** перерезали дорогу на Менонге (ещё до прихода кубинцев в ноябре 1987 г.) – всё по классике делалось: перерезать подвоз продовольствия, взлётную полосу в аэропорту южноафриканцы обстреливали постоянно, не успевали её латать, а потом уже никто этого и не делал. Самолёты не садились. Месяца два точно были перебои с едой, но мы рисом перебивались, а курева не было вообще. Доходило до того, что собирали листья с деревьев, сворачивали их. Вот этой гадостью затынешься пару раз – вроде легче. А когда кубинцы вошли, мы побежали сразу к ним за сигаретами. Это конец 1987 года. Они нам давали сигары. Сначала покурили их пару раз (в зытяжку), потом начали плевать. С непривычки тяжело – натуральный табак. Мы начали просить у них сигареты. Были у них такие, типа нашей «**Астры**», без фильтра. Были и с фильтром. Чем угостят. Не отказывали никогда они. Пару блоков дадут тех или иных сигарет.

– **А пока не было курева, табак не выращивали?**

– А там ничего не успевает вырастать, потому что перепады температуры очень большие. В районе Куито-Куанавале – высокогорье – 1200 метров над уровнем моря. Днём +40-50, а ночью + 2. У нас ни бананов там не было, ничего. Росли только манго. Деревья банановые были, но плодов не было. Местные выращивали

там овощи... Пару раз помидоры приносили, картошку выменивали мы у них. А так у них тоже ничего не росло. Что-то типа сорго только, или кукурузы... Что-то с метёлкой. Они собирают в ступе зерно, муку толкут и питаются этим.

— **С вас удерживали деньги?**

— С нас нет. Разговоры ходили: 20%. Но потом вышел приказ, кто в воюющих округах находится, получает полностью. Около Куито-Куанавале все получали 100%. Я слышал, что в других округах, там вычитали эти 20%, если без семьи офицер находился. Ещё я слышал, что некоторые получали, но по курсу 1:1 в рублях. Нам сначала чеками платили, а потом в валюте. Там такие курсы были: сначала вычислялся доллар, потом переводили в рубли, потом какие-то коэффициенты добавлялись. На второй год привезли бланки заявлений на открытие счёта во Внешэкономбанке. Добровольно-принудительно.

— **Сколько лет потом получали эти деньги?**

— Я успел до того, как вышло распоряжение заморозить счёта. У меня осталось 300—400 долларов на счёте, которые я забрал, когда разморозили счёта. А так, там была система такая: для тех, кто хотел забрать российскими рублями, очереди никакой не было. Кто хотел получить валютой, тот стоял в очереди. Некоторые платили милиционерам на входе по 150 долларов. Смотря у кого сколько на счёте было.

— **Вы когда закончили службу?**

— В 1988 г. я вернулся из Анголы. До этого ещё месяц в Луанде сидел, ждал замену. Меня направили в бригаду ангольского спецназа, там единственная бригада на всю страну. К нашим советникам меня направили. Они были ГРУшники. Они меня не трогали. Сразу спросили, где я был до этого, и, узнав, что был в рейдовой 25-й бригаде, сказали, что я могу, если хочу, вообще не рабо-

тать: хочешь, можешь покататься. Один из них меня на океан вывозил.

Из армии, по возвращении, я демобилизовался, хотя мне предлагали остаться и послужить ещё в Анголе. Попытался найти работу по специальности. Полгода искал. Афганское удостоверение (удостоверение ветерана войны) мне не помогло. Работы не нашёл. А когда в эти годы торговля и спекуляции начались — открыл свой магазинчик, затем, пару магазинов в Белоруссии, пока наш любимый президент **Лукашенко** не задушил это окончательно. Сейчас перебрались в Москву. В Москве тоже занимаюсь торговлей. Жена, двое детей. Внучка 2,5 года. С детьми, с женой всё хорошо сложилось, слава Богу.

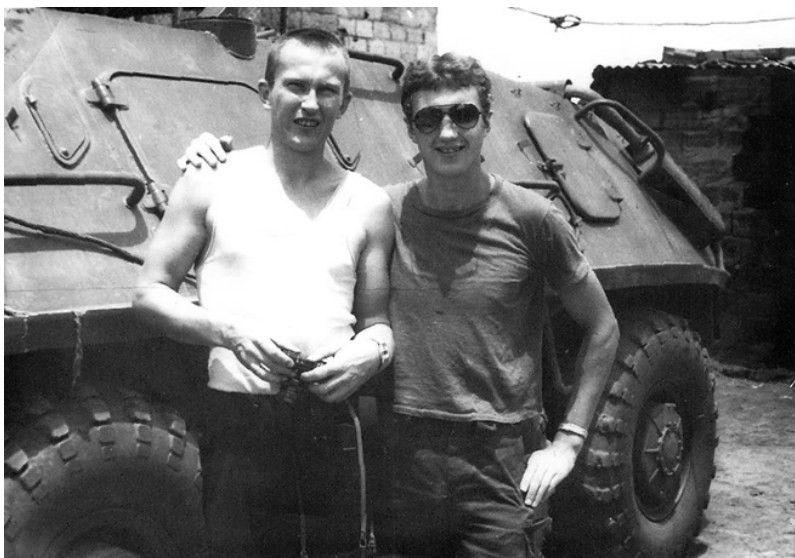
ОСА-АК. Конец 1986 г. Куито-Куанавале.

Возле разобранного МиГ-17. Куито-Куанавале. 1987 г.

Куито-Куанавале. 1987 г. Стоит (крайний слева) капитан
Иван Уткин.

Куито-Куанавале. 1987 г.

С переводчиком
Сашей Каланом
(16-я МПБр,
1987 г.)

13 ДШБР. конец 1987г. — начало 1988 г.
Сзади слева - полковник **Полякин Юрий Ильич**.

Новый 1987 г., 25МБР, Куито-Куанавале. Слева направо:
прапорщик **Владимир Ильин**, подполковник **Харюшин**
Борис Иванович, Маскалюк (Москаленко) **Борис Матвеевич**,
лейтенант **Грицук Олег**.

Куито-Куанавале, июнь или июль 1988 г.
Вручение кубинской медали "За героическую оборону Куито-
Куановале"

В трофейной
панаме и плащ-
палатке. 1988 г

Куито-Куанавале. Стрела-2М.

Маслов Николай Михайлович,
ПОЛКОВНИК В ОТСТАВКЕ*

– **Где вы служили до командировки в Анголу?**

– До командировки в Анголу я проходил службу в Уссурийске Приморского края в должности заместителя командира зенитной ракетной бригады. На вооружении бригады были ЗРК (зенитно-ракетные комплексы) С-75 и С-125.

– **Как оказались в Анголе?**

– В 1986 г. предложили поехать в заграничную командировку; прошёл медицинскую комиссию, оформил необходимые документы. Через год, осенью 1987 г. получил вызов, сдал дела и должность и убыл в Москву, в «десятку»*. В «десятке» собралась большая группа, в основном специалисты ВВС и ПВО.

– **Вас инструктировали в «десятке»?**

– Да, конечно. В течение недели с нами проводили занятия и инструктажи. Рассказывали историю Анголы, положение дел в Анголе на тот момент.

– **Когда вы прилетели в Анголу? Ваши первые впечатления?**

– В начале октября 1987 г. Вылетели на Ил-62М в Луанду с промежуточной посадкой в Симферополе. Первое впечатление? Красная земля, запах, кучи мусора. Когда

---

* Запись сделана в октябре 2009 г. к.и.н. Шубиным Геннадием Владимировичем.

** Десятое управление Генерального штаба.

улетал в Союз через три года, уже не было таких залежей мусора. Совершенно другой город – чистый.

– **Куда попали служить?**

– В Луанду, специалистом при командире зенитной ракетной бригады – старшим группы СВС (советских военных советников). На вооружении бригады находились ЗРК С-125 «Печора М1» и С-75 «Волга М3».

– **На ЗРК С-75 «Волга» действительно стояли жидкостные ракеты? Поэтому они уже сейчас сошли?**

– Да, на «Волге» использовалась двухступенчатая ракета, стартовая ступень твердотопливная, а маршевая – жидкостная, заправлялась горючим и окислителем. В настоящее время комплексы С-75 «Волга» сняты с вооружения.

– **Печора (С-125) как ракеты твердотопливные, ещё используются против беспилотников за рубежом.**

– ЗРК «Печора» предназначена для уничтожения самолётов, крылатых ракет, вертолётów и других воздушных целей, летящих на предельно малых, малых и средних высотах. В том числе и беспилотников. Как исключительный случай, Печора может привлекаться для стрельбы по наземным и наводным целям на расстояние до 17 километров. Размеры зоны поражения по высоте от 20 м и до 18 километров, а по дальности – от 3,5 до 25 км максимально.

– **Сколько времени вы служили в Луанде?**

– С октября 1987 по декабрь 1990 г. В Луанде наши специалисты бригады занимались поддержанием техники в боеготовном состоянии, проводили регламентные работы, тренировки и занятия с ангольскими боевыми расчётами дивизионов и командного пункта бригады, разрабатывали боевые документы, устраняли возникающие неисправности.

Кроме того, специалисты группы оказывали помощь в разгрузке прибывающей из Союза техники и погрузки

техники на корабли для отправки в Сою и Кабинду для формируемых зенитных ракетных бригад. Активную помощь в этом оказывали майор **В. Харитонов**, подполковник **Е. Белоус** и другие.

Я дважды направлялся в командировку в Куито-Куанавале. В первой командировке (с конца февраля 1988 г. до середины апреля) я должен был заменить **Зиновьева** на время его отпуска, но по какой-то причине он остался в Куито-Куанавале.

В бригаде было два дивизиона «**Печора**». Задачей бригады было не допустить ударов авиации ЮАР по обороняемым объектам в пределах зоны поражения комплексов. Было организовано дежурство наших специалистов на командном пункте бригады и дивизионах. Бригада свою задачу выполнила. Полётов авиации ЮАР в пределах зоны поражения не было.

Вторая командировка была с июня по сентябрь 1988 года.

— **Расскажите случай, когда чуть не сбили самолёт президента Ботсваны.**

— Это было в начале августа 1988 г., в выходной день, утром. Мы находились в лагере. К этому моменту юаровцы отвели свои войска, и круглосуточное дежурство наших специалистов на командном пункте и в дивизионах было отменено. Мы выезжали туда только в рабочее время — днём.

Когда «**Печора**» начала стрельбу, мы с **Семенихиным** вскочили на «**ГАЗ-66**» и поехали на командный пункт бригады. К моменту прибытия на КП отметка цели на экране индикатора была на удалении 50–60 км. На удалении 90–100 км к цели подлетали кубинские истребители (**МиГ-23**). Руководил боевой работой начальник штаба бригады капитан **Давид**. События развивались следующим образом. От радиотехнического батальона поступил доклад об обнаружении воздушной цели. Ка-

питан **Давид** объявил дивизионам готовность №1. После приведения дивизионов в готовность к стрельбе, выдал им целеуказание. Цель была обнаружена и захвачена на сопровождение одним дивизионом, второй дивизион цель не обнаружил. **Давид** принял решение на уничтожение цели, и дивизион открыл огонь очередью из двух ракет. Но не произошло захвата ракет на сопровождение. Этим же дивизионом была произведена вторая стрельба также очередью из двух ракет и также неудачно. После этого проверили все боевые параметры — они были в норме. Причину неудачной стрельбы мы так и не обнаружили. О том, что это был самолёт президента Ботсваны, мы узнали через несколько дней. Об этом инциденте даже была заметка в газете «Правда». Удивительно, но никаких разборов по данному случаю не проводилось. С **Давидом** мне пришлось работать уже в Луанде, после того как была проведена замена личного состава бригад Куито-Куанавале на Луанду.

— **Вооружение у ангольцев было С-125, С-75 и мобильные комплексы, войсковое ПВО?**

— Точно знаю, что были **С-75, С-125**. А из войсковой ПВО — **ОСА-АК, Куб, Стрела-1, Стрела-2**.

— **Из чего состоят дивизионы С-75, С-125?**

— ЗРК **С-75** состоит из **СНР** (станция наведения ракет), шести пусковых установок зенитных управляемых ракет (один боекомплект — 12 ракет), средств электропитания и транспортно-заряжающих машин. Организационно дивизион состоит из радиотехнической батареи (**СНР** и средств электропитания), стартовой батареи (пусковые установки, **ЗУР** (зенитные управляемые ракеты), **ТЗМ** (транспортно-заряжающая машина)) и отделения боевого обеспечения (станция разведки и целеуказания **П-18** (на шасси **Зил-131**), средства связи). Состав и организация дивизиона **С-125** такие же, за исключением пусковых установок — их четыре, на каждой ПУ (пусковой

установке) по четыре ракеты, боекомплект составляет 16 ракет, и в состав отделения боевого обеспечения входят станции разведки и целеуказания П-19 для обнаружения маловысотных целей и П-18.

– **Какие грузовики используются в дивизионах?**

– ЗиЛ-131 – седельные тягачи для транспортировки кабины управления СНР-125, транспортно-заряжающие машины ПР-14, на которых размещались две ракеты (на шасси ЗиЛ-131). Тягачи КраЗ-255 для транспортировки дизельного хозяйства, пусковых установок, антенного поста.

– **Мне рассказывали ветераны войны в Анголе, что на операции в Куито применяли советские зенитные пушки С-60 калибра 57 мм.**

– Может быть. Я их не видел. В районе командного пункта стояла 37-мм пушка (61К).

– **Расскажите о вашей первой командировке в Африку – в Египет.**

– После окончания Ярославского зенитно-ракетного училища в 1970 г. я был направлен в Хабаровск, где проходил службу в должности офицера наведения. В январе 1971 г. предложили командировку в страну с жарким, сухим климатом. Этой страной оказался Египет.

– **На каких комплексах работали?**

– На С-125 «Печора». Мы находились под Асьютом (между Каиром и Асуаном): несли боевые дежурства и обучали арабские расчёты. После того как арабские расчёты были подготовлены, они провели боевые стрельбы и были передислоцированы на побережье Красного моря, а наша командировка закончилась.

– **Как долго она продолжалась?**

– Меньше года. Подготовили и обучили боевые расчёты, и в конце года убыли в Союз.

– **То есть в марте 1971 г. приехали и в конце года уехали?**

– Да.

– **Если сравнивать египтян и ангольцев – у кого подготовка была лучше?**

– Арабские расчёты были подготовлены лучше, чем ангольские.

– **Если сравнивать Египет и Анголу – разница в чём? В Анголе саванна, в Египте – пустыня?**

– Жарко и там, и там. В Египте, действительно, пустыня, а в Анголе очень влажный климат.

После окончания
военной академии ПВО
им. Жукова. Тверь

1987 г., Уссурийск. Перед отъездом в Анголу. Справа
полковник Селезнёв. На заднем плане — грузовики ЗиЛ-157.

Вручение кубинской медали «За героическую оборону
Куито-Куанавале».

В Куито-Куанавале. 1987 г.

В лагере под Куито-Куанавале. 1988. Слева полковник
Маслов. Справа **Сергей Рымарь**.

В районе Куито-
Куанавале. 1988 г.

В районе Куито-Куанавале. 1988 г.

В районе Куито-Куанавале

Луанда. 1987 г.

Майор Харитонов проводит тренировку стартовых расчетов в Луанде, 1987 г.

Март, 1988 г.

Слева направо:
подполковник **Капица**,
анголец, начальник
штаба подполковник
Белоус, подполковник
Маслов. Луанда 1988 г.

Специалисты **Печоры** после вручения медали «За героическую оборону Куито-Куанавале».

Среди ангольцев 1987 г. под Куито-Куанавале.

У танка «Олифант». С Давидом – начальником штаба, майором Анатолием Семенихиным и Нарциссом (комбригом) посередине.

Дацюк Александр Арсентьевич, ПОДПОЛКОВНИК

Ещё в суворовском училище я узнал о существовании Военного института (военных переводчиков). Но сразу поступить туда мне не удалось, потому что в военном училище есть такое понятие, как разрядка. В то время практически не было разрядки от этого Военного института*. Поэтому мне пришлось прослужить срочную службу почти два года (без двух месяцев), и в 1985 г. я удачно (на «отлично» и «хорошо») сдал экзамены в Военный институт.

Мне предложили учиться на кафедре китайских языков и изучать китайский язык. Но я уже здесь узнал, что есть одногодичные курсы по подготовке переводчиков и попросился на эти курсы. И в 1986 г. успешно окончил курсы персидского языка.

Мне очень нравился процесс обучения, он был интенсивным. Практически каждый день занимались языковой подготовкой. Бывали дни, когда мы занимались по шесть часов. Вся группа (за редким исключением) к изучению языка относилась очень добросовестно.

Это было вызвано тем подъёмом, атмосферой, которая царилa в то время в стране: 1985 год (перестройка). И нам, молодым, хотелось как-то проявить себя на нашем поприще.

---

* Запись произведена к.и.н. полковником **Токаревым Андреем Александровичем.**

Я потому и попросился на годичный курс, зная, что после окончания обучения меня направят в Афганистан. Знаю, что и многие из наших поступили с теми же мыслями и намерениями.

Помимо той нагрузки, которая была в течение занятий и самоподготовки, — многие из нас, если у кого-то что-то не получалось, сидели иногда до поздней ночи, изучая персидский текст или слова.

Но поначалу практически ничего ни у кого не получалось. Было очень трудно — новый язык, совершенно незнакомая (арабская) письменность. Всё было для нас очень ново.

Но, несмотря на это, даже не через год, а через одиннадцать месяцев мы уже завершили обучение.

Мы изучали язык фарси. По-другому можно сказать, что это был дари. Но почему-то в свидетельстве об окончании годичных курсов было записано, что это — персидский язык.

Хочу ещё раз подчеркнуть, что учились мы добросовестно и с энтузиазмом. И даже к концу обучения, когда уже были на носу выпускные экзамены, — никто не сбавлял темпов. И все занимались добросовестно до последнего дня.

Благодаря преподавателям, благодаря нашей усердной учёбе, мы уже могли разговаривать после первого года обучения, может, не так хорошо, но объясняться и понять человека — носителя этого языка — мы уже могли.

У нас был хороший преподаватель — **Максим Леонидович Коробов**, который сейчас работает помощником депутата в Государственной Думе.

Тогда он был старшим лейтенантом. Потом, после возвращения из Афганистана, он был уже капитаном. К сожалению, он уволился из армии. Но я хочу сказать, что практически все свои усилия, всю свою энергию он

направлял именно на подготовку молодых специалистов – переводчиков персидского языка.

Я не знаю, был ли он в Афганистане, но многие из преподавателей там побывали. Язык он знал хорошо. Помимо фарси, он знал ещё и хинди, очень неплохо им владел. Благодаря ему и таким же толковым преподавателям, мы действительно были неплохо, как нам казалось, подготовлены к моменту выпуска.

(Но жизнь и ситуация, в которой мы потом оказались, внесли некоторые коррективы в наше самомнение. Нам казалось, что мы действительно уже настолько готовы, что нас чуть ли не забрасывай в тыл противника. На самом деле, настоящая учеба началась по прибытию на место. Потому что разговорный язык той провинции, в которую я попал, сильно отличался даже не от литературного языка персидского языка, а от дари.)

Закончив успешно в 1986 г. данные курсы, в сентябре этого же года я был направлен работать в Афганистан. Когда мы прибыли в Кабул, с нами провели беседу. Говорил с нами, насколько я помню сейчас, референт-переводчик аппарата военного советника полковник **Шабалин**.

Он по очереди вызывал нас, беседовал, смотрел на наши оценки. И отбирал, в зависимости от подготовки, специалистов в различные районы и в различные подразделения вооруженных сил афганской армии.

Нас распределяли здесь, в Советском Союзе, – кто поедет служить в аппарат главного военного советника, а кто – в 40-ю армию. Различия некоторые были, я думаю, только в оплате. И то, что выпало на долю 40-й армии и афганской, те тяжести и трудности – было сопоставимо. С одной стороны, некоторое преимущество было у тех людей, которые попали в 40-ю армию. Там всё-таки чувство локтя, ты окружён такими же советскими людьми, а переводчик, который попадал в пехотный афган-

ский полк или батальон, кроме советника и стрелка-охранника, больше не на кого было положиться.

То есть, когда мы шли на боевые операции, мы шли втроём — советник, стрелок-охранник и переводчик. А остальные — это афганские друзья. А когда оказываешься на боевых позициях, то они не всегда были нашими хорошими друзьями. В то же время, среди афганцев было много людей, с которыми я мог говорить по товарищески, невзирая на звания, на национальность.

Итак, после беседы в Кабуле с **Шабалиным** нас распределили, и я попал в провинцию Нангархар — по другому Желалабад, в 71-й полк, в 11-ю пехотную дивизию.

71-й полк размещался в поселке Шинвар — это административный центр пуштунского племени шинвар. Довольно странные лица и странная на первый взгляд одежда — шаровары, тибетейка.

Афганские племена отличаются между собой разной одеждой или по каким-либо другим признакам, и по языку. Хотя язык был для всех — пушту, они говорили на различных его диалектах. Фарси из них практически никто не понимал, за редким исключением старейшин и племенной знати, которая разговаривала на фарси. А остальные разговаривали только на пушту.

Полк наш — 71-й, совместно с 66-м, прикрывал очень важное направление — между ущельем Назьян и Хайберским перевалом. Таким образом был прикрыт Хайберский перевал.

Хайбер связывал юг Ирана с Пакистаном. Это была основная транзитная магистраль на юге между двумя государствами. Весь поток грузов шел в Афганистан через этот Хайберский перевал.

Первый день службы запомнился мне очень сильно. Меня привезли наши советники, представили командирю. Командир — афганец-пуштун хорошо изъяснялся на

фарси. Мне было интересно. Я испытывал удовольствие, когда беседовал с людьми, говорившими на чистом фарси.

Но в связи с тем, что основная масса солдат была из провинции Лагман (наш полк только накануне перевели в Шинвар, а до этого он размещался в провинции Лагман), то многие разговаривали на языке дари.

В провинции Лагман все говорили на фарси. А в Шинваре все говорили на языке пушту. Он был для нас малопонятным.

Нас сильно заинструктировали в Кабуле в первые дни, когда мы прибыли: вы, мол, смотрите, вы не только переводчики, вы первая охрана нашего советника — куда советник — туда всегда и вы, и чтобы никогда не бросали оружие где попало.

И я после этого инструктажа также припёрся в приёмную командира полка со своим «калашниковым» за спиной. И у всех глаза на лоб выкатились, потому что никто в приёмную командира не вваливался с оружием.

Но, видимо, поняв по глазам, что меня заинструктировали совершенно неправильно — командир всё-таки меня встретил тепло.

Я думаю, что из всего коллектива он уважал меня больше всех, несмотря на мою ошибку: ввалиться в приёмную с оружием.

Первым делом по прибытии на место нужно было переодеть военного переводчика, потому что мы приезжали по линии «десятки» — нам давали гражданское платье и отправляли простым гражданским самолётом в Афганистан.

И когда я приехал в гражданском платье, надо было переодеть меня в военную форму афганской армии (на родной армии Афганистана).

Пошли на склад. То, что представляла собой военная форма для афганских солдат, — это какое-то жалкое по-

добие одежды вообще, которую молодому офицеру надевать не к лицу. Но отказаться было невозможно и пришлось надеть эти тряпки.

Форма была местного производства, а ткань такая простая — из мешковины — нитки тут же разлезаются по швам, потом эту форму приходилось перешивать.

Но впоследствии, когда я получил зарплату, пошёл в ателье и заказал себе одежду получше. Трудно было назвать её формой — та же мешковина, только нитки покрепче немножко и покрой уже поцивильнее: выглядел я уже не так странно.

А в той солдатской форме, в которую меня одели по прибытии, я и пошёл на первую операцию. Это были боевые действия, но у нас их почему-то называли операцией.

Я её хорошо помню, там же, в Назьяне — зачистка в населённых пунктах.

Я прибыл 7 сентября в Кабул, в Джелалабад — числа 10-го, а 14 сентября уже вышел на боевые действия. Четыре дня мне дали на то, чтобы переобуться, получить оружие и всё прочее.

По-настоящему я не освоился. Потому что афганская армия — это сборище различных национальностей, в котором офицеры (немногие) худо-бедно изъяснялись на фарси, а остальные солдаты разговаривали на своих родных диалектах — языках, которые были совершенно нам непонятны. Разговаривать с ними было очень тяжело.

Переодеть меня по-настоящему в афганскую форму не смогли: не нашли ботинки. А для меня это обстоятельство оказалось печальным, потому что на свою первую боевую операцию я пошёл в гражданских ботинках, с тонкой подошвой. Они были мне немного малы. И я такие мозоли натёр на ногах!

Советник мой, посмотрев на мои ноги, сказал:

«У меня есть старые ботинки афганские — я тебе их дам». И тут же, как мы вернулись в расположение дивизии после двух недель, он дал мне эти ботинки. А буквально через неделю мы опять ушли в горы, и я надел их. Они были уже старенькие, а пришлось пройти где-то километров 20 по острым камням, которые буквально разорвали эти ботинки и обратно с гор я спускался практически уже без подошв.

Попросил у связиста кусок телефонного кабеля — привязал эти подошвы. А наутро нас посадили в вертолёт и, не сообщая о направлении вылета, высадили где-то в горах, где мы должны были якобы занять блоки.

Высаживали нас наши советские **Ми-8**, я десантировался последним. Шла страшная стрельба и вертолёт так высоко поднялся, что метров 11 мне пришлось до земли лететь, притом с рюкзаком.

И когда я прыгнул, то стукнул автомат магазином об камень. Идёт бой, все стреляют, я тоже передернул затвор автомата как заправский солдат и начал палить, но недолго. После двух выстрелов у меня автомат заклинило. Потому что магазин ударился очень сильно и у него согнулись направляющие затвора и гильза не выбрасывалась из патронника; я вытащил гильзу, начинаю стрелять — опять клин.

И вот ботики порванные, автомат не стреляет, а тут ещё не взял бушлат на операцию, хотя нас инструктировали, что надо взять теплую одежду. Но я не нашёл бушлат нигде, времени у меня было мало на подготовку, я помню две вещи, которые не нашёл из того, что рекомендовали взять, — электрический чайник и бушлат.

Насчёт бушлата меня успокоили, типа «найдёшь» — помогут товарищи в 40-й армии, за бутылку водки выменяешь, как-нибудь выкрутишься. Но мне времени не хватило найти этот бушлат и первые боевые дни я пошёл без него.

А ночью в горах температура понижается примерно до +5, страшный ветер — и в тоненькой афганской униформе я сильно замерзал. Мне помог советник — мы легли на землю вдвоём и укрылись одним бушлатом.

Ещё я помню, что набрал на боевые действия не два боекомплекта, а три или четыре и целую кучу гранат — они мне совершенно негодились, потому что я отстрелял от силы один магазин, а больше боевых действий, таких сильных, мы и не вели.

И весь этот боекомплект я потом на своей же спине километров так 30 тащил обратно к месту постоянной дислокации дивизии. И это — в горах, где кислорода мало, тяжело дышать и каждый килограмм кажется тяжелее в пять—десять раз обычного. И вот к концу пути я этот рюкзак и автомат уже нести не мог и начал, когда меня никто не видел, патроны в ущелье скидывать, чтобы легче было. Вот так прошла моя первая операция.

Вернувшись в пункт постоянной дислокации, я предъявил претензии советнику за то, что он подsunул мне старые ботинки, которые расползлись. Помню, я ещё сказал: «Разве можно так издеваться над переводчиком». Он ответил, что если бы не дал эти ботинки, то я босиком бы пошёл, мол, никто тут тебя одевать особо не будет, каждый сам как может выкручивается.

Вот так до самого конца службы в Джелалабаде мы и выкручивались.

Ещё мне запомнились горы зимой. Это — жуть. Мы ночевали при -10⁰ на снегу, в одном бушлате. Ну до того неуютное положение и ни согреться, ни костёр развести — одежда вся мокрая. И так вот двое суток просидели в горах, хорошо хоть не заболел.

И я представил себе — а как же наши, в 1941 году под Москвой, в страшный мороз — больше -30⁰, и не у всех же там были такие тёплые бушлаты и кальсоны, как у меня. Война — это такая штука тяжёлая! Не только из-

за того, что убивают и стреляют, но приходится ещё и выживать в трудных условиях, к которым нужно готовиться заранее. Переводчик не готов к таким тяжёлым условиям.

Моя первая награда, медаль «За боевые заслуги», за взятие ущелья Дурбаба. Это недалеко от Хайберского перевала. Мы взяли большие склады моджахедов, изрядное количество оружия. Наш полк был на переднем крае. И, соответственно, тут же пришла команда приставить всех к наградам — и со стороны афганской армии, и со стороны советнического аппарата.

Ну и как только узнали, что у нас тут такая большая удача (мы захватили передвижной госпиталь и крупные склады оружия и, по-моему, даже 1000 противотанковых мин, огромное количество стрелкового оружия и боеприпасов), тут же посыпались командиры из корпуса — засвидетельствовать своё почтение, и тут же из Кабула прилетели важные персоны — но не столько посмотреть своими глазами на происходящее, сколько для того, чтобы, скорее всего, отметить именно в той же сводке, что они там были и чтобы их не забыли в этом наградном листе.

Сначала советника представили чуть ли не к ордену **Красного Знамени**, а переводчика — к ордену **Красной Звезды**, потом этот список всё шире и шире становился, а переводчик всё дальше и дальше отодвигался на задние позиции.

Действительным героем этой операции, я думаю, был полковник **Магерамов Александр** (отчество не помню, он сам из Баку был) — советник командира полка...

Мы и не предполагали, что мы захватим большие склады.

Планировали операцию в корпусе в Кабуле и предполагали заранее, что она будет проведена с участием нашей дивизии и не только — сзади нас прикрывали со-

ветские войска — 40-я армия (особенно нам помогали артиллерия и авиация).

Мы долго топтались — не могли взять одну высоту. Наш полк дважды пытался штурмовать её. После второго штурма из того батальона, который мы послали в атаку, нашли в живых только несколько человек. Они штурмовали высоту ночью при сильном сопротивлении противника: и батальон подпустили на расстояние ста метров и расстреляли его в упор. И солдаты, видимо спасаясь бегством, покатались с этой высоты в различных направлениях, а ночью ориентироваться в горах очень сложно, особенно солдатам не из этой местности. Поэтому только через две недели некоторых мы нашли. Потери со стороны нашего полка были солидные.

И долго — в течение двух недель — не могли взять эту высоту. И только после бомбардировки советскими истребителями-бомбардировщиками «Су-22» сопротивление было сломлено. Я скажу, что они довольно искусно бомбили, потому что уже практически за высотой проходила пакистанская граница. Со своей стороны (хотя я сам не видел), но по данным нашей разведки, пакистанская армия подтянула к этому месту зенитные установки. И когда бомбили наши «Сушки» эту высоту, разрывы зенитных снарядов были видны в воздухе. Но кто (ответно) стрелял — душманы или пакистанская армия — трудно было судить, потому что граница проходила рядом — буквально в полукилometре.

Мы захватили, взяли эту высоту. К сожалению, душманы всех убитых унесли. Совершенно случайно остался один раненый, видимо, его забыли или не увидели, он был привален где-то в бункере.

Не думаю, что его забыли, скорее всего так получилось. На наших глазах бойцы нашего полка добились прикладами этого «духа». Это произошло из-за того, что потери были большие, солдаты не могли сдержать свои

эмоции и так жестоко уничтожили пленного. В плен обычно всё-таки брали. В этом случае взять пленного не получилось.

Также мы захватили населённый пункт. У меня еще до сих пор сохранились снимки допотопной оросительной установки, которая приводилась в движение с помощью осла. Осёл крутит колесо и из колодца достаёт воду, которая заливается в специальные желоба. Это средневековая установка, но в полном рабочем состоянии.

Мы на фоне этой установки фотографировались. Захваченные боеприпасы были взорваны в ущелье. И, как обычно, взрывали одно количество, а писали совершенно другое (взрывали меньше, чем писали): приписками грешила не только 40-я армия, но и национальная народная армия Афганистана.

Взяв это ущелье, мы действительно разгромили большую базу моджахедов. Но не только. Как потом выяснилось, там был специальный тренировочный лагерь и, хотя в небольших количествах, но мы нашли макеты и мишени. Видно, тренировались здесь будущие моджахеды.

Тут же мы нашли большое количество лекарств. И, что было интересно, афганцы — простые солдаты — растаскивали эти лекарства, даже не зная, нужно ли это, что это за таблетки. Тут же набивали полные карманы. Потом подходили к нам, мол, слушай, а это есть можно? Это не витамины случайно? *(Смеётся)*.

Ну, говоришь: вот это — витамин. Тут же съедает. Много лекарств было французского производства.

Однажды в мае 1987 г. взвод 40-й армии и наш полк попали в жуткую засаду. Огонь был настолько прицельным, что хотя его было немного, потери были очень большими. Оказалось, что это бьют подготовленные снайперы, иностранные легионеры

Взятых в плен духов очень часто приходилось ви-

деть, а вот иностранных наёмников — не повстречалось. Я лично наёмников не встречал. Ребята другие говорят, что видели.

По слухам, с наёмниками поступали очень жестоко. Если учесть, что иногда афганцы правительственных войск поступают жестоко и со своими солдатами (допустим, как пленного «духа» в Дурбабае прикладами добили), то я могу представить, с какой жестокостью они относились бы к иностранным наёмникам. Всё-таки это была гражданская война, и любое вмешательство со стороны вызывало бурю гнева.

Как-то два полка заняли хребет, а через ущелье на следующем хребте находились «духи». И у нас была жуткая перестрелка. И вот в этой перестрелке поучаствовали и мы с **Володей Казеем**: чего ж сидеть просто так на командном пункте — мы тоже заняли позиции и давай туда сколько можно палить. И после этого я заметил, что афганцы стали к нам относиться с некоторым холодком, не то что бы с пренебрежением, но не одобрили наш поступок, потому что считали это своим внутренним делом.

Когда другие иностранцы участвуют в этой войне, тем более с таким большим азартом расстреливают свои магазины, — это не вызывало одобрения.

В 1987 г. боевые действия начали потихоньку затухать. Было объявлено со стороны Советского правительства о постепенном выводе советских войск и, помню, в мае 1987 г. (к майским праздникам было приурочено) вывод первых шести советских полков.

Мы устроили грандиозный митинг в полку по этому случаю. Советник приготовил пламенную речь. Он мне её принёс за час до своего выступления: ну, давай, **Александр**, ты будешь переводить. Я быстренько пробежал глазами текст — из из этого большого выступления сказал совсем небольшую часть. И хотя афганцы поняли не

слишком много из этого выступления нашего советника-замполита, но конец нашей речи простые бойцы встретили бурными аплодисментами и овациями: «Зендабот энкелоде сауэр! Зендабот шурави! Да здравствует... революция! Да здравствуют советские войска!»

Но сам вывод шести полков, хотя и широко освещался в прессе, к большому сокращению контингента 40-й армии не привёл. Ко всему прочему, афганцы встретили этот факт с некоторым недопониманием. А замполит нашего полка, он был ярый революционер, даже как-то мне сказал, что это вроде как и предательство с нашей стороны.

Но, как потом выяснилось, вероятно ввели из Союза такие же шесть, а, может, и больше полков.

В дальнейшем боевые действия уже особо не велись, начиная с лета 1987 года. Было объявлено о национальном примирении. Войска соответственно с этим национальным примирением находились чаще в пунктах постоянной дислокации и единственное, чем они занимались, — это обороной самих себя.

Но я хочу сказать, что, видимо, какие-то политические переговоры шли. Душманы использовали факт национального примирения для того, чтобы восстановить разбитые и разгромленные базы, восстановить свою инфраструктуру, и к концу 1987—началу 1988 гг. боевые действия разгорелись уже с небывалой жестокостью.

А вот само лето 1987 г. и осень были спокойные.

И ещё мне заполнилась история с моим товарищем. Он был переводчиком 81-го пехотного полка этой же дивизии. Они десантировались, вернее, мы десантировались — наш полк и его, но вертолёт с его советником и им самим попал в аварию, которая на самом деле таковой не была: при десантировании пилоты, видимо, совершили ошибку и винтами порубили часть десанта, в том числе, и военного советника — ему снесло голову. И вот у **Во-**

луди на глазах винт вертолѐта снес идущему впереди советнику полчерепа.

Это был такой психологический удар для него, что он долго не мог прийти в себя даже после госпиталя (он неделю или две лежал в госпитале — ему сняло кожу с макушки черепа — ударило винтом). Он живой остался, но от того, что на его глазах советнику снесло череп и мозги так разбросало по разным сторонам, в том числе и на него попало, он был долгое время деморализован.

Ну, и, естественно, после того как они десантировались и военный советник погиб, переводчик и не нужен был возле командира полка без советника, Его и радиста оставили с погибшим военным советником, чтобы можно было выйти на связь, попросить «вертушку», чтобы транспортировать тело военного советника.

Володя, видимо, был в шоковом состоянии, когда выходил на связь со штабом дивизии и на вопрос — жив ли советник? — растерялся и сказал, что советник ещё шевелится, вроде бы дышит.

Это бывает иногда, когда сердце очень крепкое, что человек уже практически мёртв, но продолжает вроде бы как дышать. То есть какие-то функции ещё сохраняются, но не сама жизнь; человеку без половины черепа помочь уже, конечно, невозможно.

Тут, видимо, вопрос решался с вертушкой: если ранен, то и вертушка нужна срочно. А когда идут боевые действия, особенно десантные операции, то лишних вертушек, как правило, нет. Поэтому, естественно, вопрос был очень важен — какой-то взвод не будет десантироваться, потому что нужно найти вертушку и доставить раненого из-за того, что **Володя** по ошибке сказал, что советник ещё жив.

А потом сказал: «Извините, советник не был жив, у него половину черепа снесло, но он дышал». «Да как он может дышать!» — ответили. Был у нас такой команду-

ющий зоной Юг — генерал **Ушаков**. Он сказал: «Не можешь доложить правильно! Ты офицер или не офицер?» А **Володе** тоже досталось винтом по голове, и, может, он не мог действительно реально оценить обстановку.

Потом, когда подводили итоги этой операции, всех хвалили. А **Володе** вместо награды достался один русский мат.

Мне было жалко его. Я бы не смог так поступить с человеком, который пережил такой трудный момент. А его ещё и матом крыли.

Но это было, в принципе, принятое отношение к переводчикам — их не всегда ценили. Иногда смотрели на нас как на простых солдат. Хотя воинское звание младший лейтенант — это уже офицер.

Нашему курсу одному из немногих посчастливилось вернуться из Афганистана в полном составе. Были, конечно, ранения у некоторых незначительные.

Насколько я помню, **Вася Дьяков** был ранен в голову. Вроде было незначительное ранение, а впоследствии оказалось для него драматичным, потому что был задет какой-то нерв, и **Вася** до сих пор чувствует себя неважно.

У других ребят тоже были ранения, и многим очень часто болели. Тиф, гепатит. Я трижды переболел. И когда я приехал в отпуск сюда, то я чувствовал себя не очень хорошо. Прошёл обследование и врачи почему-то констатировали, что я переболел желтухой.

А я не знаю, как это получилось, не заметил даже. А как там заметишь, когда воюешь два месяца, есть у тебя температура, или нет, кто там будет смотреть на твоё состояние. Идёшь вперёд, пока идёшь, — молодец! (*Смётся*). Упал, значит, на вертушке отвезли тебя обратно в госпиталь. К тому же трудно узнать, повышена ли у тебя температура, если там в тени летом иногда температура воздуха выше +50° и измерить температуру тела или

почувствовать её невозможно. Всегда ходишь потеешь, пока есть вода. А вода заканчивается в организме, кожа становится сухой, и чувствуешь себя при такой температуре ужасно.

Обычно боевые действия не ведут при такой сильной жаре. Но противник навязывает свои условия, и солдатам не приходится выбирать.

Галиев Максим Хайдарович,
майор, преподаватель кафедры восточных
языков Военного института*

Если говорить о том, как я стал военным переводчиком, то моя история довольно проста: я пошёл по стопам своего отца, который закончил Военный институт в 1976 году. Он был арабистом, знал арабский и английский.

Соответственно, я тоже выбрал эту профессию и после школы в 1993 г. поступил в Военный институт, который тем же летом был переименован в Военную академию экономики, финансов и права.

Довольно долго наше учебное заведение реформировали. Потом объединили, и оно стало называться Военный Университет.

Я закончил учебу с красным дипломом в 1998 году. Хотя это не говорит о способностях, но всё равно приятно — внуков воспитывать на своём примере.

Я не был москвичом и меня направили служить за пределы Москвы — в Московский военный округ в Рязани — в Рязанское десантное училище.

Мне повезло, потому что сразу же я был вовлечён в работу. В бюро переводов, где, как оказалось, была не-

---

* Запись произведена 23 января 2006 г. на кафедре восточных языков Военного университета к.и.н. полковником **Токаревым Андреем Александровичем.**

обходимость именно в переводчике арабского языка, поскольку осенью приехали туда четыре алжирца для обучения в течение года в Рязани.

Я был единственным у них переводчиком. И переводчик, и нянька, и большой помощник во всех их делах, поскольку русского языка они совершенно не знали. Я тоже учился у них (языку) потихоньку.

Особенно запомнилась первая встреча. Мне сказали: «Сейчас поедете на вокзал — там приедут алжирцы, — вы их заберёте и привезёте сюда в училище».

Мы приехали на вокзал — приезжает поезд, мы ждём. Из последнего вагона, гляжу, выходят люди, довольно смуглые, трое из них были капитаны, а один — старший лейтенант. И тут я, конечно же, подошёл, поздоровался. Они были рады услышать родную речь.

Итак, встретил я их, и мы пошли представляться к начальнику училища. Ну, дальше работа — по шесть часов занятий пять дней в неделю.

Сначала лекции — это хорошая практика для переводчика. Вырабатывается навык и уже не приходится бояться нового материала. Всё это сам проходишь, сам усваиваешь.

Эти одногодичные курсы офицера воздушно-десантных войск по тяжёлой десантной технике были очень полезны и для приехавших алжирцев, и для меня: тяжёлая десантная техника — грузовые платформы типа **П-74**, соответственно, многокупольные парашютные системы.

По программе у нас было десять парашютных прыжков. Совершали мы их все вместе, поскольку было сказано, что без помощи переводчика они не смогут адекватно реагировать на команду в самолёте. (*Смеётся.*) Потом надо было их собирать на площадке приземления и тому подобное.

Это тоже интересный опыт. Мы работали как одна

команда. Первые прыжки были у нас зимой на снег. Здорово было.

Я был старшим в этой группе. В какой-то степени и задачи командира, и подготовка к полёту, составление списков, экипирование группы, прибытие в нужное время, вызов машины— всё на мне лежало..

Едем на машине, надели парашюты, в валенках, как положено зимой, в полевой форме, приезжаем на аэродром Дягилево. Там стоит труженик «Ан-2»: бежим срочно по снегу к «Ан-2» с работающим двигателем.

А в самолёте, когда он взлетел, я совершил одну ошибку, за которую инструктор меня крепко отругал (в самых сильных выражениях). Я пристегнул карабин, что не допускается, это — нарушение.

Получив такой нагоняй, я хотел как можно быстрее покинуть самолёт. И не было страха никакого.

Нельзя сказать, что всё обходилось без конфликтов. Пару раз возникало напряжение, когда алжирские офицеры, которые были старше меня, не совсем понимали некоторые моменты.

В армии порой бывают ситуации, когда надо красить траву, привязывать листочки к деревьям (перед приездом начальства). Иногда это касалось и алжирских офицеров.

Порой приходилось им ждать подолгу машины, либо их привозили куда-то, а там в тот момент не было боеприпасов. И мне приходилось быть буфером между ними и нашими офицерами, как-то смягчать сложные моменты, уменьшать негативное впечатление. В целом им всё же очень нравилась наша военная подготовка, уровень нашей армии. С уважением большим относились. Я стал им другом, старался во всем помогать.

Весело было. В Москву мы с ними ездили. В посольство своё они периодически приезжали.

В результате они успешно выпустились, с хорошими впечатлениями от нашей страны.

И когда я их отправил, мы как друзья расставались. Потом, будучи уже в Алжире, я с ними пересёкся.

Так сложилось, что после года работы в Рязани меня направили в командировку в Алжир в качестве переводчика в училище практического применения технических средств. Расположено оно было в пригороде (Эль Фарраш) столицы страны.

Фактически, это училище тыла. Там был наш преподаватель одной из дисциплин, полковник. Там же при училище был танкоремонтный завод.

Ещё там работали два наших специалиста по ремонту — майор и подполковник. Все были с семьями. Я — один.

Жили в хороших условиях. Мне вообще по контракту полагалась комната, но комнаты отдельной не было, и мы жили в трёхкомнатной квартире.

Тогда в Алжире было небезопасно: ещё сильно проявляли себя различные фундаменталистские организации, члены которых начали убивать иностранцев, в том числе и военных — тех, кто имел отношение к правительству.

Поэтому нас охраняли. Жили мы в военном городке, который находился практически рядом с училищем. Выходили из училища и буквально через 20 метров оказывались на территории, огороженной забором с колючей проволокой и охраняемой автоматчиками.

Мы выезжали в город. Нас туда возили под охраной — человека три-четыре, включая водителя. Все сержанты. У них были пистолеты ТТ. Их носили, конечно, скрытно.

Но это интересное ощущение, что как будто в тюрьме находишься: ты ходишь и с тобой конвой. *(Смеётся.)* Хотя это и незаметно, но ты знаешь об этом.

Но нападений не было на нас. Потому что всё было в тайне. Может быть, только охранявшие нас сержанты могли оценить адекватно — куда ехать опасно. И нас не

езде возили. Были места, куда командование нас не разрешало возить.

Так бывало, что старший нашей группы требовал нас вывести в некое место для покупки продуктов, а начальник училища запрещал выезжать туда. Говорил, что он оценивает опасность, знает, где она может быть. В общем, правильно поступал.

Моя работа заключалась в переводе лекций, в организации командно-штабных учений. Работали на картах.

Наш преподаватель разрабатывал учение. Потом приходил солдатик (писарь, который очень красиво писал) и наносил знаки на реальную большую карту.

Потом всё это отработывалось и с местными офицерами, которые проходили цикл дополнительного образования в этом училище. Хотя я попал в училище в то время, когда курс заканчивался и уже не было той активной работы. Очевидно, моему предшественнику пришлось побольше поработать.

Он был известным человеком, на два курса старше меня. Он был старшиной на своем курсе и выпустился в 1996 г. — звали его **Владимир Мацай**.

Он уехал раньше, чем прибыл я, но оставил все свои материалы.

Я пробыл в Алжире недолго. Это было связано с тем, что контракт заканчивался к концу 1999 г. (а приехал я 15 сентября того же года), и подполковник, с которым я работал как переводчик, должен был уехать.

А мне, как переводчику, не могли найти другое место в Алжире, поскольку там в основном наши переводчики с французским языком, а арабистов там было всего три должности.

И я уехал оттуда, сохранив хорошие впечатления. Прекрасная страна. Сейчас там, наверное, более безопасно, насколько мне известно.

Ещё до моей службы там, когда я был курсантом, в Алжире погиб наш переводчик. Он проживал в городе, и когда поднимался к себе в квартиру, его зарезали на лестнице. Была и такая история.

Нас особо не возили по экскурсиям. Зато мы ездили на специальный огороженный охраняемый военный пляж на море. Очень чистое море. Очень красивое место. Рыбу видно под водой далеко. Но потом похолодало и мы больше к морю не ездили.

Мы были в музее вооружённых сил Алжира. Замечательный музей. Там была показана история развития самых древних вооружённых формирований, которые существовали на территории Алжира, начиная от копий с каменными наконечниками и заканчивая войной за освобождение Алжира от французского господства.

Были представлены орудия пыток, применявшиеся французами, в том числе устройства, подававшие электрический ток к разным частям тела человека, которого подвергали пытке, и гильотина (настоящая), использовавшаяся французами для казни борцов за независимость.

Был кусок фюзеляжа французского самолёта, сбитого алжирскими повстанцами. Были фотографии, показывавшие факт использования напалма на территории Алжира.

Наше военное сотрудничество с Алжиром в те времена особо не афишировалось. Хотя кое-где у нас пишут, что в то время Советский Союз помогал Алжиру оружием и военными специалистами.

Я смотрел книгу отзывов посетителей музея, а также видел подарки, которые там были представлены. И я обнаружил декоративную тарелочку от службы внешней разведки России.

Там так было написано. *(Смеётся.)* Очевидно, туда приезжала соответствующая делегация и связи существуют.

К переговорам на более высоком уровне меня не привлекали.

Потом все переговоры, касавшиеся чисто технических вопросов, велись на французском языке, потому что сами алжирские офицеры лучше владеют французским (техническим), чем арабским. Ведь арабский язык для алжирских офицеров — изучаемый.

У меня было два интересных случая, когда пришлось столкнуться с русскими в Алжире.

Первый случай был, когда мы выезжали за продуктами в столицу и наш автобус стоял у магазина. Мои коллеги были в магазине, а я вышел и стоял на улице около автобуса.

И тут идут две девочки старшего школьного возраста — одна тёмненькая, другая посветлее. Они слышат, что кто-то разговаривает по-русски у нас в автобусе. Они проходят, потом возвращаются и одна из них — светленькая — спрашивает по-русски:

— А вы русские?

Мы стали её расспрашивать и оказалось, что её семья наполовину русская. Мать её вышла замуж за алжирца, когда он учился в Советском Союзе. Соответственно, русский язык знает и их дочь. Когда девочка услышала русскую речь, она удивилась и решила спросить — что за люди?

Это был первый случай. А вторая встреча произошла, когда мы (я, один наш специалист — майор, его жена и их дочь лет трёх) были в большом торговом центре столицы недалеко от памятника погибшим героям.

Девочка бегала, и вдруг к ней подошла женщина и говорит: «Такая красивая девочка? Кто твои мама, папа?»

Оказывается, эта женщина работает парикмахером, тоже вышла замуж за алжирца. У неё трое детей.

Есть наши соотечественники в этой стране ещё и с

тех времен, когда у нас были очень интенсивные контакты, потому что много алжирцев училось у нас.

Мы жили фактически в пригороде столицы. Одна из местных достопримечательностей — тюрьма.

Запомнились некоторые моменты. Например, разница культур — подход к человеку совершенно разный. У нас был случай, когда мы в один из выходных дней ехали на машине. Обычно в четверг-пятницу нас возили в магазины закупать продукты. И тут наш полковник говорит: «Переведи: пусть нас отвезут в район Гулие. Мы там купим продукты».

На что старший охраны, сержант и водитель, говорит, мол, я вас туда не повезу, потому что — вот моя путёвка и я не имею права вас туда везти.

На что полковник возмутился и ответил, как это ты, сержант, и не подчинишься полковнику! Переведи ему чтобы вез нас туда, сказал он мне.

Я говорю: «**Анатолий Фёдорович** (он был страшим группы из четырёх офицеров включая меня), не стоит, это бесполезно».

— Я тебе приказываю. Давай, переводи.

Я перевёл, но они не послушались.

И когда мы вернулись в училище, наш полковник начал грозиться, мол, я им сейчас покажу, кто я такой. Пойдём к начальнику училища.

— **Анатолий Фёдорович**, не стоит.

— Нет, пойдём, разберёмся.

Ну хорошо, я подчинился.

Начальник училища был тоже в звании полковника, но их звания не сравнимы с нашими. Их полковник, считай, как у нас генерал.

Поднялись к начальнику домой, на третий этаж. Стучимся. Открывает его жена.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Мы — русские, хотели бы поговорить с начальником училища.

— Хорошо, сейчас.

Она пошла в комнаты. Оттуда стали доноситься очень недовольные, даже можно сказать скандальные крики.

Опять же мило улыбаясь, жена его вернулась и сказала:

— Он вас не может сейчас принять — извините.

— Как? Что?

— Извините, он вас принять не может.

И дверь закрыла. *(Смеётся.)*

Потом на следующий день мне звонит секретарь начальника училища — капитан **Узглай**. Он был в хороших отношениях с нами.

Он объяснил, что мы совершенно неправильно поступили. Нельзя к начальнику училища приходить в его выходной день. Перед этим он ночью был на дежурстве. Помимо этого, он ближе к вечеру должен был ехать на похороны погибшего товарища. А вы, мол, приходите, его будите по такому вопросу, из-за которого не надо к нему подходить. Для решения таких вопросов есть соответствующие инстанции. Ваш водитель-сержант поступил правильно, что вас не повёз.

Получается, что наш полковник решил поступить чисто по-русски. Пошёл, решил махнуть шашкой, чтобы сказать — дайте команду.

А нам капитан объяснил, что надо было идти к дежурному по училищу, который в отсутствие начальника всей властью обладает. А для решения вопросов, требующих участия вышестоящего начальства, есть специальные офицеры, которые беспокоят начальника училища. То есть действуют по военной иерархии.

У нас в подобных случаях поступают совсем иначе: принимают волевое решение. А в Алжире, там всё по-европейски.

Я не буду говорить фамилию нашего старшего, потому что он, возможно, ещё служит, он в свое время преподавал в Академии Фрунзе.

Когда я работал в Алжире, там было много переводчиков; работали военные вертолётчики, моряки.

Конечно же, были сложности с алжирским диалектом арабского языка. Хотя я год проработал с алжирцами и мне казалось, что проблем не возникнет.

Но когда я приехал в Алжир, то понял, что глубоко ошибался, потому что будучи в России, алжирцы как-то подстраивались под меня, старались говорить на литературном арабском языке, чтобы мне было понятно, и продолжить процесс обучения.

В Алжире офицеры в чине майора, подполковника и полковника — уже не церемонились особо и вставляли французские слова, где им заблагорассудится. И тут уже приходилось выкручиваться. Дело в том, что для алжирских офицеров арабский технический язык — это — изучаемый язык, изучаемый с французского языка.

Но у меня был помощник — очень хороший парень. В то время он был младшим лейтенантом национальной службы. Фактически, это как двугодичник после института. Он отучился в Москве лет шесть, прекрасно владел русским языком, в том числе и матерным.

И любое новое слово, которое вызвало у меня проблемы, он мне объяснял, я всегда мог обратиться к нему, носителю арабского языка, который ещё прекрасно владел русским.

Кроме того, там выходила молодежная газета, она называлась «Эл араб». И часть стайей были на литературном языке, часть — на алжирском диалекте: можно было изучать не только звучащую речь, но и напечатанную, и разбираться в ней. А ещё я смотрел телевидение.

На телевидении употребляли диалект и французский язык, и ещё кабийский язык (один из берберских язы-

ков).

У меня с алжирцами были очень хорошие отношения. Они продолжались с того времени, как я работал с ними в Рязани.

Один из них приехал (с разрешения своего командования на контакт с иностранцем, как положено), привёз мне подарок. Пригласил меня на ужин. Это уже показатель того, что они относились к нам прекрасно.

Ну и когда мы уезжали из Алжира, то начальник училища полковник **Грис**, с которым я работал, принёс подарки. Было очень приятно, хотя это, может быть, восточная традиция – они к этому более щепетильно подходят.

Алжирцы высказывали положительное отношение к нашей стране, нашему сотрудничеству, но, с другой стороны, немножко с сожалением смотрели, как Россия пытается усилить свой вес на международной арене и как иногда неудачно решает некоторые вопросы. Но алжирцы, во всяком случае, были всегда на нашей стороне, а не на стороне Запада.

И даже говорили, что из такой-то ситуации вы можете получить большие дивиденды, что в России огромный потенциал, они верили в нас.

Алжирцы были заинтересованы в расширении сотрудничества с нами, поскольку военная техника у них почти вся наша.

Я переводил дисциплины, свойственные любой военной академии, по управлению войсками службы штабов, ремонту и эвакуации техники.

А специалисты наши работали с артиллерийскими комплексами, состоящими из артиллерийских батарей и командно-штабной машины, которая рассчитывает прицел. Они обеспечивали ремонт командно-штабных машин.

Конечно, когда было необходимо, приходилось по-

казывать пример – как работать на технике, когда принимающая сторона просила показать что-то сделать. Конечно, показывали. Поскольку я был единственным переводчиком с арабским языком на четырёх специалистах, а наши два офицера-ремонтника по контракту не имели переводчика, то когда я находился рядом с ними, помогал им с переводом, хотя это контрактом не предусматривалось. Но там среди алжирских офицеров были учившиеся у нас, например, в Пензе в артиллерийском училище. Они помогали, говорили сломалось то-то, надо отремонтировать. А когда речь шла о заказе запчастей, тут они разводили руками: пусть, мол, лучше ваш переводчик напишет по-арабски и мы закажем.

С другой стороны, у алжирцев было стремление готовить свои национальные кадры.

Сейчас сотрудничество идет отнюдь не на бескорыстной основе.

Мне рассказывали, что в военном городке, где нас проживало фактически четыре семьи, в свое время было очень много русских специалистов, была большая колония.

Там сохранилась библиотека, в том числе и полное собрание сочинений Ленина на французском языке. Был киноаппарат и куча фильмов к нему. Там была должность начальника клуба, и заведовал им наш советский прапорщик в своё время.

Нельзя сказать, чтобы они предпочитали только наших военных специалистов. Приезжают и китайские специалисты. Алжирцы непротив использовать и их опыт. Тут рынок. С точки зрения идеологии, у них (алжирцев) сейчас своя позиция и у нас общих позиций нет, но в целом, как они говорили, они против того, чтобы в мире был один хозяин, как сейчас США.

И когда есть какая-то сила, которая может в какой-

то степени, хотя бы отчасти уравнивать эту силу, — это хорошо.

В то же время они были отрицательно настроены к французам, припоминая всегда, что восьмилетняя война за независимость унесла три миллиона жизней алжирцев, что французы были эксплуататорами. Хотя за 132 года, что французы там были, они привнесли многое из европейской культуры, и французский язык сильно там закрепился. Много было построено Францией промышленных объектов. Но были и свои минусы во время французского владычества в Алжире, к примеру, французы считали местное население недостойными дикарями.

Мне довелось работать в основном с офицерами. Они получают не многим меньше, чем служащие нефтяных компаний. В то время я, лейтенант, получал зарплату в России не больше 50 долларов в месяц в 1999 году. А когда алжирцы (в чине старшего лейтенанта) приезжали к нам, то они получали 800 долларов.

В Алжире у каждого младшего офицера был свой дом, своя машина. Никаких материальных проблем у них не было. Жили очень хорошо.

У них в отношениях чёткая субординация. Даже офицер к старшему по званию относится с большим трепетом и очень исполнительен.

Наказания есть. Я сам видел, как однажды провинившегося заставляли отжиматься от земли в присутствии сержанта, но не видел, чтобы применяли физическое насилие. Хотя я в солдатской среде не был.

Там, где я жил, было две столовых — для офицеров и для рядового и сержантского состава.

1 ноября каждого года они празднуют День независимости. Нас пригласили в большой ангар, превращённый в солдатскую столовую, — длинные лавки вдоль столов.

Сидел рядовой состав. Во главе стоял стол для начальника и руководства училища, и нас туда посадили.

Начальник училища встал, поздравил всех. Потом все сели за праздничный стол и вместе участвовали в трапезе. Трапеза, конечно, безалкогольная. Там у них популярны газированные напитки. Всё было замечательно. Нам и национальную еду подкладывали (например кус-кус – дроблёная пшеница, овощи, мясо) – давай, поешь побольше.

Я уехал из Алжира 27 декабря 1999 г., потому что контракт заканчивался 31 декабря. Я пробыл там 3,5 месяца (с 15 сентября).

Поскольку я оформлялся на работу в Алжир на срок до двух лет, а пробыл всего 3,5 месяца, мне была предложена возможность поехать в состав миротворческих сил после отпуска. Но на этот раз я работал с английским языком.

Я попал в состав миротворческих сил в Косово, где находился наш контингент, 22 февраля 2000 г. и пробыл там до 11 сентября 2001 года. Знаковая дата – как раз в тот день мы улетали.

Получилось так, что я попал переводчиком в 27 авиагруппу. Там было 11 вертолётов. Стояла авиагруппа на аэродроме Приштина, точнее, в небольшой деревне Вреля.

Там единственный в Косово приличный аэродром, который может принимать большие самолёты – взлётно-посадочная полоса (ВПП) в 2,5 километра.

Перед отъездом был небольшой инструктаж. Проводили, сказали: «Ребята, никакой самодеятельности, слушаться старших».

Тогда была группа курсантов с факультета восточных языков – китаисты и персы, которую направляли на работу, и я вместе с ними на ту же должность бортового переводчика отправлялся.

Бортовым переводчиком я не работал, но когда был курсантом, проходил курс бортового перевода (короткий

— всего 48 часов), и пока я был в отпуске, взял пособие по бортовому переводу.

Это были довольно стандартные фразы, которые существуют в радиообмене, и хотя я поехал в Косово без опыта, но тем не менее какая-то подготовка уже была.

Летели мы туда не в комфортных условиях, как в Алжир, на «**Боинге**», а улетали с аэродрома «Чкаловский» на военно-транспортном **Ил-76**. Мне этот самолёт был знаком, поскольку в Рязани мы обучались тому, чтобы использовать эти самолёты для прыжков.

Там в самолёте делается второй ярус (второй этаж), в который и сажаются люди. Нас и посадили в самые комфортные места — там теплее было.

Мы взяли с собой по комплекту зимней полевой формы. Нам казалось, что мы направляемся в полевые условия. Может быть, вначале они и были полевыми, учитывая общую разруху, которая там осталась после налётов Натовской авиации на Сербию. Но потом руками наших военнослужащих многое было восстановлено, многое было приведено в рабочее состояние. И мы сами себе создали вполне приемлемые условия службы и быта.

Мы прилетели, нас всех построили. Собрали документы. Потом рассадили по машинам — это происходило на огромном аэродромном поле. Всё дико и угрожающе выглядело. Нас было семь человек переводчиков. Курсанты — шестеро — сменяли своих товарищей, которые служили там полгода до них.

Приехали туда на бортовой машине, с вещами. Приехали в город на территорию части, огороженной колючей проволокой. Стоят какие-то казармы, бараки непонятные.

Нас повели в казарму. Она оказалась довольно холодной. Все мы были в тёплом полевом обмундировании.

Нам показали потом несколько таких же, но разбомбленных казарм, от них осталась груда кирпича.

В нашей казарме были комнаты, как бы кубрики, в них стояли двухъярусные койки.

Всего в кубрике жили 12 человек. Там мы и расположились. У меня был второй ярус.

Потом нам стали показывать, где можно ходить, а где нельзя. По земле лучше не ходить, только по бетону. Много мин, конечно, разминировали, но мало ли что. Потом наши сапёры собрали оттуда всё, что представляло опасность.

Столовую показали офицерскую. Там были в основном наши офицеры и прапорщики. В то время наш контингент насчитывал примерно 3 000 человек.

Было несколько тактических групп в разных областях края Косово. Каждая группа – фактически батальон. Одна группа – в американской зоне. Другая – во французской, там располагались прямо в палатках, в низине, постоянно топили печки-буржуйки. Было сыро, хотя и положили гать и подстилку сделали.

Но всё равно наши ходили по территории батальона только в резиновых сапогах. Справили баню – как обычно, наши военные сразу обустривают свой быт.

Там были землянки, которые остались ещё от югославов.

Нашими солдатами было захвачено здание аэропорта в Приштине. Об этом многие рассказывали (кто участвовал), а я расспросил об этом подполковника **Павлова**, который привёл из Боснии батальон. Точнее, не батальон, а меньше даже. Он сейчас служит в Рязани, возглавляет кафедру повседневной деятельности и руководства войсками в мирное время в училище ВДВ. Он действительно настоящий и думающий офицер и может быть образцом для других.

Я потом сталкивался с ним в Рязани, когда меня направили на приём абитуриентов в лагерный сбор, и у меня сложилось мнение, что таких толковых офицеров,

как он, — не много, но в десантных войсках они почему-то ещё остались.

Они, кстати, после того, как пришли наши другие подразделения на аэродром Слатина, вернулись в Боснию.

В армии нет никакой самостоятельности. В армии всё это делалось по указанию из Москвы.

Рассказывали, что там среди десантников, каким-то образом затесался генерал* — фамилию его все знают, который, когда дело дошло до попыток натовцев выдвинуть нас с аэродрома, в свою очередь пытался склонить подполковника **Павлова** к тому, чтобы пойти на поводу у натовцев, тот даже не стал слушать его и поступил так, как было ему приказано из Москвы**.

Приказ есть приказ, даже если рядом находится генерал, который говорит: делай по-другому.

У меня был служебный паспорт, но без визы, поскольку формально Косово — территория Югославии, но реально — самостоятельное государство: а курсанты, и те военнослужащие, которые были в первом контингенте, имели только наши военные документы. И потом

---

* Генерал **Виктор Заварзин**.

** Позднее выяснилось, что натовцы хотели попросту разбомбить, якобы случайно, наших десантников. Но американский генерал — командующий — посоветовался с английским по этому поводу, на что тот разумно ответил, что начнётся Третья мировая война. И американец не рискнул. И лишь недавно выяснилось, что в Средиземном море было три российских многоцелевых атомных подводных лодки, каждая способна потопить до 52 крупных боевых кораблей (в частности, на вооружении каждой лодки по 24 крылатых ракеты, каждая из которых способна отправить на дно авианосец). В случае получения приказа по меньшей мере 70 кораблей, включая все 17 авианосцев стран — членов НАТО, находившихся тогда в Средиземноморье, были бы потоплены (некоторые специалисты полагают, что три российские подводные лодки могли потопить до 150 тяжёлых боевых кораблей стран НАТО). *(По материалам Интернета.)*

была целая эпопея, как делали им служебные паспорта. Очень пришлось попотеть нашим деятелям из главного управления международного сотрудничества. Курсантов и военнослужащих начали оформлять уже после прибытия в Югославию, задним числом. Это же была наша авантюра, российская, только потом юридически оформили соглашение с натовской стороной о разграничении сфер влияния.

Натовцам пришлось идти на компромисс с нами, а на самом деле — это всё была авантюра (правда, цель-то хороша), но, с точки зрения международного права, неправомерная.

А потом и командование, и политики облачили это в удобоваримую международно-правовую форму.

Но американцы подвергли бомбардировке Югославию, мягко говоря, тоже незаконно.

Когда мы туда летели, то на Чкаловской есть таможня и нас проверяли, и обратно тоже проверяли, но на самом деле, если говорить честно, то это же военный аэродром и там все немножко проще. И когда мы 11 сентября 2000 г. возвращались — прилетели в Тулу, а там нет рентгеновского аппарата, — то таможенники работали на чутьё: смотрели в глаза, задавали вопросы и не проверяли вещи у всех.

Работа наша в Слатине заключалась сначала в обеспечении полетов наших вертолётов, поскольку они летали по правилам международной авиации и радиообмен должен быть на английском языке, которым наши экипажи не владеют: на то есть бортовой переводчик и управляет движением натовская сторона.

Вертолётчики наши обеспечивали перевозку нашего руководства для различных инспекций, для эвакуации возможных потерь, если они произойдут в одной из тактических групп и нужно будет эвакуировать больных или раненых — госпиталь был недалеко от Приштины; потом

вертолёты должны были сопровождать наши колонны, чтобы не было на них нападения. Но реально колонны сопровождали всего два и нападений не было, потому что албанцы нас боялись, и это хорошо.

Мы не относились к миротворцам ООН, а назывались РВК – Российский воинский контингент в Косово. Когда я туда приехал начинался уже его закат и он существовал чуть больше года – сократили его сначала с 3000 до 600 человек; потом произошли изменения: десантников отлучили от миротворческой деятельности – это хлебное место, где даже солдат-контрактник получал больше тысячи долларов, и укомплектовали миротворцев пехотой из состава Московского военного округа.

Они похуже, конечно, подготовлены, чем десантники, и потом сменился у нас президент, и в конце концов было принято решение, что этот контингент не нужен и расходы на него себя не оправдывают. И все 600 человек вывели. Там также было много боевой техники – и её вывели.

Когда я там был, активных боевых действий не было. Мы занимались в основном аэродромом, находившимся в плохом состоянии после бомбёжек, нужно было его восстанавливать.

Аэродром начал работать как гражданский международный. И нами было очень много сделано вместе с ООН, с натовскими войсками. Мы не имели своих средств для восстановления, только занимались самодеятельностью. А они могли привлечь подрядчиков для ремонта полосы, заасфальтировать и построить новое здание аэродрома, выделять под это деньги.

У нас была, кроме эскадрильи вертолётов, и аэродромная рота. Они, помимо охраны аэродрома, обеспечивали метеослужбу вместе с англичанами и итальянцами, и поддерживали в рабочем состоянии взлётно-посадочную полосу и зимой и летом.

Кроме того, у нас была протокольная служба. Потом я перешёл на должность переводчика координационного центра. Мы проводили совещание с натовской стороной по текущим вопросам, чтобы поддерживать аэродром в рабочем состоянии для взлёта и посадки военнотранспортных самолётов. Поскольку даже малейший камушек, если его не убрать, может попасть в турбину и привести к поломке дорогостоящей техники. Это было единственное окно в Косово, куда могли идти поставки.

Все воинские контингенты там получали грузы по воздуху. И там садилось очень много транспортных самолётов; помимо грузов, привозили на ротацию личный состав. Они не по полгода сидели на месте, как мы, а чуть ли не каждые три месяца меняли личный состав. Они берегут людей. В столь суровых условиях не так долго держат. Поэтому нагрузка на аэродром была большая.

Решались даже такие вопросы, как отстрел собак на аэродроме, поскольку они выходят на взлётно-посадочную полосу и могут создать помеху и сломать стойку шасси у самолёта.

Решались и вопросы, связанные с прибытием различных высоких персон — президентов, министров обороны и так далее, которые навещали свои контингенты и проводили различные переговоры с местными лидерами, чтобы выработать какие-то политические решения. Решались вопросы их охраны, обороны. И наши десантники приходили и обеспечивали охрану и эскорт в пределах аэродрома.

При нас приезжал **Путин** летом 2001 года. Вместе с ним были и наши представители МИДа и министерства обороны. Нынешний министр иностранных дел **Лавров** был представителем при ООН — он бывал частенько у нас.

Мы пересекались и с местным населением. Сербов там было мало — почти все бежали. Они жили в отдель-

ных деревушках. Было ещё местечко Косово поле, где они жили, но пребывали в загнанном состоянии, чувствовали себя постоянно на прицеле у албанцев и очень плохо о них отзывались. Они рассчитывали на нашу славянскую помощь, и мы их надежды в какой-то степени оправдывали, насколько это было возможно.

При мне, кстати, ни албанцы, ни сербы не пересекались и старались держаться друг от друга очень далеко, потому что, я считаю, и у той и у другой стороны руки по локоть в крови и примирения между ними уже не будет никогда.

Что касается албанцев, то я не знаю, как они себя чувствуют на самом деле, потому что мы общались на английском языке лишь с небольшим количеством персонала, работавшего в аэропорту. К нам относились хорошо, возможно, не потому, что боялись нас, а потому что мы тоже выполняли свою работу. Они были или авиадиспетчерами, или другими наземными служащими. Они нам помогали и мы им оказывали поддержку.

Мы понимали, что прогресс остановить невозможно, что албанцы преобладают в Косово и это уже никак не изменишь. И всё равно этот район должен развиваться, там должны летать самолёты, запретить всё — это бессмысленно. И мы взаимодействовали с ними и у нас были с ними хорошие деловые отношения. И они шли на пользу этому маленькому кусочку земли.

Мы выручали друг друга, если было необходимо. Ремонтировали ведь взлётно-посадочную полосу ночью, британцы давали на время свой прожектор, работавший на дизель-генераторе, и наша аэродромная рота, в свою очередь, могла работать. И мы делились с ним, если надо — у нас была кое-какая инженерная техника, которая могла помочь. Мы находили пути взаимодействия с нашими небольшими возможностями.

Я к чему это говорю, — это всё частные ситуации,

а в целом мне показалось, что те же натовцы — они не такие чудовища, как мы их иногда представляем. Они тоже делают определённую работу, как любые военные. И все понимали, что мы здесь ради какого-то общего дела. И с ними можно общаться и работать. Хотя и попадаются люди среди них полные шпиономании, которые пытались или выудить какую-то информацию или как-то дискредитировать нас, но, в целом, это были единицы.

Политики — это очень опасные, грязные люди, которые сталкиваются лбами людей. А военные — солдаты и офицеры — они не хотели бы, чтобы были конфликты.

За полтора года службы там было очень много всяких ситуаций и были случаи, например, с финнами, с которыми мы дружили, как с соседями. Они поехали раз к нам в баню по лётному полю, и это увидел наш зам по тылу и приказал нашим десантникам их разоружить, вытаскивать из машины. Позвали меня, переводчика, и получилось, как у нас в институте предмет — «допрос военнопленных». Куда вы едете? С какой целью? Зачем вы пробрались на аэродром? Зам по тылу, который пребывал в нирване, было всё равно.

Бывали неприятные ситуации, когда приходилось стыдиться из-за наших крупных начальников. Разрулил ситуацию генерал **Букарев** и велел отпустить их.

Там был командир авиагруппы вертолётчиков — Герой Советского Союза полковник **Райан**, он тоже принял участие в разборе, чтобы замять происшествие.

А на следующий день приехал командир финского батальона и стал разбираться — хотел очень увидеть этого зам по тылу и посмотреть ему в глаза, но его спрятали. *(Смеётся.)*

Когда мы уезжали 11 сентября 2001 г., итальянцы вручили мне именную памятную табличку в виде щитка с моим именем и званием. Тогда я был старшим лейте-

нантом. Они уважали и ценили, что мы с ними взаимодействовали и работали.

Утром прилетел самолёт, но нас долго не выпускали – командование решало, что делать: в Нью-Йорке такое творится – самолёты небоскрёбы таранят. В конце концов командующий пожал нам руки, со всеми попрощался и мы полетели, но вместо Москвы попали в Рязань. Москва не принимала – боялись, что какой-либо из собственных военных самолётов может прилететь не туда, куда надо, и посадили его подальше.

Михаил Юрьевич Точигин, ПОДПОЛКОВНИК*

Я — преподаватель в звании подполковника. 25 лет служу в Вооружённых силах. С 1996 г. прохожу службу в Военном университете.

Закончил Ленинградское высшее военно-политическое училище по специальности политработник, или офицер стреляющий (ПВО) называется. Был предназначен для работы заместителем командира роты ракетного дивизиона как офицер наведения и параллельно должен был проводить политическую работу среди военнослужащих.

Училище было многоотраслевое. Оно готовило кадры для ВВС и, частично, для противовоздушной обороны и воздушной обороны сухопутных войск. Меня готовили для наземных комплексов **С-125** (сейчас их уже нет на вооружении), **С-200** (в резерве), **С-300**, **С-400** (на вооружении с недавних пор).

Я бы не сказал, что глубоко готовили нас — общее ознакомление. Я считаю, что подготовка в то время была недостаточна (именно, как стреляющего офицера), кроме того, мы готовились как политработники для ВВС.

Были такие авиачасти войск ПВО — истребители-перехватчики **МиГ-25****, **МиГ-31**, их ещё училище в

---

* Запись сделана 20 октября 2009 г. к.и.н. **Шубиным Геннадием Владимировичем.**

** **МиГ-25** ныне состоит в резерве ВВС России и ограниченно используется в качестве самолёта-разведчика. (*Прим. ред.-сост.*)

Кургане готовило: не летать лётчиком, а работать в воздухе с бортовыми системами (оператором бортовых систем)*.

Потом готовили ещё для противоракетной обороны и противокосмической, т.е. эти комплексы **С-300** предназначались для борьбы с крылатыми ракетами и ракетами с отделяющимися головными частями – стратегическими ракетами США и их союзников. Это было очень актуально. Этот комплекс был более эффективен, чем американский комплекс «**Патриот**», поэтому это была гордость страны. Он сейчас модернизирован и продаётся в некоторые страны в упрощённом варианте. Единственный минус – элементная база была крайне отсталая и **С-300** по надёжности уступал «**Патриоту**», потому что элементная база была 1960-х годов – максимум 1970-х. А американцы всё покупали у японцев и там всё на высшем уровне. Но наши были эффективнее. Например, мы могли вести одновременно 12 целей, они – только 2. Они уничтожали воздушную цель четырьмя ракетами, мы – двумя, т.е. эффективность была 98% уничтожения. Это было раньше. Это был 1986 год.

Сейчас всё изменилось. Думаю, что мы намного ушли вперед, и элементная база ушла вперед. Государство приложило максимум усилий, чтобы догнать западных «партнёров», потому что отставание было очень серьёзное. При наличии «железного занавеса» ничего не могли сделать с улучшением элементной базы, это моё мнение.

Я приехал после окончания училища в 10-й научно-исследовательский учебный центр (это в Казахстане, но он был московского подчинения). Станция **Сарышаган** – это восточный Казахстан, озеро Балхаш. Я был очень

---

* Для этих целей у перехватчиков **МиГ-25** и **МиГ-31** сделана двухместная кабина. (По материалам Интернета.)

удивлён, когда меня, отличника, туда отправили. Там, по историческим данным, **Чингисхан** коней не поил, а проживали там 50 лучших, умнейших офицеров нашей армии, которые пользовались этой (местной) водой. Через четыре года использования трубы, которые подводили воду к домам, проедались, а мы эту воду пили. То есть очищение было недостаточным... На здоровье сейчас всё это начинает сказываться.

Было удивительно, что двоечники и прогульщики поехали (по тем временам) в престижные места — Германию (Германскую Демократическую Республику), Заполярье (потому что год за два и огромный оклад). Туда, куда я просился, меня не пустили. Но **Сарышаган** — это было самое интересное место. Это научное объединение, где проводились испытания последних новейших научных разработок техники войск ПВО, противоракетной, противокосмической обороны.

Я обеспечивал испытательные работы, хоть у меня и нет инженерного образования, но там было огромное количество выпускников инженерных вузов, особенно ленинградских («Можайка» и другие) — умнейших людей. Там проводилась доработка **С-300** в экспортный вариант и там находится то место, которое сдал **Пеньковский** американцам. Я видел ракетные шахты, которые **Пеньковский*** сдал. Они были законсервированы (залиты бетоном).

Я узнал, что наша противокосмическая техника была намного эффективнее, чем американская (это и моё личное мнение). Например, если американцы видели объект как точку в космосе, то наша система видела очертания спутника**. Очень жаль, что после распада СССР всё это

---

* Полковник ГРУ СССР, расстрелянный в 1963 г. за шпионаж в пользу Великобритании и США.

** Ныне российская станция слежения за спутниками находится в

было брошено и растащено местным казахским населением на металлолом: варварским способом разбили всё, что там было. Им это было не интересно.

— **Когда вас перевели оттуда?**

— После распада СССР, в 1993 году. Я оттуда уехал, потому что непонятно было, кому это всё нужно. Кому-то нужно было эту станцию слежения за спутниками на баланс передать, но некому было её «кормить». Предложили передать казахской армии. Но тогда надо было принимать казахскую присягу. Я искал возможность уехать в Российскую Федерацию и продолжать служить в Российской армии.

В 1992 г. мне подвернулась возможность поступить в наш Военный университет на юридический факультет. Там было отделение для офицеров-юристов. Мне пришёл вызов. Но в июне 1992 г., перед самым отъездом, 20 солдат из моей роты (я был заместителем командира роты), захватив с собой **КаМАЗ**, бежали (через весь Казахстан) в Грузию (они были грузины). Тогда это было очень популярно: таджики бежали в таджикскую армию, грузины в грузинскую и т.д.

А так как я был замкомандира роты и отвечал за это, то, естественно, поступление моё на юридический факультет сорвалось. Уже тогда всё там (в военном городке) разваливалось. Произошла замена: если раньше военнослужащие обеспечивали город, то теперь...

Вы видели фотографии города после боёв? Город Приозёрск, в котором мы жили, представлял же такие руины, как в Сталинграде. Не было снабжения, водозабора и т.д., не было денег — солдат убрали, а местное казахское население было неквалифицированно. Поэтому водная система стояла замороженная, город остался без воды, без света. Кроме того, казахи не селились в опу-

стевших домах, которые мы освободили, а выносили рамы, двери и пр.

Там проживали немцы, русские, украинцы и казахи. Мне было странно, но лучше всех жили немцы, русские, украинцы, а казахи жили очень плохо.

Неожиданно всколыхнулся национализм казахский. Это было удивительно и неожиданно. Они требовали от меня конкретно: когда вы уйдёте — отдайте нам ваше жильё, вашу работу, мы хотим жить в ваших домах... Причём, агрессивность такая... Постоянно были нападения на офицерские семьи и офицеров со стороны молодёжи. Очень неприятный осадок остался. То же было в Алма-Ате: травили русских, заставляли их за бесценок продавать квартиры и уезжать. А придя к власти, они не смогли обеспечить эффективного управления...

Я добивался отъезда. Я был старшим лейтенантом, были отправлены документы на капитана, они «гуляли» где-то полгода. В итоге я обратился с заявлением на поступление в Военный институт физкультуры в Санкт-Петербурге (я в прошлом пловец) и, слава Богу, поступил.

Конечно, там не очень интересно было, но мне нужно было решить проблему моего проживания в России. Нагрузка была большая. И на меня начали валиться болезни, которые я заработал в Казахстане. Там же проводились ядерные испытания — повышенный фон. Потом, там очень сухой климат, дегидратация*. У меня был вес 90 кг, когда я уехал туда, а приехал я в Санкт-Петербург и весил 67 кг. Это результат 5 лет службы в Казахстане. А за службу в трудных условиях нам теперь уже не платят дополнительно.

Учиться мне понравилось, но... 1993—1996 гг. — это развал страны, армии; зарплату военным не платили по

---

* Обезвоживание организма.

полгода, бедные офицеры выкручивались, кто как мог. Вплоть до того, что ездили покупать и продавать — колбасой торговали, подрабатывали в охране, «бомбили»*, мы ездили продавать водку, сигареты, пиво в Финляндию, даже в Германию один раз заехали. Это, конечно, на грани криминала, но надо было как-то выживать.

В общем, отучился я с большим удовольствием. Это было второе высшее образование, я получил специальность преподавателя-инструктора по плаванию, преподавателя физической подготовки и спорта в высшем учебном заведении. По окончании был направлен в Москву, в Военный институт Министерства обороны. Это была Военно-политическая академия, она потом была Академия финансов и экономики, её объединили с Военным институтом иностранных языков и Военно-политической академией.

Приехал я в 1996 г., это уже называлось Военным университетом. Там я встретил много хороших, интересных людей. Например, **Игоря Ждаркина** я там встретил, — своего хорошего друга, который заинтересовал меня иностранным языком и предложил работу в миротворческих силах ООН. Начал со мной заниматься английским языком, чтобы я сдал экзамен; я закончил курсы военных наблюдателей ООН и поехал с ним. Курсы в Солнечногорске, двухмесячные. Я языка не знал совсем, но **Игорь** со мной позанимался. Потом я окончил 4-месячные курсы при университете и самостоятельно занимался. Наше командование не одобряло мои желания. Доблестный начальник кафедры 7 лет не пускал меня на эти курсы.

Потом я пытался съездить в Канаду, в командировку, чтобы там поучить английский, меня опять не пустили, мотивируя тем, что я хочу «Родину покинуть». А ведь это были уже 1990-е годы... Мне была эта мотивация уди-

---

* Занимались частным извозом на личных автомобилях.

вительна и непонятна: зачем мне эмигрировать, когда я хочу получить интересную специальность? На кафедре я выслужил максимальное звание — подполковника, никаких перспектив не было, а я нашёл сам себе перспективу — работник ООН, — хотел закончить курсы и работать, но 7 лет этому препятствовали, в частности, не пустили меня в Канаду.

В конце концов я закончил курсы в Солнечногорске* успешно. Курсы очень хорошие, эффективные, потому что приходится работать с языком 15 часов в сутки, очень много запоминать. Преподавание, общение — только на английском и, к тому же, учимся с иностранцами. Иностранцы, кстати, тоже очень хвалят эти курсы, потому что там упор делается на практическую часть, и преподают те, кто недавно был в миссии ООН.

Был у нас там подполковник **Шпак**, очень известный, который во многих миротворческих операциях побывал. Он меня хвалил, говорил, что я — физкультурник, без знания языка, освоил курс лучше, чем переводчики, которые не ходили, ленились. Я фактически поднялся до уровня выполнения обязанностей военного наблюдателя в миссии.

Но, конечно, в плане практики, я считаю маловато, но и то, что даётся, иностранцам очень нравится, потому что в игровой форме рассказывают основные ситуации при выполнении задач: это и минные поля, и попытки грабежа, и угоны машин в условиях, когда наблюдатель ООН не может не только иметь оружия, а вообще никак сопротивляться. У них статус такой, на основании этого они и допускаются в зоны конфликта для контроля соглашения между конфликтующими сторонами. Работа интересная.

---

* В 2009 г. данные курсы были закрыты и перепрофилированы в военный полигон.

Конечно, есть свои плюсы и минусы. Например, не было компьютера и Интернета на курсах, что вызывало удивление иностранцев. Но они учились у нас, мы учились у них. Мы у них многому научились: и языку, и про- изношению, старались понять их менталитет. Там были шведы и англичане. Шведы более близки нам.

Мне на курсах понравилось. Это были первые курсы, на которых я работал по 15 часов в сутки. Я был дово- лен результатом. Плоды терпения и усилий были сладки. Я хорошо закончил и получил направление на работу в миссию в качестве военного наблюдателя от нашей стра- ны, великой страны, которую все уважают. Конечно, несколько упало уважение в период распада, но сейчас опять вернулось. Потому что у нас сильный президент, и политика сильная.

Растёт экономический статус страны, и интерес растёт к России. К нам, как к русским, в миссии ООН самое пристальное внимание, следят за нами и прислу- шиваются. Прибывая в миссию, ты получаешь ещё ряд общественных нагрузок, например, отвечаешь за опе- ративную работу, сбор информации, гигиену... Плюс погрузка—разгрузка вертолётов, — мы должны полно- стью себя обслуживать: покупать продукты, готовить.

Покупается всё на местных рынках на собственные деньги, которые нам платят. Единственная страна, ко- торая не доплачивает, а удерживает — это Российская Федерация. Все страны платят 2—3 месячных оклада и оплачивают командировочные — 100 евро в день, у нас же только голые ооновские деньги, т.е. у европейцев по- лучается 5—10 тыс. евро, а у нас — 1500 долларов в месяц (приблизительно 1100 евро). Это очень небольшие день- ги.

Даже Малайзия, Хорватия платят до 10 тыс. евро. И они все удивляются, почему большая сильная бога- тая страна так мало ценит своих наблюдателей ООН, что

даже форму приходится покупать за свои деньги. Питаемся и едем в отпуск тоже за свои. Поэтому скопить денег в Западной Сахаре невозможно: надо же семью кормить. И работать в Западной Сахаре не выгодно, туда люди не стремятся, хотя это хорошая миссия в качестве учебной, там достаточно спокойно.

Там с 1991 г.* спокойно, это классическая миссия, правильно построенная, в которой уже проживают военные наблюдатели, правильно организовано снабжение. Всё чисто, спокойно. И обязанности выполняешь так, как написано в учебнике. Конечно, с английским там плохо — 90% офицеров ООН не англоговорящие, приезжающие с таким ужасным английским! Я думал, у меня плохой язык, а они у меня учились...

Ирландцы приезжали с жутким жаргонным английским языком. Французы не любят учить английский язык. В Африке франкофонные страны говорят по-французски. Туда (в франкофонные страны Африки) невозможно попасть в миссию ООН, не сдав тест по французскому языку, что, кстати, противоречит ооновским законам!

У ООН 6 языков — почему мы должны знать французский, а не русский. Рабочий язык в ООН — английский, значит, мы должны знать английский. В общем, в Западной Сахаре ужасный английский, примитивный, и если бы я самостоятельно не занимался, не слушал радио, телевидение, я бы опустил до их ужасного уровня.

Пробыл я там ровно год — с 8 февраля 2008 г. по февраль 2009 года. Работа военного наблюдателя заключается в наблюдении за конфликтующими сторонами. Было

---

* Это соглашение Марокко с фронтом **ПОЛИСАРИО**, ведшего с 1973 г. партизанскую войну с армией Марокко (до 1991 г.) и с армией Мавритании (до 1979 г.), в обмен на проведение в будущем референдума среди жителей Западной Сахары. (*Прим. ред.-сост.*)

подписано соглашение между конфликтующими сторонами, посредником, по желанию обеих сторон, была ООН. Естественно, ООН потребовала введения военных наблюдателей, которые следят за соблюдением соглашения. Противоборствующие стороны развели на определенное расстояние друг от друга и следят, чтобы они не стреляли, не воевали, а решали все вопросы путём переговоров.

Задача наблюдателя: ежедневно совершать патрулирование вдоль линии разведения сторон. В северной части Западной Сахары – это насыпная стена, метра 2–3, а в южной – песок, поэтому 1 метр, не больше. Где-то есть «колючка» (проволочные заграждения), какие-то другие заграждения. С марокканской стороны все минные поля почти обезврежены, а с другой стороны – нет.

ПОЛИСАРИО поддерживает Алжир, потому что все вопросы, естественно, из-за денег. Западная Африка чем перспективна: там огромное количество полезных ископаемых, которые лежат почти на поверхности. В Западной Сахаре – фосфаты (это алюминий), там есть уран, марганец, свинец. Мы летали на вертолёте, там огромные поля синего, красного, стального цвета. Как другая планета – можно снимать фантастическое кино.

Фосфат лежит прямо на поверхности – собирай и продавай. Красный – это марганец. Сотни квадратных километров красного или стального цвета. Местные власти собирают его просто с поверхности и продают. И, как водится в африканских странах, забирают себе всё. И в Мавритании и в Западной Сахаре простое население беднейшее, поэтому там всё время возникают конфликты и перевороты. В Западной Сахаре огромные потенциальные деньги, естественно, Алжир их поддерживает, потому что надеется на дивиденды.

Марокко считает эту часть Западной Сахары своей.

Местное население настроено на независимость. И даже население, живущее на марокканской стороне, хотя Марокко очень много сделало для них: построили города, дороги, воду провели, порты построили.

Западное побережье Африки очень богато рыбой, крабами, омарами. Я был в деревушках рыбацких, они добывают огромное количество омаров, крабов, жирной рыбы. Мы покупали там буквально за копейки омаров, которые стоят 100 долларов в Европе, там доллара за 4 можно купить. Кстати, там очень законопослушные арабы: принимают только местную валюту (дирхамы). У них полицейское государство, везде стоят полицейские, любое нарушение — тут же идёт доклад. Они очень законопослушны. Надо сказать, что население живёт неплохо.

Я считаю, что получать 100 долларов в среднем (в городах Марокко и Западной Сахары) это очень неплохо. Они строят себе 2-этажные дома с отоплением. Не все, конечно, так живут, но большая часть. Именно за счёт того, что присутствует ООН, которая большие деньги оставляет Марокко для обеспечения, никто не заинтересован в завершении конфликта, Марокко получает и от ООН деньги, и от Франции, и от Америки, а противоположная сторона (**ПОЛИСАРИО**) — от Алжира.

В пустыне марокканским военнослужащим очень выгодно служить, потому что они получают двойную, а то и тройную зарплату. Большая часть армии в пустыне находится, но большей частью не укомплектована, техника вся старая: американская, советской техники очень много, американские танки **М60** (пушка калибра 105 мм) есть, австрийские старые танки «**Кирасир**» (пушка калибра 105 мм).

Видно, что воевать они (марокканцы) не собираются — по линии огня стоят старые ржавые танки, у которых даже снято всё вооружение. Никакого стрелкового ору-

жия на точках нет, только на руках стрелковое оружие, и то без патронов. Из лёгкого вооружения — автомат **Калашникова** румынского производства и бельгийская винтовка **FN FAL** (по надёжности, пожалуй, второе оружие после автомата **Калашникова**).

Сейчас идёт подковёрная борьба между США и Францией за возможность продавать оружие Марокко. Они покупают технику у американцев, за что те обещали поддержать их требования на автономию Западной Сахары. Алжир, естественно, против. Тайком офицеры-марокканцы мне говорили, что они среди всех наций (французы, американцы, канадцы) уважают больше русских, потому что и люди и страна у нас сильнее. Но сказали тихонько, чтобы никто не слышал.

Потому с большей охотой они покупали бы всё оружие у нас. Но Марокко — это зона влияния Франции, и с Францией ссориться не хотят ни Россия, ни Марокко. Очень много марокканцев живёт во Франции, и все оставшиеся мечтают туда или в Испанию уехать. Почти все говорят худо-бедно по-французски, это у них государственный язык. Они ориентируются на Францию. Французы в Марокко чувствуют себя как дома.

Французы и богачи всего мира покупают земли около Марракеша. Марракеш — исторический красивейший центр, поэтому многие богачи и политики из Европы и США считают своим долгом построить виллу в окрестностях. Это престижно.* К тому же там комфортно, спокойно, если у вас есть деньги, то все двери открыты... Миллионы марокканцев мигрировали во Францию, Бельгию, Голландию. Но нас (русских) они очень уважают и хотели бы с нами сотрудничать.

Марокканские арабы — очень сильная нация. Един-

---

* Ходят упорные слухи, что **Владимир Путин** приобрёл большой особняк в Марракете. (По материалам Интернета.)

ственное. что у них, может быть, грязновато, поменьше порядка. Но люди не стесняются выражать своё мнение, если им что-то не нравится, они начинают тут же митинговать. Русские молчат терпеливо, а они тут же выступают. Был такой случай: задерживался рейс на 3 часа, так марокканские арабы тут же начали возмущаться, организовали митинг: на каком основании задерживают рейс? И потребовали от компании, чтобы их отправили. И добились своего!

Это очень сильная нация. Они никогда не были колонией, у них всегда был король. Это был протекторат Франции, но у них было королевство, своё государство. Это не Алжир, где к приходу французов никого не было, кроме диких племен. Французы создали там государство и понятно, почему они не хотели его отдавать — это была территория Франции, в которую было вложено много денег.

— **Как подготовлены марокканские солдаты и офицеры?**

— И солдаты, и офицеры достаточно хорошо подготовлены, у них есть своя система подготовки, позаимствованная из Франции. Даже покрой формы такой же, как у французов, только цвет другой. Всё полностью скопировано с французской армии: система подготовки, службы, ротации и т.д. Система французской армии, в принципе, эффективна. Я общался с французскими и арабскими офицерами.

Такая система была и в советской армии, но сейчас она сломана.

Для того чтобы занять должность в марокканской армии, необходимо подготовиться и сдать экзамен. Причём, нужно несколько претендентов — открытый конкурс проводится. Например, четыре человека подают документы, готовятся в течение двух месяцев и сдают экзамены. Лучший выбирается не огульно. Жёсткая систе-

ма ротации: три года — поменял место, три года — вновь поменял. И система военных городков, в которых они живут. Я не ругаю нашу армию, может быть, она придёт к этому. А у них это давно работает. И марокканцы перенимают эту систему у французов и эффективно используют в своих вооружённых силах.

Французы считают себя обиженными, потому что они первыми стали осваивать Африку и Америку. А англичане «опоздали». Но с помощью хитрых, коварных приёмов и военной силы они многое отобрали у французов. Те, конечно, обижаются.

— По разным источникам, в течение 300, если не 350 лет Великобритания грабила весь мир. Говорят, в Китае нет 90% тех богатств, которые имеются в китайских отделах лондонских музеев (все редкости вывезли из Китая за время опиумных войн). То же самое можно сказать про Индию, Китай, Таиланд, Египет и многие другие.

— Как говорят некоторые философы: «Победитель перекроил историю реальных событий». Они (англичане и французы) мир ограбили, но говорят, что принесли народам мир и порядок.

— А климат там сухой и жаркий?

Да, сухой, жаркий, но легкопереносимый и относительно здоровый. Побережье Марокко и Западной Сахары — удобнее место для создания зон отдыха, на туризме можно процветать. Красивое побережье, чистое красивое море, шикарная рыбалка. В Сахаре тоже разные зоны. Огромное количество животных: газели, зайцы, верблюды. Большое количество населения, которое занимается скотоводством. Климат сухой и жаркий. Летом бывает до 60 градусов, но они легко переносятся. Зимой не ниже +15.

Поэтому люди экономят на продуктах питания (не надо поддерживать тепло в организме). Едят они 1–2 раза в день. Воды много пьют. Занимаются в основном

скотоводством — овец пасут. В городах, преимущественно, торгуют. Доход, в основном, от ООН и туризма.

Западная Сахара, конечно, будет очень богатая страна, если добьётся независимости*, не будет воровать местная элита, будет правильный менеджмент, может расцвести. Но Марокко согласно лишь на широкую автономию: можете разговаривать на своём диалекте, устанавливать свои законы, но в пределах марокканского королевства.

— **Там берберов больше, чем арабов?**

— Нет, в Западной Сахаре берберов очень мало. Местные арабы называются «сахарави» (сахарский араб). Они более чёрные (видно, с местными неграми смешаны) и настроены на независимость. Регулярно проводятся в столице Эль-Айюн манифестации за независимость, видимо, откуда-то деньги поступают, но без каких-либо эксцессов. Население спокойно живёт, работает и обогащается. Им невыгодно, чтобы ООН уходила.

С 1991 г. там подписано соглашение с наблюдателями ООН. Столкновений вообще после этого между **ПОЛИСАРИО** и марокканской армией не было. Когда Испания отказалась от своих владений, то её интересовал только один город — Дахла, — раньше это был испанский порт, военная база. Напротив Западной Сахары в 80 милях находится испанская территория — Канарские острова. Там очень сильное испанское влияние. Канары — это чистая Испания. Там хорошо, спокойно — прекрасные условия для жизни. Многие сахарави живут там, или приезжают поиграть в казино, отдохнуть и т.д.

Сахарави больше любят Испанию, всё испанское, чем Францию и стараются уехать в Испанию. Многие знают испанский язык, учили его. Только сейчас Ма-

---

* Вряд ли Марокко захочет отпустить «свою» (западную) часть Западной Сахары. (Прим. ред.-сост.)

рокко начинает насаждать французский – официальный язык Марокко.

После того как Испания в 1960–1970-е годы отказалась от Западной Сахары, начались переговоры – кому это будет отдано. Мавритания заявила свои права на южную часть, на северную – Марокко. Мнение местной элиты никто не учитывал. Всего населения в Западной Сахаре 300 тыс. человек.

Они создали в 1973 г. свой фронт – **ПОЛИСАРИО**, фронт борьбы за независимость. Использовали тактику партизанских набегов: ударить и бежать. У них до сих пор есть подразделения на базе джипов, на них стоят наши **ЗПУ-2** и **ЗГУ-1** (калибра 14,5 мм). С помощью своей тактики они добились того, что Мавритания отказалась в 1979 г. от претензий на территорию Западной Сахары. То есть пыталась претендовать, были стычки с мавританской армией, но потом Мавритания отказалась в пользу Марокко.

Были стычки с марокканской армией, они (**ПОЛИСАРИО**) нападали и успешно брали в плен марокканских солдат. В данный момент положение стабилизировалось и всё находится в равновесии.

За фронтом **ПОЛИСАРИО** стоит Алжир, который их финансирует, они одеты в алжирскую форму. Алжир хочет доступа к разработке месторождений, потому что это очень дёшево. Я видел огромное количество китайских специалистов, которые едут в Африку на разработку месторождений. Если едут российские – возмущаются американцы, если американские специалисты – возмущаются российские, а китайцами никто не возмущается, и они «тихой сапой» подминают под себя африканские страны.

– Но, как говорят, китайцев простые африканцы (и арабы в частности) уже ненавидят больше, чем в своё время колонизаторов.

– Может быть. Когда шла борьба за строительство газопровода, победили китайцы. В Чаде сейчас тоже разворачивается миссия ООН. Но это должно быть добровольное желание конфликтующих сторон. Наблюдатели безоружны, они только наблюдают и информируют ООН.

Все миссии ООН очень отличаются друг от друга. Судить обо всех по одной нельзя. Самой лучшей миссией считается Западная Сахара. Остальные все крайне не организованны, наблюдатели брошены на собственное выживание. Русские там вообще в очень невыгодном положении. В Западной Сахаре платят мало. В других платят больше, но, например, в Конго очень большие расходы на жильё, поэтому разница в оплате не существенна. Местное население поднимает цены, чтобы заработать на ООН.

Опять же в плане болезней – это тоже очень опасно. Хроническое заболевание получишь – потом больше денег потратишь на лечение. В Западной Сахаре в этом смысле лучше – платят немного, но малярии там нет. А сколько случаев у нас было, что человек приезжает из миссии ООН и внезапно через месяц умирает. Семья остается без содержания.

Как я уже говорил, все остальные – даже китайцы – сохраняют полностью зарплату своим военным в ООН и платят ещё два оклада. В таком же положении, как мы только египтяне. Но у них уровень жизни совсем другой. На полторы тысячи долларов, которые они получают, через год, по окончании миссии, можно купить дом. А у нас даже машину не купишь. Я ничего не заработал, даже машину не купил. Всё уходит на содержание семьи. Единственный плюс – опыт общения в международном коллективе, работа со штабными ооновскими документами, плюс язык. Я немного подучил французский и усовершенствовал английский.

Я понял, кто есть кто из тех наций, что нас окружали. Очевидна трусость европейцев к представителям африканских стран. У них создали комплекс вины за колониализацию, что они эксплуатировали их богатства, чем чёрная Африка и южная Азия сейчас напропалую пользуется, а они молчат и молча сносят все нарушения закона, которые те там допускают.

Например, в ооновских миссиях существует неприкрытый протекционизм индусско-пакистанско-бангладешских представителей. Нарушаются все принципы баланса представителей в штабных структурах. Если один попал в штаб, он вытащит всех туда, нарушая все ооновские принципы. Начальник штаба был из Пакистана, он вытащил одного из Бангладеш только за то, что он хорошо готовил (даже французы говорят, что лучше взять в штаб самого плохо говорящего по-английски русского, чем их генерала). Уровень развития у них (пакистанцев, индусов и бангладешцев) очень невысокий, умения работать нет. Ну и, естественно, взяточничество процветает.

Я слышал разговор между бангладешцем и йеменцем. Один другому говорил: «ты заплати столько-то, чтобы попасть в штаб». Одно время вдруг всех русских из штаба выдавили и появились все бразильцы. Как выяснилось, они платили деньги бангладешцу, который был посредником, и попали в штаб. Знаний и умений у бразильцев (и других латиносов) очень мало. Английский отвратительный. Они считают, что мы должны учить испанский или португальский. А по-английски говорят откровенно плохо.

Посмотрев на это, у меня сложилась картина наций. Я считаю, что русская — одна из лучших наций. Вот и арабы говорят: «вы лучше всех». Русский, попав в штаб ООН, старается соблюдать баланс наций, справедливость, пытается вести работу. Эти же думают только о себе и о своём кармане.

Если попадают в штаб ООН чёрные африканцы, это всё — работа завалена. Они ленивы, ничего не желают делать, только извлекать выгоду из своего положения. Например, приехал новый начальник штаба из Гвинеи. Большой, толстый, важный. Первым его шагом по прибытии в гостиницу было требование привести к нему в номер девушку, сидящую на **reception***. Он привёз свои привычки из своей страны — по всей видимости, у него такой менталитет: если ты полковник, начальник, то тебе всё можно.

Такие варианты есть даже в ООН. Мне рассказывали, что если негр из Африки служит в Нью-Йорке в штабе, он может потребовать у белого офицера, чтобы жена того спала с ним, иначе не будет продвижения по службе. Многие белые из-за этого уезжают из штаба ООН в Нью-Йорке в различные миссии, так сказать, в «field conditions» (полевые условия), поскольку в Нью-Йорке из-за таких вот чёрных начальников им продвижение «не светит».

Но возвращаюсь к этому полковнику из Гвинеи. Он не понимал, что находится в мусульманской стране, где очень жёсткие полицейские законы. И что все эти девочки, сидящие на **reception**, обычно или агенты спецслужб, или полицейские агенты, или дети довольно сильных и влиятельных людей этой страны.

Марокко — мусульманская страна. Там женщины среднего поколения ходят закрыв лицо платком и в очках, хотя и объясняют это тем, что у них модно белое лицо. Молодёжь, конечно, по-другому.

В общем, кончилось всё тем, что этого гвинейского полковника (по требованию разъярённого отца девочки, тут же примчавшегося в гостиницу, когда дочь ему позвонила и пожаловалась) марокканцы депортировали. Не сразу, но...

---

* Приём постояльцев в гостиницу.

И второй такой же офицер приезжает из Гвинеи. То же самое — потребовал себе девочку. Но этому объяснили сразу, что тут убить за подобное могут в два счёта. Он немного поутих. Они (негры) обычно приезжают на такие должности в ООН за взятки. Так они мне сами рассказывали в приватном разговоре.

Ни у негров, ни у арабов, ни у латиносов, ни у пакистанцев-бангладешцев-индусов нет понятия о справедливости и законности. Они думают только о себе. Нужна должность, не важно как. Но к нам они относятся с уважением. Практически все. Они между собой быстро находят общий язык, но боятся и уважают русских и французов. Хотя французы там молчат, пытаются уйти в сторону, держать нейтралитет. Так же, как китайцы. Французы стараются вести себя скромно, не вызывающе.

— **А немцы?**

— Немцев не было, были австрийцы. Очень хорошие, коммуникабельные. Обычно приезжают люди 40–50 лет, преимущественно в звании майора. Полковник у них очень высокое звание. Подполковник — на уровне нашего генерала. Умные, очень любят поговорить. У них чёткая организация. Они тоже сталкиваются с противодействием латиносов.

Что же касается представителей Восточной Европы — венгров и поляков, то они подсознательно группировались вокруг меня, выбрав лидером. Они чувствовали, что Россия — лидер. Как бы ни выпендривались, они уважают Россию и прислушиваются. Понимают, что их элита присоединилась к НАТО, потому что так выгоднее, так больше денег. Ни у венгров, ни у поляков армий уже нет. Многие с ностальгией вспоминают времена Варшавского договора, как они братались с Советской армией.

А натовские (американцы в частности) офицеры (по их рассказам) никогда с ними за один стол не сядут, относятся

очень пренебрежительно. И немцы так же. Твой авторитет зависит от твоего экономического положения.

Восточная Европа нужна НАТО только как пространство, как пушечное мясо. Им (полякам, венграм и т.д.) это очень не нравится, но сделать они ничего не могут. А к нам они относятся очень хорошо. Естественно, на приватном уровне. В работе мы всегда могли положиться друг на друга — воспитание советское и менталитет. Их молодые офицеры уже немного другие, но относятся к нам с симпатией и интересом.

Единственно, кто откровенно враждебно к нам относился — хорваты, это очень чувствовалось. Хотя постепенно, в процессе общения, мы и с ними нашли общий язык. Но они мне не понравились. Это всё результат пропаганды. Они все участвовали в гражданской войне в бывшей Югославии, они все — убивали. У меня было чувство опасности в отношениях с ними. Они все с удовольствием рассказывали, как убивали сербов. И пытались распоряжаться, командовать. Приходилось их очень часто ставить на место.

Если кто соблюдает ооновские законы — это русские. Да, они могут выпить, подебоширить, но они бесхитростны, откровенны. Совсем не коварны, как паки*, индусы, латиносы.

Латиносы вообще будут тебе улыбаться, будут хорошими, пока не закончилась последняя капля в бутылке. Бутылка закончилась, он отворачивается и вообще тебя знать не знает. У них извращённое сознание. Абсолютно ненадёжная нация**.

Очень большой интерес вызываем мы у китайцев.

---

* Пакистанцы.

** Те, кто воевал плечом к плечу вместе с кубинцами в Эфиопии, Мозамбике и Анголе, не согласны с такой точкой зрения, хотя кубинцы все же выгодно отличаются от остальных латиносов.

Расспрашивают о политике, о **Путине**, о стране. У них сейчас политическая линия на сотрудничество с Россией. Пытались со мной вести политические беседы. Молодёжь с большим интересом к нам относится. Мы любили готовить свою кухню, они приходили и спрашивали. Монголы к нам с интересом, преданностью относились. Ещё были офицеры из Малайзии. Тоже очень хорошо относились.

Никто из них не понимал, почему нам так мало платят. В условиях нападений, грабежей, минных полей, приходилось работать в различных миссиях. Были даже случаи, когда убивали и съедали наблюдателей ООН. И в заложники брали. Такие ситуации сплошь и рядом в чёрной Африке.

Самые неприятные из арабов — египтяне. Очень высокомерны. Считают, что они носители культуры основателей этого мира и лучше всех знают английский, хотя трудно понять, что они говорят. Хотя мы знаем, что они к египетской цивилизации не имеют никакого отношения. Они просто завоеватели*. Очень скандальны, постоянно ругаются, вступают в конфликты. Пытаются доминировать. Нет ничего хуже, чем ехать по точкам с египтянином. Он делает, что считает нужным и ничего не слушает, не воспринимает никаких советов. Есть конечно, поумнее египтяне, но их очень мало. Помню, я с одним из египетских офицеров поехал на джипе **Тойота** и просил, чтобы он не гнал. Тот не послушался и мы в итоге перевернулись, к счастью, не покалечились.

Украинцы были только один раз — экипаж на **Ан-**

---

* Наследниками строителей пирамид являются египетские христиане-копты (свыше 10% населения Египта). Подавляющее большинство египетских арабов не имеют коптских предков и являются потомками завоевателей-арабов, пришедших в Египет в VII веке. (Прим. *Михаила Точигина.*)

26, перевозили что-то. К нам относились, как к чужим. Они считают, что они — отдельная нация. Мы пытались с ними контактировать, но они держатся обособленно. Ну мы и не навязывались.

— **А американцы, канадцы?**

— Американцев не было. Канадцев не было военных, только гражданские. Очень лояльные, вежливые, но держатся на расстоянии. Из европейских стран — итальянцы, французы были, австрийцы, ирландцы.

Ирландцы похожи во многом на нас. Пять дней работают, потом в пятницу им нужно напиться, всю субботу ходят с больной головой.

Я рассказываю всё это потому, что несмотря на то, что при подготовке нас учили «как себя вести», но деталей, которые играют очень важную роль в непосредственной работе на месте, нам никто не рассказывал, а это очень важно — знать национальные особенности людей, с которыми работаешь бок о бок...

Сейчас меня планируют отправить в миссию ООН в Конго. Как там чего будет — не знаю, но мне уже немало порассказали про Конго и про условия службы там. Судя по рассказам, весёлого мало. Что ж, поживём-увидим!

Ветераны локальных войн и миротворческих операций ООН вспоминают

Редакторы-составители:
полковник, к.и.н. *А. А. Токарев*,
к.и.н. *Г. В. Шубин*

Редактор
О. И. Шартова

Компьютерный набор
М. Н. Поленкова, Г. В. Шубин

Компьютерная вёрстка и обложка
Е. Е. Рудакова

Технический редактор *И. Б. Белый*

Утверждено к печати
Учёным советом Института Африки РАН

Издатель *И. Б. Белый*

www.membook.ru
info@membook.ru

Подписано в печать 25.10.2010.
Формат 60x84/16. Бумага писчая.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 12,55.
Тираж 100 экз. Заказ № 04.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «CherryPie»
www.cherrypie.ru

Телефон/факс: +7 (495) 604 4154.
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., д.12.